

ОТЕЛЛО, ВЕНЕЦИАНСКИЙ МАВРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни одна пьеса Шекспира не служила столькимъ спорамъ о времени происхожденія своего какъ «Отелло». Почти всѣ критики относили «Отелло» къ 1612—1614 годамъ, пока, наконецъ, извѣстный издатель Шекспира, Пейнъ Колльеръ, не отыскалъ между прочими записями расходовъ сэра Томаса Эгертона, впослѣдствіи лорда Эльсмера, что, во время трехдневнаго пребыванія Елизаветы и двора ея въ Гэрфильдѣ, 6-го августа 1602 года, заплачено было 10 фунтовъ стерлинговъ труппѣ Бёрбэджа за представленіе «Отелло». — «А такъ какъ», добавляетъ Колльеръ: «въ такихъ высокаторжественныхъ случаяхъ давались обыкновенно или ужь очень популярныя, или новыя пьесы, то «Отелло», конечно, должно по времени происхожденія отнести къ 1602 году». Сюжетъ «Отелло» заимствованъ изъ «*Heatomithi*», итальянскаго сборника новеллъ Джиральди Цинтіо; но Шекспиръ ознакомился съ нимъ не въ подлинникѣ и не во французскомъ переводѣ, какъ предполагали прежде, а въ томъ извлеченіи, которое въ 1582 году появилось въ книгѣ Уэтстона «*Heptameron of civil discourses*». Любопытно ознакомиться съ содержаніемъ самой новеллы, чтобы видѣть, насколько воспользовался Шекспиръ матеріаломъ, находившимся у него подъ руками. Въ сборникѣ Цинтіо новелла носитъ такое же точно названіе (*il Moro di Venezia*), какъ и драма Шекспира. Начинается она съ разсказа о томъ, что въ Венеціи жилъ нѣкогда храбрый мавръ, который своей неустрашимостью и опытностью въ военномъ дѣлѣ умѣлъ заслужить себѣ въ республикѣ такое уваженіе, что сталъ необходимъ ей. Случилось такъ, что одна весьма добродѣтельная и прекрасная собою дѣвица, по имени Дездемона, влюбилась въ мавра, *увлеченная его подвигами*, а онъ полюбилъ ее за красоту и добродѣтель ея. Несмотря на различныя препятствія и *несогласіе со стороны родственниковъ*, Дездемона вышла замужъ за мавра. Пока они жили въ Венеціи, все шло прекрасно, и они были очень счастливы; но вотъ сенатъ вздумалъ мавру поручить командованіе надъ войсками, находившимися на Кипрѣ. Почестъ эта была бы для него весьма пріятна, если бы только онъ не былъ озабоченъ предстоявшей ему разлукой съ женою. Однакоже, Дездемона не хотѣла и слышать о разлукѣ, и скорѣе готова была на всѣ опасности, лишенія и пожертвованья, чѣмъ на разлуку съ милымъ супругомъ. Въ свитѣ мавра находился, между прочимъ, одинъ прапорщикъ, очень красивый собою, но въ то же время *злѣйшій изъ всѣхъ людей на свѣтѣ*. Однакоже, онъ умѣлъ прикрывать

низость своего сердца такими громкими и блестящими фразами, что каждый готовъ былъ считать его Гекторомъ или Ахилломъ. Этотъ злодѣй захватилъ съ собою на Кипръ и жену свою, съ которой Дездемона была очень дружна и любила проводить большую часть дня. Сверхъ того, въ свитѣ мавра находился еще одинъ капитанъ, котораго мужъ Дездемоны очень уважалъ и любилъ, часто приглашалъ къ себѣ и оставлялъ у себя обѣдать; Дездемона невольно привязалась къ нему и мавру очень пріятно было видѣть ихъ дружескія отношенія.

Между тѣмъ, злобный прапорщикъ, забывая и вѣрность, какою онъ былъ обязанъ своей женѣ, и дружескія отношенія къ мавру, страстно полюбилъ Дездемону и только о томъ сталъ день и ночь думать, какъ бы *насладиться ея красотой* (sic). Но такъ какъ она была недоступно вѣрна своему мужу и добродѣтельна, то онъ не осмѣливался при ней и заикнуться о своей страсти, столько же опасаясь ея добродѣтели, сколько и гнѣва со стороны грознаго мавра. Напрасно старался онъ тайно дать замѣтить Дездемонѣ свою страсть къ ней — ни отвѣта, ни надежды на взаимность съ ея стороны не было. Тогда онъ

256

вообразилъ себѣ, что она равнодушна къ нему только потому, что любитъ капитана, и вскорѣ страстная любовь его къ Дездемонѣ обратилась въ страшную ненависть, и онъ сталъ думать только о томъ, какъ бы ему умертвить капитана и отнять тѣмъ у него, а потомъ и у мавра всякую возможность насаждаться прелестями Дездемоны.

Съ этою цѣлью рѣшился онъ оклеветать Дездемону передъ мавромъ въ невѣрности супружескимъ обязанностямъ и указать на капитана, какъ на виновника ихъ нарушенія. Но мавръ такъ нѣжно любилъ жену, что прапорщикъ рѣшился для выполненія своихъ мрачныхъ намѣреній подождать болѣе удобнаго случая. Случилось вскорѣ послѣ того, что капитанъ, разгнѣвавшись на часового, обнажилъ противъ него мечъ свой и ранилъ его; мавръ немедленно отставилъ его отъ службы за такое самоуправство, а Дездемона, сожалея о провинившемся, по добротѣ своей, стала просить мужа, чтобы онъ опять взялъ его къ себѣ на службу. Мавръ сказалъ однажды прапорщику, что онъ рѣшительно не въ силахъ противиться неотступнымъ просьбамъ жены и принужденъ будетъ уступить ей; а прапорщикъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, сказалъ: «видно у Дездемоны есть на это свои причины». — «Какія же?» спросилъ мавръ. — «Мнѣ не хотѣлось бы ссорить мужа съ женою», отвѣчалъ прапорщикъ: «но вамъ стоитъ только самимъ открыть глаза, чтобы все увидѣть ясно». Эти слова заронили тотчасъ сомнѣніе въ душу мавра; оно еще болѣе усилилось вслѣдствіе того, что жена не переставала просить его за капитана, напоминать ему о долготѣней дружбѣ его и заслугахъ и сказала даже однажды: «онъ не совершилъ никакого особенно-важнаго преступленія, но вы, мавры, такъ горячи и вспыльчивы, что каждая бездѣлица вызываетъ васъ на гнѣвъ и мщеніе». Въ страшномъ волненіи мавръ обратился къ коварному прапорщику за совѣтомъ, что ему дѣлать, и

требовалъ отъ него поясненія его прежнихъ намековъ. Тотъ сначала прикинулся, что не хочетъ оскорблять мавра, но потомъ, какъ-будто изъ участія къ нему, сказалъ: «Дездемона только потому недовольна удаленіемъ капитана, что онъ ей доставлялъ удовольствіе своей наружностью, между тѣмъ какъ черный цвѣтъ вашего лица ей противенъ». Задѣтый за живое этими словами, мавръ гнѣвно закричалъ: «я вырву у тебя языкъ, который осмѣливается взводить такія позорныя небылицы на мою жену!» Тогда прапорщикъ, опять прикинувшись огорченнымъ, сказалъ, что если бы онъ зналъ, какъ несправедливъ будетъ къ нему мавръ за его преданность, то скорѣе бы промолчалъ и хладнокровно смотрѣлъ со стороны на то, какъ жена вмѣстѣ съ капитаномъ станутъ его дурачить и т. д. Мавръ сказалъ ему на это грозно: «если ты не подтвердишь мнѣ своихъ обвиненій самыми осязательными доказательствами, то я заставлю тебя признаться, что для тебя лучше было бы родиться нѣмымъ». И прапорщикъ обѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ времени подтвердить слова свои положительными доказательствами.

Съ этой минуты несчастный мавръ, *словно раненый самую острую стрѣлою*, сталъ ожидать того дня, когда злодѣй подтвердитъ клеветы свои такою же коварною и новою клеветою.

Долго думалъ прапорщикъ и вотъ что, наконецъ, пришло ему въ голову. Онъ замѣтилъ, что Дездемона часто носила съ собою *очень искусно вышитый мавританскими узорами платокъ*, подаренный ей мавромъ, и который былъ ей настолько же дорогъ, на сколько и ея супругу. Мы сказали уже выше, что Дездемона очень любила жену прапорщика и часто у нея бывала; и вотъ, во время одного изъ такихъ посѣщеній, когда Дездемона взяла на руки и ласкала маленькую дочку прапорщика, обманщикъ ловко вытащилъ у нея этотъ расшитый платокъ и на другое же утро обронилъ его, какъ будто нечаянно, на квартирѣ капитана. Дездемона не сразу замѣтила потерю платка, но, спохватившись, очень испугалась и стала его искать въ большой тревогѣ. Что же касается капитана, то онъ, найдя у себя платокъ Дездемоны и недоумѣвая насчетъ того, по какому случаю онъ попалъ къ нему, рѣшился тотчасъ возвратить его по принадлежности. Однакоже, выждалъ такого времени, въ которое, какъ ему было извѣстно, мавра не бывало дома, и постучался у задняго крыльца маврова дома. Но судьба видно стоворилась съ коварнымъ прапорщикомъ противъ невинной Дездемоны, и случилось именно такъ, что мавръ успѣлъ вернуться домой къ тому времени, когда капитанъ сталъ стучаться въ двери. «Кто тамъ стучить?» закричалъ онъ гнѣвно. Когда капитанъ слышалъ его голосъ, то, боясь показаться ему на глаза, пустился тотчасъ бѣжать отъ дверей, такъ что мавръ, отворивши ихъ увидѣлъ, что на улицѣ никого не было. Взбѣшенный возвратился онъ въ домъ и сталъ спрашивать у жены, кто стучался у дверей. Она отвѣчала: «не знаю». — «А мнѣ кажется, что стучался капитанъ». — «Не знаю, онъ ли, или кто другой?» отвѣчала невинная Дездемона и мавръ счелъ нужнымъ на этотъ разъ сдержать свою ярость. Но онъ не могъ умолчать объ этомъ передъ прапорщикомъ — и тотъ обѣщалъ ему, какъ можно подробнѣе, разспросить обо всемъ капитана. И

дѣйствительно, повстрѣчавшись однажды съ капитаномъ, онъ сталъ говорить съ нимъ, тогда какъ Отелло наблюдалъ со стороны, *о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, но размахивая руками и покатываясь со смѣха, какъ будто разговоръ между нимъ и капитаномъ шелъ о чемъ-нибудь очень странномъ и смѣшномъ.* О Дездемонѣ, однакоже, не было у нихъ и рѣчи. Когда капитанъ ушелъ, мавръ поспѣшно приблизился къ прапорщику, который долго заставилъ себя просить, и, наконецъ, сказалъ: «Онъ все мнѣ открылъ. Оказывается, что жена ваша назначала ему свиданіе каждый разъ, какъ вы находились въ отлучкѣ; мало того, она даже подарила ему на память тотъ платокъ, который вы дали ей при сговорѣ».

За этимъ разговоромъ дѣйствіе новеллы слѣдуетъ нѣсколько иному ходу, чѣмъ въ драмѣ Мавръ старается убѣдиться въ справедливости словъ прапорщика, спрашивая у жены о платкѣ; она ни въ чѣмъ не виновная, смущается и не знаетъ, что отвѣчать, потомъ совѣщается съ женою прапорщика о томъ, какъ бы ей укротить гнѣвъ супруга; но та, находясь вмѣстѣ съ мужемъ своимъ въ заговорѣ противъ Дездемоны, не даетъ ей никакого дѣльнаго совѣта. Потомъ въ новеллѣ рассказывается, какъ прапорщикъ еще болѣе возбудилъ ревность мавра, показавъ ему издали платокъ его жены въ рукахъ одной женщины (вышивальщицы), послѣ чего уже мавръ начинаетъ помышлять только объ умерщвленіи капитана и подкупаетъ на это убійство прапорщика. Покушеніе на жизнь капитана происходитъ точно такъ же, какъ и въ драмѣ: прапорщикъ перерубаетъ ногу капитану, и будучи увѣренъ, что онъ не выживетъ отъ этой раны, объявляетъ мавру объ его смерти. Дездемона искренно сожалеетъ о капитанѣ и, безбожный прапорщикъ, пользуясь этимъ случаемъ, говоритъ мавру: «не удивительно, что она о немъ такъ сожалеетъ: онъ былъ ея душою», — «Ея душою!» возражаетъ мавръ: «о! я вырву у нея эту душу!» И тотчасъ послѣ того мавръ сговаривается съ прапорщикомъ о томъ, какъ бы ему умертвить Дездемону. Прапорщикъ предлагаетъ варварскій способъ: насыпать въ мѣшокъ песку и забить ее этимъ мѣшкомъ до смерти, чтобы не было послѣ на тѣлѣ ея никакихъ знаковъ насилія, а потомъ обрушить потолокъ спальни на ея трупъ и на эту случайность указать, какъ на причину ея смерти. Какъ было задумано — такъ и сдѣлано. Но едва только успѣли похоронить невинно-пострадавшую Дездемону, о которой всѣ сожалели и вспоминали со слезами, какъ совѣсть стала невыносимо мучить мавра, и онъ, страшно гнѣваясь на безбожнаго соучастника своего преступленія, непременно бы убилъ его, если бы не боялся отвѣтственности передъ венеціанскимъ правительствомъ. Однакоже, онъ отставилъ прапорщика отъ службы и тотъ, побужденный злобою къ мщенію, обвинилъ его передъ венеціанскимъ сенатомъ въ покушеніи на жизнь капитана (который между тѣмъ выздоровѣлъ и ходилъ съ деревяшкой, вмѣсто отнятой ноги) и въ умерщвленіи жены, доказывая, что мавръ подстрекалъ и его участвовать въ убійствѣ, но онъ, прапорщикъ, отказалъ ему въ этомъ и тѣмъ заслужилъ отъ него опалу. Сенатъ приказалъ схватить мавра на Кипрѣ и предать его пыткамъ; но самыя жестокия мученія не могли вынудить у него признанія его виновности. Тогда рѣшено было, послѣ долгаго заточенія, изгнать его навсегда изъ отечества, и въ этомъ изгнаніи онъ скоро погибъ отъ руки

родственниковъ Дездемоны. Что же касается прапорщика, то онъ вскорѣ попался въ какихъ-то плутняхъ по другому дѣлу, былъ преданъ пыткамъ и мученъ такъ жестоко, что у него вся внутренность разсыпалась, и онъ вскорѣ умеръ среди неслыханныхъ страданій. «Такъ отмстилъ Богъ», добавляетъ авторъ новеллы: «за невинность Дездемоны. А это все рассказывала жена самого прапорщика, вскорѣ послѣ его смерти».

Вотъ канва, на которой основалъ Шекспиръ одно изъ лучшихъ своихъ произведеній, или по крайней мѣрѣ такое, которое вмѣстѣ съ двумя-тремя другими болѣе возбуждало къ себѣ сочувствіе, болѣе обращало на себя вниманія. Но какъ умѣлъ великій поэтъ справиться съ простымъ и грубымъ рассказомъ новеллы? Какъ умѣлъ онъ отгнать, рѣзко обособить и такъ сильно выставить на первый планъ три превосходно созданные характера? Въ новеллѣ Джиральди Цинтіо характеры очень слабы: мы видимъ въ поручикѣ Яго неслыханнаго злодѣя, въ Дездемонѣ — безцвѣтный типъ доброй, но безхарактерной женщины, а въ самомъ маврѣ — опять-таки весьма обыкновеннаго ревнивца, который даже напоминаетъ собою избитый типъ ревнивцевъ, которые такъ часто являются въ новеллахъ. Вся эта дивная перемѣна была произведена Шекспиромъ на основаніи того глубокаго воззрѣнія на чувство ревности, которое выразилось въ главномъ характерѣ *Отелло*, и все остальное содержаніе пьесы подчинило вліянію его типа; всѣ лица, кромѣ Отелло, отодвинулись на второй планъ, словно давая полный просторъ развитію могучаго характера, въ основаніи котораго лежитъ такой неисчерпаемый запасъ страсти. Драма Шекспира, какъ и всякое изящное произведеніе, не приводитъ, конечно, ни къ какому нравственному выводу, но, изображая всю тягость страданій отъ ревности, рисуетъ ихъ

258

такими красками, что невольно внушаетъ жалость къ ревнивцу, подвергнувшемуся этимъ страданіямъ — жалость, даже и въ ту минуту, когда онъ забывается до того, что заставляетъ страдать другихъ.

Съ этой точки зрѣнія, приступая къ разсмотрѣнію «Отелло», видимъ, что Шекспиръ цѣликомъ внесъ въ драму главную связывающую нить всѣхъ важнѣйшихъ событій новеллы, до мелочныхъ подробностей, и нисколько не насиловалъ своей фантазіи придумываньемъ чего-нибудь новаго въ этомъ отношеніи. Тѣмъ болѣе обратилъ онъ вниманія на обстановку каждой сцены, въ которой участвуетъ Отелло — главный герой драмы — и на провѣрку всѣхъ отношеній его къ окружающимъ. Отъ орлинаго взгляда Шекспира прежде всего не укрылась необходимость обставить Отелло рѣзкими противоположностями, — и вотъ около него явились Яго и Дездемона, на столько же противоположные другъ другу, на сколько каждый изъ нихъ въ своемъ родѣ противоположенъ Отелло. Однакоже, отношенія Яго къ Отелло въ драмѣ совсѣмъ не тѣ, какія видимъ въ новеллѣ между мавромъ и прапорщикомъ. Тамъ прапорщикъ ненавидитъ Дездемону, и эта ненависть къ Дездемонѣ заставляетъ прапорщика изыскивать всевозможныя средства къ отмщенію ей; возбужденіе ревности въ маврѣ является однимъ изъ вѣрнѣйшихъ

средствъ къ тому, чтобы истерзать и погубить Дездемону — и венеціанецъ, прихотливый, изобрѣтательный и въ любви, и въ ненависти, тотчасъ хватается за это средство. Надо отдать полную справедливость новеллѣ въ томъ, что такое отношеніе прапорщика къ Дездемонѣ весьма естественно и даже можетъ всѣмъ показаться болѣе естественнымъ, чѣмъ тѣ поводы къ ненависти, которые Яго показываетъ противъ Отелло. Но дѣло въ томъ, что возвышая Отелло до значенія главнаго характера, Шекспиръ обошелъ молчаніемъ страсть Яго къ Дездемонѣ, которая бы должна была поставить Отелло на второй планъ, и очень искусно направилъ ненависть его не на Дездемону, а на самого Отелло. Кромѣ того основныя черты характера Яго выставлены у Шекспира съ такой ясностью и опредѣленностью, что почти не приходится обращать вниманія на причины его ненависти къ мавру: Яго по естественному закону противоположности, *долженъ* ненавидѣть Отелло, какъ всякое злое всегда ненавидитъ все доброе и простое. Не довѣряя никому и ни въ чѣмъ, Яго, весьма естественно, *долженъ* смѣяться надъ тѣми, которые, по простотѣ своей, довѣряютъ ему, но какъ онъ ни издѣвается надъ другими, какъ глубоко ни вѣритъ въ превосходство своего ума и способностей, ему все же не удастся ни на чемъ установиться, не удастся, при всѣхъ усиліяхъ стать настолько высоко въ своемъ собственномъ мнѣніи, чтобы червь зависти, который точитъ его черствое сердце, далъ ему успокоиться на минуту и не побуждалъ его къ новымъ проискамъ, къ новымъ обманамъ и преступленіямъ.

Превосходно угадалъ Шекспиръ ту обстановку, въ которой духъ Яго, направленный на зло, *долженъ* былъ проявиться какъ можно многостороннѣе. Для этого поставилъ онъ рядомъ съ нимъ недалъновиднаго и легкомысленнаго Родриго, до того ослѣпленнаго стремленіемъ къ удовлетворенію своей чисто-животной страсти, что онъ способенъ быть игрушкой всякаго, кому вздумалось бы изъяснить готовность помочь ему въ достиженіи его цѣлей. Съ другой стороны, женою Яго является не та женщина, которая, по разсказу новеллы, такъ коварно-дружна съ женою мавра, такъ способна понимать планы своего мужа, хотъ и не раздѣлять ихъ вполнѣ. Эмилиа, напротивъ — заганное, глупое и простое существо, настолько же дюжинное въ умственномъ, насколько и въ нравственномъ отношеніи; она такъ твердо увѣрена въ превосходствѣ надъ собою Яго, что неспособна даже ни къ какой провѣркѣ тѣхъ поступковъ, къ которымъ мужъ ее побуждаетъ, и уже одно желаніе угодить ему способно все скрасить въ глазахъ Эмилии. Третье лицо, съ которымъ Яго стоитъ также въ тѣсной связи — добродушный, прямой и откровенный Кассіо. Въ немъ видимъ человѣка совершенно довольнаго своею участью и мундиромъ, красиваго и способнаго нравиться женщинамъ, и нимало не расположеннаго подозрѣвать своихъ близкихъ пріятелей въ коварныхъ умыслахъ противъ своего или чьего бы то ни было счастья. Не удивительно, что среди такихъ людей Яго *долженъ* сильно чувствовать свое превосходство — и тѣмъ съ болѣею ненавистью смотритъ онъ на Дездемону и Отелло, счастливыхъ, довольныхъ, высокопоставленныхъ по своему положенію между людьми и нравственно-высокихъ.

Дездемона — дѣйствительно одна изъ тѣхъ чудно-прекрасныхъ женщинъ, которыя въ своемъ воззрѣніи на жизнь и на свои обязанности не опираются ни на какой, болѣе или менѣе ограниченный кругъ нравственныхъ правилъ, но

постоянно, въ каждомъ своемъ шагѣ, выказываютъ глубокое пониманіе истиннаго назначенія женщины. Такія женщины, какъ Дездемона, никогда не стѣсняются приличіями, потому что не нуждаются въ ограниченіи своихъ дѣвственно-чистыхъ наклонностей, и стыдливыя во всемъ, что онѣ дѣлаютъ, не признаютъ ложнаго, свѣтскаго стыда. Вотъ почему Дездемона не боится бѣжать изъ родительскаго дома къ Отелло, котораго она рѣшилась избрать себѣ мужемъ, но

259

въ то же время она и за *цѣлый міръ* не захотѣла бы ни разу даже на волосъ отступить отъ своихъ обязанностей. Дездемона едва ли способна любить страстно, но за то ужъ никто, кромѣ ея, не въ состояніи такъ неразрывно слить свою судьбу съ судьбою человѣка, къ которому она привязалась не потому, чтобы онѣ ей приглянулся своею наружностью или понравился ловкимъ, пріятнымъ обращеніемъ, а потому, что она была поражена его достоинствами и, сверхъ того, искреннимъ состраданіемъ къ человѣку, котораго остальные скорѣе боялись, чѣмъ уважали, скорѣе терпѣли, какъ терпятъ всякую необходимость, чѣмъ любили. Сознаніе долга такъ сильно въ Дездемонѣ, что она рѣшительно неспособна понять, какіе поводы имѣетъ Отелло къ ревности, а тѣмъ болѣе — принять какія бы ни было мѣры предосторожности противъ его неудержимой, все разрушающей страсти или противъ коварства, интригъ и тонкихъ разсчетовъ Яго. Кроткая, тихая, ровная въ сношеніяхъ со всѣми, неспособная ни съ кѣмъ подѣлиться своимъ горемъ, которое она, какъ сокровище, бережетъ въ сердцѣ, Дездемона и погибаетъ жертвою своей скромности, чистоты и справедливости, до послѣдней минуты вѣрная своему долгу любви и преданности мужу.

Но какъ могъ этотъ мужъ, Отелло, дойти до того, чтобы погубить такое прекрасное созданіе? Воинъ душой и тѣломъ, выросшій на полѣ битвы, среди вѣчныхъ опасностей и тревогъ, рано развилъ онѣ въ себѣ стремленіе къ славѣ, къ *чести*, которую считаетъ единственнымъ прочнымъ достояніемъ своимъ, единственнымъ благомъ въ мірѣ, изъ-за котораго онѣ способенъ претерпѣть всѣ страданія. Одинокій между людьми, отъ которыхъ онѣ отдѣленъ и происхожденіемъ, и свойствами своего типа, онѣ не уважаетъ ихъ именно потому, что они не берегутъ своей чести съ такою строгою настойчивостью, съ какою онѣ заботится о своей чести. Но одиночество среди чуждыхъ ему людей тяготитъ его — и онѣ ищетъ человѣка, который бы понялъ и оцѣнилъ его по достоинству. Онѣ даже старается сдружиться съ тѣми, которые ближе къ нему стоятъ и, слѣдовательно, болѣе другихъ должны понимать его. И вотъ, словно въ насмѣшку надъ дитятею-мавромъ, судьба посылаетъ ему неслыханное счастье: первѣйшая красавица и умница въ Венеціи, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, выходитъ за него замужъ и даритъ его такими блаженными днями, подъ вліяніемъ которыхъ Отелло начинаетъ впервые жить полною жизнью: ему все кругомъ кажется такъ свѣтло и прекрасно въ Божьемъ мірѣ, что онѣ готовъ искренно открыть объятія всѣмъ людямъ. Любовь къ женѣ тѣсно сливается у него

съ тѣмъ идеаломъ чести, который взлелѣялъ онъ въ груди своей цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ годовъ и испытаній, который умѣлъ сохранить неприкосновеннымъ и недостижимымъ для всякой мірской грязи. Подъ вліяніемъ любви къ женѣ, обновившей все его существо, онъ начинаетъ и окружающихъ любить болѣе, становится съ ними и разговорчивѣе, и мягче; мало того — онъ боится даже, чтобы любовь къ женѣ не побудила его неумолимо-справедливаго, къ послабленіямъ по службѣ. Но смягчаясь по отношенію къ людямъ, онъ все остается тѣмъ же дитятею-мавромъ, непосвященнымъ ни въ какія тайны людской злобы и коварства, неспособнымъ даже постигнуть, до чего коварны и злобны могутъ быть люди. И въ этомъ-то незнаніи челоѣческаго сердца написана была его гибель: онъ *долженъ* былъ не понять медорѣчиваго хитреца Яго, онъ *долженъ* былъ не оцѣнить и Дездемону. Несчастныя обстоятельства, конечно, запутали дѣло и заставили Отелло обратить вниманіе на клевету, оскорблявшую его честь, слѣдовательно, унижавшую его въ собственныхъ глазахъ, что и отняло у него возможность объясненія съ Дездемоной. Долго и страшно волнуясь, онъ все старался прежде убѣдиться въ основательности слуховъ, все не рѣшался и въ мысляхъ даже оскорбить такими грязными обвиненіями ту Дездемону, которая въ одной себѣ заключала все, что заставляло его любить жизнь. Но несчастный не видалъ искусной руки, болѣе и болѣе опутывавшей его неразрывными тенетами; онъ не могъ остановиться или вернуться назадъ, пока слѣпой жребій не заставилъ его наткнуться на то, что *ему* *показалось* подтвержденіемъ клеветы и подозрѣній, возбужденныхъ клеветами. Но какъ поступилъ онъ? на что онъ рѣшился? И въ этой послѣдней борьбѣ не поддался онъ порыву своей жгучей страсти: ему хотѣлось истерзать Кассіо, но онъ не могъ, не уронивъ своей чести, сразиться съ нимъ открыто — и онъ не рѣшился убить его тайно; ярость побуждала убить Дездемону, въ которой онъ видѣлъ только ложь и коварство — и онъ убилъ ее не въ порывѣ слѣпой, безотчетной ярости, а обсудивъ дѣло съ такою поразительною ясностью, которая позволяла ему видѣть въ убійствѣ похитившей его единственное *сокровище* — *честь*. Онъ убиваетъ Дездемону съ твердымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла, но вмѣстѣ съ послѣднимъ ея вздохомъ перестаетъ и жить, и думать, и чувствовать, какъ прежде, тѣмъ болѣе, что именно для этой минуты судьба приберегла свой послѣдній, окончательный ударъ. Дездемона оказывается невинною, честь ея, честь мавра — незапятнанною, и онъ является слѣпымъ, безсознательнымъ разрушителемъ своего собственнаго

счастья. Всѣ разсужденія, терзанія и соображенія, которыя казались мавру такъ разумно построенными, которыя, по его мнѣнію, не могли имѣть никакого другого исхода, кромѣ смерти — все это вдругъ оказалось безобразной мечтой безумца, — и онъ, уничтоженный, подавленный, ослабѣвшій, можетъ только на себя поднять руку.

Гервинусъ заключаетъ свой разборъ «Отелло» прекрасными словами, вполне выражающими общій смыслъ всей драмы: «и Отелло съ Дездемоной, и

Ромео съ Юліей падають жертвами своеобразной природы, а никакъ не жертвами произвольно и несправедливо примѣненнаго нравственнаго закона. Не буква какого бы то ни было закона, но отношенія и природа людей представляютъ, по мудрому воззрѣнію поэта, источникъ всякаго добра и зла, всякаго счастья и несчастья. Изъ того же источника приходится почерпать и ту норму, на основаніи которой можно судить о людяхъ и ихъ отношеніяхъ. Смотри по отношеніямъ и природѣ людей, все хорошее такъ же часто проистекаетъ изъ дурного, какъ дурное изъ хорошаго, кажущееся счастье бываетъ источникомъ несчастья, и несчастье источникомъ счастья. Шекспиръ съ сознательнымъ намѣреніемъ подмѣтилъ это и выразилъ въ своей драмѣ, гдѣ благородная Дездемона по невинности и добротѣ становится преступною въ глазахъ людей и своею преступною ложью въ послѣднія минуты жизни совершаетъ великое дѣло прощенія».

Въ заключеніе, нельзя не замѣтить, что многіе и даже весьма талантливые актеры, основываясь на нѣкоторыхъ намекахъ Шекспира, обращали Отелло изъ мавра въ негра. Нечего, кажется, и говорить объ окончательной ошибочности такого взгляда на роль и характеръ Отелло, тѣмъ болѣе, что въ понятіяхъ Шекспира знаменитые завоеватели Испаніи, прославленные своею ученостію и вліяніемъ на европейскую науку и искусство, никакъ не могли смѣшаться съ неграми, тогда еще очень мало извѣстными, и подъ названіемъ «Мооръ» разумѣли въ Шекспирово время всѣхъ жителей сѣвернаго берега Африки.

Мы имѣемъ *восемь* полныхъ переводовъ «Отелло» на русскій языкъ. Вотъ ихъ полный титулъ:

1) *Отелло, или венеціанскій мавръ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1808.* Ни имени автора, ни имени переводчика не означено. Переводъ принадлежитъ Вельяминову и сдѣланъ не съ англійскаго оригинала, а съ французской передѣлки Дюси.

2) *Отелло, венеціанскій мавръ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ съ англійскаго (?) И. П—ва (И. И. Панаева). Спб. 1836.* Переводъ сдѣланъ съ французскаго перевода, какъ указалъ впослѣдствіи самъ покойный Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

3) *Отелло, венеціанскій мавръ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шекспира. («Репертуаръ», 1841, № 9, отд. I, стр. 1).* Имени переводчика не означено.

4) *Отелло, Шекспира. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера. («Шекспиръ», 1849, ч. IV, выпускъ 16, стр. 391).* Переводъ въ прозѣ.

То же. Изданіе второе. (Москва, 1864, ч. IV, стр. 329).

5) *Отелло, венеціанскій мавръ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шекспира. Перевелъ съ англійскаго В. Лазаревскій. («Репертуаръ и Пантеонъ», 1845, № 8, отд. I, стр. 279).*

То же. Отдѣльное изданіе. Спб. 1845.

6) *Отелло, венеціанскій мавръ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ В. Шекспира. Переводъ П. И. Вейнберга. («Библіотека для Чтенія», 1864, № 4 и 5, отд. I, стр. 1).*

То же. Отдѣльное изданіе. Спб. 1864. Отдѣльный оттискъ изъ «Библіотеки для Чтенія».

7) *Отелло, венеціанскій мавръ. Трагедія Виліама Шекспира. Переводъ П. А. Кускова. «Заря», 1870, № 4, стр. 1).*

и 8) *Отелло. Шекспиръ въ переводъ А. Л. Соколовскаго. Т. I.*

Кромѣ того, мы имѣемъ три отрывка изъ этой трагедіи, въ переводахъ А. Студитскаго, Ѳ. Устрялова и неизвѣстнаго и «Романсъ Дездемоны», въ переводѣ И. Козлова. Вотъ они:

1) *Отрывокъ изъ трагедіи Шекспира «Отелло».* («Московскій Вѣстникъ», 1828, ч. X, стр. 10). Дѣйствіе III, сцена III. Переводъ въ прозѣ. Имени переводчика не означено.

2) *Третье дѣйствіе изъ «Отелло», драмы Шекспира. Переводъ А. Студитскаго.* («Московскій Наблюдатель», 1839, ч. II, Отд. I, стр. 21). Перепечатано въ «Сынъ Отечества» (1839, ч. XII, отд. I, стр. 53).

3) *Отрывокъ изъ 3-й сцены 1-го дѣйствія «Отелло».* Переводъ Ѳ. Устрялова. «Сочиненія Генриха Гейне», 1864, т. III, стр. 236).

Романсъ Дездемоны. Съ англійскаго. Переводъ И. Козлова. («Стихотворенія И. Козлова», 1840, ч. I, стр. 208).

261

ОТЕЛЛО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДОЖЬ ВЕНЕЦІИ.

БРАБАНЦІО, сенаторъ.

ДВА ДРУГІЕ сенатора.

ГРАЦІАНО, братъ Брабанціо.

ЛУДОВИКО, родственникъ Брабанціо.

ОТЕЛЛО, генералъ, мавръ.

КАССІО, его лейтенантъ.

ЯГО, его поручикъ.

РОДРИГО, венеціанскій дворянинъ.

МОНТАНО, предшественникъ Отелло въ управленіи Кипромъ.

ШУТЬ, въ услуженіи Отелло.

ГЕРОЛЬДЪ.

ДЕЗДЕМОНА, дочь Брабанціо и жена Отелло.

ЭМИЛІЯ, жена Яго.

БЪЯНКА, куртизанка, любовница Кассіо.

Офицеры, дворяне, послы, музыканты, матросы, слуги и прочіе.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Венеціи, остальные - на Кипрѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. Улица.

Входятъ Родриго и Яго.

Родриго.

Нѣтъ, Яго! нѣтъ, ты что ни говори,
А больно мнѣ, что ты, располагавшій
Моей казной, какъ собственной своею,
Про это зналъ...

Яго.

Да чортъ возьми, стой!
Меня совсѣмъ ты выслушать не хочешь.
Я презирать себя позволю, если
Хоть снилось мнѣ все это.

Родриго.

Ты всегда
Мнѣ говорилъ, что ненавидишь мавра.

Яго.

И отъ меня ты отвернись съ презрѣньемъ,
Когда я лгалъ. Три знатныхъ гражданина,
Желавшіе доставить у него
Мнѣ мѣсто лейтенанта, хлопотали
Усердно за меня. И этой чести
Я стоилъ; да, какъ честный человѣкъ
Въ томъ поклянусь: себѣ я цѣну знаю...
Но этотъ мавръ, безъ памяти влюбленный
Въ свой гордый нравъ и замыслы свои,
Отъ этихъ просьбъ отвертывался долго,
Напыщенной какой-то болтовней,
Напичканной военными словами,
И, наконецъ, ходатаямъ моимъ
Онъ отказалъ, *затѣмъ что*, объяснилъ онъ,
Уже себѣ я выбралъ лейтенанта.
И кто же тотъ избранникъ?
Великій ариѳметикъ, флорентинецъ,
Какой-то Кассіо, съ одной красоткой
Уже себя связавшій по рукамъ,
Не шедшій никогда предъ эскадрономъ
И знающій порядокъ боевой
Не болѣе прядильщика любого.
Теорія лишь книжная одна,
Съ которою сенаторъ каждый въ тогъ
Не менѣе его знакомъ, хвастливость
Безъ свѣдѣній практическихъ - вотъ все

Военное искусство флорентинца.
И все-таки онъ выбранъ - да; а я,
Я, чьи дѣла не разъ Отелло видѣлъ
Въ Родосѣ, въ Кипрѣ и въ другихъ странахъ
Языческихъ и христіанскихъ - я
Попутнаго лишень внезапно вѣтра
Цифирникомъ и счетчикомъ простымъ.
Онъ - лейтенантъ, а я - прости мнѣ, Боже! -

262

Поручикомъ у мавра остаюсь.

Родриго.

Что до меня, такъ я скорѣй желалъ бы —
Клянусь тебѣ — быть палачомъ его.

Яго.

Тутъ никакимъ лѣкарствомъ не поможешь.
Таковъ у насъ порядокъ службы: тотъ
Лишь предпочтенъ, кто знатенъ и съ связями;
Не слѣдуютъ ужъ старому порядку,
Гдѣ первому наследовалъ второй.
Судите же теперь, синьоръ, вы сами -
Имѣю ль я одинъ хотъ поводъ быть
Расположеннымъ къ мавру?

Родриго.

Такъ ему бы
Ужъ не служилъ я вовсе.

Яго.

Успокойся!
Служа ему, служу я самъ себѣ.
Нельзя, чтобъ мы всѣ были господами
И чтобы всѣ имѣли вѣрныхъ слугъ.
Конечно, есть такіе подлецы,
Которые, почтительно сгибаясь
И ползая, влюбленные въ свое
Презрѣнное лакейство, какъ ослы,
Работаютъ изъ-за одной лишь пищи;
А чуть они состарѣются — вонъ
Сейчасъ ихъ гонять. Палками бы этихъ
Всѣхъ честныхъ подлецовъ! Но есть другіе,
Которые подъ маской вѣрной службы

Скрываютъ мысль и о самихъ себѣ,
И, господамъ отлично угождая
Услужливостью видимой, межъ тѣмъ
Свои дѣла ведутъ съ большимъ успѣхомъ;
А понабивъ карманы, начинаютъ
Самимъ себѣ служить и угождать.
Вотъ въ этихъ-то людяхъ есть здравый смыслъ,
И къ этимъ-то и самъ принадлежу я.
Да, да, синьоръ,
Будь мавромъ я, я бѣ не остался Яго:
То вѣрно такъ, какъ что Родриго — ты.
Служа ему, себѣ служу я только.
Свидѣтель Богъ — тутъ ни любви, ни долга,
А только ихъ личина для прикрытья
Намѣреній особенныхъ моихъ:
Вѣдь, внѣшними поступками раскрыть
Моей души и внутренность и сущность —
Не все-ль равно, что на ладонь ее
Всю выложить и дать въ добычу галкамъ?
Нѣтъ, я не тотъ, какимъ кажусь!

Родриго.

Ну, если
И здѣсь еще одержить верхъ губанъ,
Такъ счастье везетъ ему большое!

Яго.

Теперь скорѣй ея отца будите:
Пусть онъ бѣжитъ въ погоню, отравляйте
Его покой, на весь кричите городъ,
Родною ея возставьте на него.
Хоть онъ живетъ на почвѣ благодатной —
Замучь его ты мухами; хоть онъ
И счастья великаго добился —
Старайся ты то счастье растревожить,
Чтобъ яркій цвѣтъ утратило оно.

Родриго.

Вотъ домъ отца! Я стану громко кликать.

Яго.

Да, да, кричите, сколько хватить силъ,
Тѣмъ голосомъ ужаснѣйшимъ, которымъ
Вопять, когда въ безпечный часъ ночной
Вдругъ городъ многолюдный загорится.

Родриго.

Брабанціо! Брабанціо! синьоръ!

Яго.

Брабанціо! вставайте! воры! воры!
Вставайте! Эй! Поберегите домъ
И дочь, и сундуки! Эй! воры, воры!

БРАБАНЦИО *появляется въ окнѣ.*

БРАБАНЦИО.

Что тутъ за шумъ? Что значатъ эти крики?
Въ чемъ дѣло? Что случилось здѣсь?

Родриго.

Синьоръ,
Домашніе всѣ ваши нынче дома?

Яго.

А двери всѣ у васъ затворены?

БРАБАНЦИО.

Да вамъ-то что? Къ чему вопросы эти?

Яго.

Къ тому, что вы ограблены, синьоръ.
Вставайте же скорѣе, одѣвайтесь,
Не мѣшкая. Вамъ разорвали сердце...
Утратили вы часть своей души...
Да, въ этотъ часъ, въ минуту эту черный
Старикъ-баранъ въ объятыхъ душитъ вашу
Овечку бѣлую. Синьоръ, скорѣе
Набатою разбудите спящихъ гражданъ,
Иначе — чортъ васъ въ дѣда превратитъ.
Скорѣй, скорѣй!

БРАБАНЦИО.

Да что вы, помѣшались?

Родриго.

Знакомъ ли вамъ, почтеннѣйшій синьоръ,
Мой голосъ?

БРАБАНЦИО.

Нѣтъ; а кто вы?

Родриго.

Я — Родриго.

БРАБАНЦИО.

Ахъ, негодяй! Да я жъ тебѣ сказалъ,
Чтобъ ты не смѣлъ предъ этимъ домомъ шлаться!
Вѣдь, ясно я тебѣ ужъ объявилъ,

263

Что дочь моя не для тебя; а ты,
Отужинавши плотно и напившись
Напитковъ одуряющихъ, въ безумьи
Пришелъ сюда; кичась отвагой глупой,
Нарушилъ мой покой...

РОДРИГО.

Синьоръ, синьоръ!

БРАБАНЦЮ.

Но будь вполнѣ увѣренъ, что вліянье
Мое и санъ тебя заставятъ горько
За это поплатиться.

РОДРИГО.

Ахъ, синьоръ,
Послушайте!

БРАБАНЦЮ.

Зачѣмъ ты мнѣ толкуешь
О грабежѣ? Вѣдь, городъ здѣсь, а домъ мой —
Не ферма отдаленная.

РОДРИГО.

Синьоръ,
Почтеннѣйшій Брабанцю, повѣрьте,
Я къ вамъ пришелъ, какъ добрый человѣкъ.

ЯГО. Чортъ возьми, синьоръ! вы одинъ изъ тѣхъ, которые откажутся отъ служенія Богу, если того потребуетъ дьяволъ. Мы пришли сюда, чтобъ оказать вамъ услугу, а вы принимаете насъ за мошенниковъ. Вѣрно, вамъ хочется, чтобъ ваша дочь сошлась съ варварійскимъ жеребцомъ, чтобъ ваши внуки ржали подлѣ васъ, чтобъ рысаки были вашими двоюродными братьями, а иноходцы — племянниками?

БРАБАНЦЮ. Ты еще что за богохульникъ?

ЯГО. Я — человѣкъ, пришедшій вамъ сказать, что въ эту минуту ваша дочь и мавръ дѣлаютъ звѣренка.

БРАБАНЦЮ. Ты — негодяй!

ЯГО.

А вы, синьоръ, — сенаторъ.

БРАБАНЦЮ.

За это ты отвѣтишь мнѣ, Родриго:
Ты мнѣ знакомъ.

РОДРИГО.

За все я отвѣчаю.
Но будьте такъ добры, скажите мнѣ -
По вашему ли мудрому согласью,
По вашему ль рѣшенью ваша дочь
Прекрасная въ глухую эту полночь
Отправилась, безъ всякой стражи, кромѣ
Наемнаго мерзавца-гондольера,
Въ сластолюбивыя объятья мавра?
Коль это вамъ извѣстно и свершилось
По вашему согласью, значитъ, мы
Вамъ нанесли большое оскорбленье;
А если нѣтъ, такъ здравый смыслъ вамъ скажетъ,
Что этотъ гнѣвъ на насъ несправедливъ.
Не думайте, прошу васъ, что, забывши
Приличіе, надъ вами я пришелъ
Шутить и издѣваться. Нѣтъ! Дочь ваша,
Когда на то не дали вы согласья,
Ужасно провинилась, повторяю,
Сковавъ свой долгъ и умъ, и красоту
Съ бездомнымъ, безобразнымъ чужеземцемъ.
Скорѣе убѣдитесь сами въ томъ;
И если вы ее найдете въ домѣ
Иль въ комнатѣ ея — за мой обманъ
Меня тогда предайте правосудью.

БРАБАНЦЮ.

Огня! огня скорѣе высѣкайте,
Свѣчей сюда! Зовите слугъ моихъ!
Все это такъ со сномъ моимъ похоже...
Ужъ мысль одна о томъ меня терзаетъ...
Огня, огня - вамъ говорятъ!

(Скрывается изъ окна.)

ЯГО.

Прощайте!
Я долженъ удалиться. Неприлично,
Неловко мнѣ, по званью моему,
Свидѣтелемъ явиться противъ мавра;
Оставшись же, я долженъ это сдѣлать.

Вѣдь, нашъ сенать, я знаю, не накажетъ
Отставкою его, а развѣ легкій
Дастъ выговоръ: онъ такъ необходимъ
Сенаторамъ для предстоящей кипрской
Войны, что ужъ никѣмъ другимъ они
Не замѣнятъ Отелло въ этомъ дѣлѣ.
Вотъ почему, хотъ онъ мнѣ ненавистенъ,
Какъ муки адскія, но долженъ я
Флагъ выкинуть любви — конечно, мнимой;
А вы, чтобы вѣрнѣй его найти,
Брабанцію, къ «Стрѣлку» теперь направьте.
Тамъ и меня найдете. До свиданья.

(Уходитъ.)

Изъ дома выходятъ БРАБАНЦІО и слуги съ факелами.

БРАБАНЦІО.

Такъ, правда все! Свершилось злодѣянье!
Нѣтъ, нѣтъ ея — и для меня теперь
Все въ будущемъ лишь горечь и мученье!
Родриго, гдѣ, скажи, ее ты видѣлъ?
Несчастливая! Ты говоришь, что съ мавромъ?
О, кто жъ теперь отцомъ захочетъ быть?
Какъ ты узналъ, что то была она?
О, какъ меня ты страшно обманула!
Что жъ, что она тебѣ сказала? Эй,
Еще огня, еще огня! Будите
Домашнихъ всѣхъ! Какъ думаешь, успѣли
Они ужъ обвиняться?

РОДРИГО.

Полагаю.

264

БРАБАНЦІО.

О, Небеса! Да какъ ей удалось
Уйти отсель? О, кровная измѣна!
Отцы, отцы, не вѣрьте съ этихъ поръ
Ни въ чемъ, ни въ чемъ вы дочерямъ не вѣрьте!
Да нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ чаръ такихъ,
Которыми влекутся въ заблужденье
И молодость, и дѣвственность? Родриго,
Ты не читалъ ли гдѣ-нибудь о томъ?

РОДРИГО.

Читалъ, синьоръ.

БРАБАНЦЮ.

Гдѣ братъ мой? Позовите.
О, для чего, Родриго, я не отдалъ
Ее тебѣ!.. На поиски скорѣй!
Сюда — одни, туда — другіе. Гдѣ же
Мнѣ ихъ найти? Не знаешь ли, Родриго?

РОДРИГО.

Я думаю, что указать могу.
Пошлите-ка сперва за доброй стражей
И слѣдуйте за мною.

БРАБАНЦЮ.

Ну, веди,
Веди скорѣй! Я въ каждомъ домѣ буду
Кричать, чтобъ мнѣ давали подкрѣпленье.
Берите-ка оружье. Призовите
Чиновниковъ дозорныхъ поскорѣе.
Идемъ! идемъ! Родриго, добрый мой,
За этотъ трудъ тебя вознагражу я.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Тамъ же. Другая улица.

Входятъ: ОТЕЛЛО, ЯГО и служители съ факелами.

ЯГО.

Хоть на войнѣ я убивалъ людей,
Но совѣсти считалъ всегда противнымъ
Обдуманно убійство совершить.
Мнѣ къ этому недоставало часто
Жестокости. Разъ девять или десять
Готовился я въ бокъ его пырнуть.

ОТЕЛЛО.

И хорошо, что этого не сдѣлалъ.

ЯГО.

Да какъ же быть? Онъ хвасталъ такъ ужасно
И, говоря о васъ, употреблялъ
Обидныя такія выраженья,
Что я, при всей сердечной добротѣ,

Съ большимъ трудомъ сдержалъ негодование.
Однако же, скажите мнѣ, синьоръ,
Обвѣнчаны ли вы? Вамъ надо помнить,
Что нашъ маньфико любимъ здѣсь всѣми
И въ этомъ случаѣ его, вѣдь, голосъ
Вдвойнѣ сильнѣй, чѣмъ самый голосъ дожа.
Онъ разведетъ, навѣрно, васъ, подвергнетъ
Тяжелымъ наказаніямъ, какія
Законъ, его усиленный вліяньемъ,
Ему отдастъ на выборъ.

ОТЕЛЛО.

Что жъ, пускай
Онъ бѣшенству, какъ хочетъ, предается,
Но вѣдь, мои заслуги предъ сенатомъ
Перекричатъ всѣ жалобы его.
Притомъ, когда увижу я, что чванство
Даетъ почетъ, то объявлю вездѣ,
Что родомъ я изъ царственного дома.
Что не нужна сенаторская шапка
Мнѣ для того, чтобъ право я имѣлъ
Хотя бъ на то высокое блаженство,
Котораго достигнулъ я теперь.
Да, Яго, знай, когда бы Дездемоны
Я не любилъ, за всѣ богатства моря
Не заключилъ бы въ тѣсныя границы
Жизнь вольную, безбрачную свою.
Но, посмотри, что за огни тамъ?

Въ отдаленіи показываются Кассіо и нѣсколько офицеровъ съ факелами.

ЯГО.

Это —
Ея отецъ разгнѣванный, и съ нимъ
Его друзья. Уйти бы вамъ.

ОТЕЛЛО.

Напротивъ,
Желаю я, чтобы меня нашли.
Заслуги, санъ и совѣсть безъ упрека
Меня вполнѣ — я знаю — оправдаютъ...
Они ли то?

ЯГО.

Нѣтъ, Янусомъ клянусь,
Мнѣ кажется, другіе.

ОТЕЛЛО.

Это — дожа
Служители, и лейтенантъ мой съ ними.
Ночь добрая, друзья мои! Здорово!
Что скажете?

КАССИО.

Насъ дожъ сюда отправиль,
Чтобъ передать поклонъ вамъ, генералъ,
И попросить къ нему сейчасъ явиться,
Не медля ни минуты.

ОТЕЛЛО.

Для чего?
Не знаете?

КАССИО.

Какъ могъ я догадаться,
Получены сейчасъ изъ Кипра вѣсти —
Важнѣйшія какія-то дѣла.

265

Сегодня въ ночь съ галеръ сюда прислали
Посланниковъ двѣнадцать, одного
Вслѣдъ за другимъ. Теперь у дожа
Сенаторовъ довольно собралось!
За вами разъ тогда же посылали,
Но посланный васъ дома не засталъ.
Теперь сенатъ во всѣ концы отправиль,
Чтобъ розыскать скорѣе.

ОТЕЛЛО.

Хорошо,
Что вы меня здѣсь встрѣтили. Я только
Зайду сказать два слова въ этотъ домъ
И возвращусь немедленно. (*Уходитъ.*)

КАССИО.

Поручикъ!
Что у него за дѣло тутъ?

ЯГО.

Сегодня
Онъ ночью взялъ къ себѣ на абордажъ
Галеру превосходную, и если

Признается законнымъ призь его,
Онъ навсегда свое составилъ счастье.

КАССИО.

Мнѣ не совсѣмъ понятно.

ЯГО.

Онъ женился.

КАССИО.

На комъ?

ЯГО.

На...

ОТЕЛЛО возвращается.

ЯГО.

Что жъ, пойдете, генераль?

ОТЕЛЛО.

Идемъ.

КАССИО.

А вотъ еще другой отрядъ:
Онъ также васъ отыскиваетъ.

Входятъ: БРАБАНЦЮ, РОДРИГО и дозорные съ факелами и оружіемъ.

ЯГО.

Это —
Брабанцію. Взгляните, генераль!
Онъ съ умысломъ недобрымъ — берегитесь!

ОТЕЛЛО.

Стой! Кто идетъ?

РОДРИГО.

Синьоръ, онъ здѣсь.

БРАБАНЦЮ.

Хватайте
Разбойника!

ЯГО.

А, это вы, Родриго?
Ну, что жъ, синьоръ, къ услугамъ вашимъ я.

ОТЕЛЛО.

Умѣрьте гнѣвъ, друзья мои, вложите
Вы свѣтлые мечи свои въ ножны,
Не то - роса ихъ ржавчиной покроетъ.
Почтеннѣйшій синьоръ мой, вы годами
Внушаете повиновенья больше,
Чѣмъ этимъ всѣмъ оружіемъ.

БРАБАНЦІО.

Подлый воръ!
Куда, куда ты дочь мою упряталъ?
Проклятый, ты околдовалъ ее!
Да я сошлюсь на все, что смыслъ имѣеть:
Возможно ли, чтобъ, не связавъ себя
Оковами какихъ-то чаръ проклятыхъ -
Возможно ли, чтобъ дѣвушка такая
Прекрасная, невинная, на бракъ
Смотрѣвшая съ такою непріязнью,
Что юношамъ знатнѣйшимъ и красавцамъ
Венеціи отказывала всѣмъ –
Чтобъ дѣвушка такая, говорю я,
Рѣшилась дать себя на посмѣянье
Всеобщее, изъ дому убѣжать
И на груди укрыться закоптѣлой
Созданья безобразнаго, въ комъ все
Внушаетъ страхъ, а не любви отраду?
Суди меня весь міръ, когда не ясно
Что ты ее гнуснѣйшимъ колдовствомъ
Очаровалъ, что дѣвственную юность
Ты погубилъ напитками и зельемъ,
Волнующими страсти. Я хочу,
Чтобы вполнѣ изслѣдовано было
Все это дѣло, а межъ тѣмъ оно
Правдоподобно такъ и для разсудка
Такъ осязательно, что я сейчасъ же
Беру и арестую здѣсь тебя,
Обманщика мірскаго, человѣка
Искуснаго въ проклятомъ колдовствѣ,
Въ занятіяхъ, закономъ запрещенныхъ.
Эй, взять его, а если станетъ онъ
Противиться — вы съ нимъ не церемоньтесь!

ОТЕЛЛО.

Друзья мои и вы всѣ остальные,
Сдержите руки. Если бъ роль моя
Была борьба, ее бы я исполнилъ
Безъ помощи суфлера — вѣрьте мнѣ.

Куда хотите вы, чтобъ шелъ я съ вами
На ваше обвиненье отвѣчать?

БРАБАНЦЮ.

Въ тюрьму, въ тюрьму, пока тебя къ отвѣту
Не позовутъ законъ и общій судъ.

ОТЕЛЛО.

Да какъ же я могу повиноваться?
Какъ я тогда приказъ исполню дожа,
Котораго послы сюда пришли,
Чтобъ звать меня по дѣлу государства?

Одинъ Офицеръ.

Онъ точно правъ, почтеннѣйшій синьоръ.

266

Въ совѣтъ дожъ. Навѣрно, посылали
И васъ просить.

БРАБАНЦЮ.

Какъ, дожъ въ совѣтъ? Ночью?
Ведите же его туда за мной —
И у меня, вѣдь, дѣло не пустое.
Самъ дожъ и все сенаторы-собратья
Должны смотрѣть на это оскорбленье,
Какъ на свое. Когда давать мы будемъ
Такимъ дѣламъ свободный ходъ, тогда
У насъ въ главѣ правленья скоро станутъ
Язычники и подлые рабы.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Тамъ же. Зала совѣта.

Дождь и Сенаторы сидятъ за столомъ. Офицеры стоятъ въ отдаленіи.

Дождь.

Въ полученныхъ извѣстіяхъ, однако,
Согласья нѣтъ — и это намъ мѣшаетъ
Имъ вѣру дать.

1-ый Сенаторъ.

Да, правда: разногласья

Довольно въ нихъ. Мнѣ пишутъ, что число
Галеръ — сто семь.

Дожъ.

А мнѣ, что ихъ сто сорокъ.

1-ой СЕНАТОРЪ.

А мнѣ — что ихъ двѣ сотни. Но хотя
Въ числѣ галеръ и не согласны письма,
Такъ какъ догадки въ разныхъ донесеньяхъ
Ведутъ всегда къ ошибкамъ, все жъ они
Всѣ говорятъ, что этотъ флотъ — турецкій
И что на Кипръ плыветъ онъ.

Дожъ.

Въ этомъ всемъ
Есть много вѣроятя; потому-то
Не тѣшу я себя различьемъ въ числахъ,
Но главному я вѣрю — и боюсь.

МАТРОСЪ (*за сценой*).

Скорѣй меня впустите: новость! новость!

Входятъ ОФИЦЕРЪ и МАТРОСЪ.

ОФИЦЕРЪ.

Вотъ посланный съ галеръ.

Дожъ.

Ну что? въ чѣмъ дѣло?

МАТРОСЪ.

Турецкій флотъ плыветъ теперь къ Родосу.
Мнѣ приказалъ объ этомъ донести
Сенаторамъ синьоръ Анджело.

Дожъ.

Ну,
Что скажете объ этой перемѣнѣ?

1-ый СЕНАТОРЪ.

Да я скажу, что это невозможно
И разуму противно. Это штука,
Которою хотятъ насъ съ толку сбить.
Вѣдь, стоитъ намъ сообразить, какъ важенъ
Для турокъ Кипръ; потомъ припомнить то,
Что ихъ Родосъ не такъ интересуетъ,
Затѣмъ что взять гораздо легче Кипръ,

Гдѣ нѣтъ большихъ и прочныхъ укрѣплений,
Гдѣ средствъ къ защитѣ нѣтъ такихъ, какими
Богатъ Родосъ. Подумаемъ объ этомъ —
И мы поймемъ, что турки, вѣдь, не такъ
Неопытны, чтобъ, главное оставивъ
И пренебрегши предпріятіемъ легкимъ
И выгоднымъ, пуститься на другое
Опасное, неприбыльное.

Дождь.

Да,
Они плывутъ, навѣрно, не къ Родосу.

Офицеръ.

Вотъ съ новыми вѣстями къ вамъ гонецъ.

Входитъ Гонецъ.

Гонецъ.

Почтенные синьоры, оттоманы,
Поплывшіе къ Родосу, близъ него
Съ другимъ еще соединились флотомъ.

1-ый Сенаторъ.

Я такъ и зналъ. А сколько ихъ, какъ слышно?

Гонецъ.

Всѣхъ тридцать кораблей. Затѣмъ они
Обратно повернули и теперь
Уже на Кипръ плывутъ. Синьоръ Монтано,
Вашъ преданный и доблестный слуга,
Объ этомъ извѣщаетъ васъ и просить,
Чтобъ вы ему повѣрили.

Дождь.

Теперь
Сомнѣнья нѣтъ: ихъ путь направленъ къ Кипру.
Что, въ городѣ ли нынче Маркъ Лючезе?

1-ый Сенаторъ. Онъ теперь во Флоренціи.

Дождь. Напишите ему отъ насъ и попросите, чтобъ онъ возвратился, не
медля ни минуты.

1-ый Сенаторъ. Вотъ и Брабанціо съ доблестнымъ мавромъ.

Входятъ: Брабанціо, Яго, Родриго и Офицеры.

Дождь.

Отелло доблестный, сейчасъ должны мы
Употребить васъ въ дѣло противъ турокъ,

Враговъ республики. Но я не вижу...

(Къ Брабанцію.)

А, здравствуйте, почтеннѣйшій синьоръ!
И вашъ совѣтъ, и ваша помощь — нынче
Намъ всѣмъ нужны.

БРАБАНЦІО.

А я ихъ жду отъ васъ,
Свѣтлѣйшій дожъ, простите мнѣ: не санъ мой,
Не эта вѣсть о новомъ, важномъ дѣлѣ
Заставили меня съ постели встать.
Мнѣ дѣла нѣтъ до общаго волненья,
Затѣмъ что скорбь душевная моя
Бѣжитъ такимъ потокомъ неудержнымъ,
Что скорби всѣ другія поглощаетъ,
Не становясь слабѣе ни на мигъ.

ДОЖЪ.

Но что, синьоръ? что съ вами? что случилось?

БРАБАНЦІО.

Дочь, дочь моя!

ДОЖЪ.

Мертва?

БРАБАНЦІО.

Да, для меня!
Обманута, похищена ворами,
Обольщена снадобьемъ колдуновъ
И чарами, затѣмъ что невозможно,
Не будучи слѣпой, кривой, безумной,
Впасть въ страшное такое заблужденье
Безъ колдовства.

ДОЖЪ.

Кто бъ ни былъ человѣкъ,
Рѣшившійся такимъ гнуснѣйшимъ средствомъ
У васъ взять дочь, а у нея — сознание, -
Кровавую закона книгу вы
Раскроете и выберете въ ней
Возмездіе, какое захотите.

Хоть будь мой сынъ родной, не измѣню я
Рѣшенія.

БРАБАНЦІО.

Нижайше вашу свѣтлость
Благодарю. Виновный — этотъ мавръ,
Котораго по дѣлу государства
Вы, кажется, послали звать сюда.

ДОЖЪ и СЕНАТОРЪ.

Такую вѣсть намъ очень грустно слышать.

ДОЖЪ (къ Отелло).

Что можете вы отвѣчать на это?

БРАБАНЦІО.

Да только то, что правду я сказалъ.

ОТЕЛЛО.

Почтенные, знатнѣйшіе синьоры
И добрые начальники мои!
Что дочь увезъ у этого я старца —
Не выдумка; не выдумка и то,
Что я на ней женился; но на этомъ
Кончается и весь проступокъ мой.
Я грубъ въ рѣчахъ; къ кудрявымъ фразамъ мира
Нѣтъ у меня способности большой,
Нѣтъ потому, что этими руками
Я съ семи лѣтъ до нынѣшняго дня
На лагерныхъ поляхъ привыкъ работать.
Изо всего, что въ мірѣ происходитъ,
Я говоритъ умѣю лишь о войнахъ,
Сраженіяхъ; вотъ почему теперь,
Здѣсь говоря за самого себя,
Едва ли я сумѣю скрасить дѣло.
Но пусть и такъ: я, съ вашего согласия,
Все жъ расскажу вамъ, прямо, безъ прикрасъ,
Весь ходъ любви моей; скажу, какими
Снадобьями и чарами, какимъ
Шептаніемъ и колдовствомъ всесильнымъ —
Вѣдь, въ этомъ я предъ вами обвиненъ —
Привлекъ къ себѣ я дочь его.

БРАБАНЦІО.

Такая
Смиренная и робкая дѣвица,
Краснѣвшая отъ собственныхъ движеній —

И вдругъ она, наперекоръ природѣ,
Своимъ лѣтамъ, отечеству, богатству,
Всему, всему, влюбилась въ то, на что
До этихъ поръ и посмотрѣть боялась!
Нѣтъ, только тотъ, кто поврежденъ въ разсудкѣ
Иль кто совсѣмъ съ ума сошелъ, допустить,
Что можетъ такъ забыться совершенство,
Наперекоръ всѣмъ правиламъ природы.
И объяснить такое дѣло должно
Ничѣмъ инымъ, какъ происками ада.
А потому я утверждаю вновь,
Что на нее онъ дѣйствовалъ какимъ-то
Снадобьемъ одуряющимъ иль зельемъ,
Для этого приправленнымъ нарочно.

Д о ж ъ .

Такъ утверждать — не значитъ доказать,
И подкрѣпить должны вы обвиненье
Свидѣтельствомъ яснѣе и точнѣе
Такихъ пустыхъ догадокъ и такихъ
Незначущихъ и мнимыхъ заключеній.

1 - Ы Й С Е Н А Т О Р Ъ .

Ну, говорите жъ, доблестный Отелло:
То правда ли, что къ средствамъ запрещеннымъ,
Насильственнымъ прибѣгли вы затѣмъ,
Чтобъ подчинить себѣ и отравить
Дѣвицы юной чувства? Или въ этомъ
Успѣли вы посредствомъ убѣжденій
И тѣхъ рѣчей, которыя влекутъ
Къ одной душѣ другую?

О Т Е Л Л О .

Умоляю,
Пошлите вы сейчасъ къ «Стрѣлку» за нею,

И пусть она въ присутствіи отца
Все обо мнѣ расскажетъ; если я
Изъ словъ ея виновнымъ окажусь,
Тогда меня не только что довѣрять
И сана, мнѣ дарованныхъ отъ васъ,
Лишите вы, но пусть вашъ судъ правдивый
И жизнь мою отыметъ у меня.

Д о ж ъ .

Пошлите же сейчас за Дездемоной.

О т е л л о (къ Яго).

Сведи ихъ другъ: ты знаешь, гдѣ она.

(Яго уходитъ съ нѣсколькими офицерами.)

А между тѣмъ, почтенные синьоры,
Пока она придетъ сюда, я вамъ
Такъ искренно, какъ Богу, открываю
Свои грѣхи, скажу, какъ я успѣлъ
Снискать любовь прекрасной этой дѣвы
И какъ она мою приобрѣла.

Д о ж ъ .

Разсказывай: мы слушаемъ, Отелло.

О т е л л о .

Ея отецъ любилъ меня и часто
Звалъ въ домъ къ себѣ. Онъ заставлялъ меня
Разсказывать исторію всей жизни,
Годъ за годъ — всѣ сраженія, осады
И случаи пережитые мной.
Я пробѣгалъ все это, начиная
Отъ дѣтскихъ дней до самаго мгновенья,
Когда меня онъ слышать пожелалъ.
Я говорилъ о всѣхъ моихъ несчастьяхъ,
О бѣдствіяхъ на сушѣ и моряхъ:
Какъ ускользнулъ въ проломѣ я отъ смерти,
На волосокъ висѣвшей отъ меня;
Какъ взять былъ въ плѣнъ врагомъ жестокосердымъ
И проданъ въ рабство; какъ, затѣмъ, опять
Я получилъ свободу. Говорилъ я
Ему о томъ, что мнѣ встрѣчать случалось
Во время странствій: о большихъ пещерахъ,
Безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ,
Утесахъ неприступныхъ и горахъ,
Вершинами касающихся неба;
О канибалахъ, что ѣдятъ другъ друга,
О племени антропофаговъ злыхъ
И о людяхъ, которыхъ плечи выше,
Чѣмъ головы. Разскажамъ этимъ всѣмъ
Съ участіемъ внимала Дездемона,
И каждый разъ, какъ только отзывали
Домашнія дѣла ее отъ насъ,
Она скорѣй старалась ихъ окончить,

И снова шла, и жадно въ рѣчь мою
Впивалася. Все это я замѣтилъ
И, улучивъ удобный часъ, искусно
Сумѣлъ у ней изъ сердца вырвать просьбу -
Пересказать подробно ей все то,
Что слышать ей до этихъ поръ безъ связи,
Урывками одними привелось.
И началъ я разсказъ мой, и не разъ
Въ ея глазахъ, съ восторгомъ, видѣлъ слезы,
Когда я ей повѣствовалъ о страшныхъ
Несчастіяхъ изъ юности моей.
Окончилъ я — и цѣлымъ миромъ вздоховъ
Она меня за трудъ мой наградила,
И мнѣ клялась, что это странно, чудно
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше ужъ желала бы она
И не слышать про это; но желала бъ,
Чтобъ Богъ ее такую сотворилъ,
Какъ я; потомъ меня благодарила,
Прибавивши, что если у меня
Есть другъ, въ нее влюбленный, — пусть онъ только
Разскажетъ ей такое жъ о себѣ —
И влюбится она въ него. При этомъ
Намекъ я любовь мою открылъ.
Она меня за муки полюбила,
А я ее — за состраданье къ нимъ.
Вотъ чары всѣ, къ которымъ прибѣгалъ я.
Она идетъ — спросите у нее.

Входятъ Дездемона, Яго и Офицеры.

Дожъ.

Ну, и мою бы дочь увлекъ, конечно,
Такой разсказъ. Брабанцію почтенный,
Что кончено того не воротить,
И слѣдуетъ вамъ съ этимъ примириться.
Вы знаете, что люди чаще бьются
Хоть сломаннымъ оружіемъ, но оружіемъ,
Чѣмъ голыми руками.

Брабанцію.

Я прошу,
Послушайте еще ея признание,
И если здѣсь сознается она
Въ участіи своемъ хоть вполонину —
Пусть смерть падетъ на голову мою,
Когда его смущу я укоризной.

Поди сюда любезное дитя!
Ты знаешь ли, кому изъ здѣсь сидящихъ
Почтеннѣйшихъ синьоровъ ты должна
Оказывать всѣхъ больше послушанья?

ДЕЗДЕМОНА.

Я знаю то, отецъ мой благородный,
Что нѣдвое распался здѣсь мой долгъ:
Вамъ жизни и воспитаньемъ я
Обязана; и жизнь, и воспитанье,
Сказали мнѣ, что васъ должна я чтить:
Вы мой глава, я ваша дочь, родитель,
Но вотъ мой мужъ. Позвольте же и мнѣ
Быть столько же покорной мавру, сколько
И мать моя, съ своимъ отцомъ разставшись
И выбравъ васъ, была покорна вамъ.

269

БРАБАНЦЮ.

Ну, Богъ съ тобой! Я кончилъ, ваша свѣтлость.
Угодно вамъ — мы перейдемъ къ дѣламъ
Республики. О, лучше бъ я хотѣлъ
Пріемыша имѣть, чѣмъ дочь родную!
Мавръ, подойди и выслушай меня.
Отъ всей души даю тебѣ я то,
Что у тебя отъ всей души бы вырвалъ,
Когда бъ ты имъ уже не завладѣлъ.

(Дездемонъ.)

Ну, милое сокровище, душевно
Я радуюсь, что дочери другой
Нѣтъ у меня, а то бъ я сталъ тираномъ
Изъ-за побѣга твоего и въ цѣпи
Ее сковалъ. Я кончилъ ваша свѣтлость.

ДОЖЪ.

Позвольте же, какъ будто вмѣсто васъ,
Мнѣ высказать теперь такое мнѣнье,
Которое могло бъ влюбленнымъ этимъ
Ступенями служить для достиженья
Пріязни вашей.
Когда ужъ нѣтъ спасенья, грусть должна
Окончиться съ сознаниемъ несчастья
И гибели послѣдней изъ надеждъ.

Оплакивать исчезнувшее горе —
Вѣрнѣйшій путь призвать другую скорбь.
Когда нельзя предотвратить удара —
Терпѣніе есть средство отомстить
Насмѣшкою судьбѣ несправедливой.
Ограбленный, смѣясь своей потерѣ,
У вора отымаешь кое что:
Но, горести предавшись бесполезной,
Воруешь онъ у самого себя.

БРАБАНЦЮ.

Такъ знаете, уступимъ-ка съ улыбкой
Мы туркамъ Кипръ: онъ все, вѣдь, будетъ нашъ.
Охъ! хорошо такія разсужденія
Переносить тому, кто удрученъ,
Лишь сладкимъ утѣшеніемъ, въ нихъ лежащимъ.
Но каково тому, кто, кромѣ ихъ,
Обремененъ печалью? Для уплаты
Своей тоскѣ онъ долженъ занимать
У бѣднаго терпѣнья. Эти рѣчи,
Способныя и утѣшать, и мучить,
Двусмысленны, какъ ихъ ни поверни.
Слова всегда останутся словами!
Я никогда не слышалъ, чтобъ могло
Разтерзанное сердце излѣчиться
Тѣмъ, что ему подсказываетъ ухо.
Теперь я васъ покорнѣйше прошу
Заняться здѣсь дѣлами государства.

Дожъ. Турки, могущественно вооруженные, плывутъ къ Кипру. Вамъ, Отелло, лучше, чѣмъ другимъ, извѣстны средства обороны этого мѣста. Хотя мы имѣемъ уже тамъ высокодоблестнаго намѣстника, но общественное мнѣніе — этотъ верховный властелинъ успѣховъ — возлагаетъ большую надежду спасенія на васъ. Поэтому вамъ придется теперь омрачить блескъ вашего новаго счастья этой неминуемой и бурной экспедиціею.

ОТЕЛЛО.

Почтенные сенаторы, привычка —
Тиранъ людей, и для меня она
Кремнистое, стальное ложе брани
Въ пуховую перину превратила.
Я, признаюсь, въ трудѣ тяжеломъ радость
Открытую, прямую нахожу —
И въ бой готовъ итти на оттомановъ.
Поэтому къ вамъ обращаюсь я
Съ смиреніемъ полнѣйшимъ и прошу,
Чтобъ сдѣлано распоряженіе было

Насчетъ жены моей, чтобъ ей жилище
Назначили, и слугъ, и содержанье,
И, словомъ, всѣ удобства, какъ прилично
Высокому рожденію ея.

Д О Ж Ъ .

Хотите вы, такъ пусть живетъ она
У своего отца.

БРАБАНЦЮ .

Я не согласенъ.

ОТЕЛЛО .

Ни я.

ДЕЗДЕМОНА .

Ни я. Я не хочу тамъ жить,
Чтобъ, находясь передъ отца глазами,
Его всегда сердить и раздражать.
Свѣтлѣйшій дожъ, внимлите благосклонно
Моей мольбѣ, и слово снисхожденья
Пусть ободрить неопытность мою.

Д О Ж Ъ .

Чего же вы хотите, Дездемона?

ДЕЗДЕМОНА .

Свѣтлѣйшій дожъ, я доказала міру
Тѣмъ, что пошла открыто и безстрашно
Навстрѣчу всѣмъ превратностямъ судьбы,
Что для того я мавра полюбила,
Чтобъ съ мавромъ жить. Вѣдь, сердце-то мое
Призванію его и покорилося.
Въ его лицѣ мнѣ духъ его являлся;
Я подвигамъ его и славѣ громкой
Свою судьбу и душу посвятила.
Поэтому, почтенные синьоры,
Когда я здѣсь останусь молью мира,
Межъ тѣмъ какъ онъ поѣдетъ на войну,
То именно того лишусь, за что я
Люблю его, и тяжело будетъ мнѣ
Переносить разлуку съ милымъ сердцу.
Позвольте же мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

ОТЕЛЛО .

Сенаторы, подайте голоса!
Я васъ молю не отказать ей въ просьбѣ.

Свидѣтель Богъ, молю не для того,
 Чтобъ угодить желаньямъ сладострастнымъ,
 Не для того, чтобъ юной страсти жаръ
 Мнѣ одному дарилъ бы наслажденье,
 Но для того, чтобы ея душа
 Отъ всѣхъ заботъ и мукъ была свободна.
 Но Боже васъ, синьоры, сохрани
 Отъ мысли той, что важнымъ вашимъ дѣломъ
 Пренебрегу, не разставаясь съ ней.
 Нѣтъ, нѣтъ! Когда безпечныя забавы
 Крылатаго Амура наведутъ
 Изнѣженность и сладкую истому
 На мысль мою и дѣйствія мои,
 Когда онѣ мое испортятъ дѣло:
 Тогда пускай изъ плема моего
 Простой горшокъ себѣ устроятъ бабы,
 И пусть тогда на честь мою падутъ
 Постыднѣйшій позоръ и оскорбленье!

Д о ж ъ .

Пусть будетъ такъ, какъ сами вы рѣшите —
 Остаться ей иль ѣхать. Наше дѣло
 Не терпитъ отлагательства, и медлить
 Никакъ нельзя. Вы ѣдете сегодня.

Д Е З Д Е М О Н А .

Сегодня въ ночь?

Д о ж ъ .

Сегодня въ ночь.

О Т Е Л Л О .

Я радъ.

Д о ж ъ .

Мы снова здѣсь сойдемся вмѣстѣ завтра
 Часу въ десятомъ утра. Вы, Отелло,
 Кого-нибудь изъ вашихъ офицеровъ
 Оставьте: онъ ваше полномочье
 И прочія бумаги всѣ, какія
 Вамъ слѣдуетъ, къ вамъ привезетъ.

О Т Е Л Л О .

Позвольте
Поручика оставить моего:
Онъ челоѡкъ и честный и надежный.
Онъ привезетъ ко мнѣ жену мою,
А также все, что вы сочтете нужнымъ
Послать ко мнѣ.

Д о ж ъ .

Ну что жъ — пусть будетъ такъ.
Теперь вамъ всѣмъ желаю доброй ночи.

(Къ Брабанціо.)

Почтеннѣйшій синьоръ, коль добродѣтель
Какъ красота прекрасна, то вашъ зять,
Повѣрьте мнѣ, не черенъ, а прекрасенъ.

1 - ый С Е Н А Т О Р ъ .

Прощайте, храбрый мавръ, и Дездемону
Храните вы отъ всякихъ бѣдъ.

Б Р А Б А Н Ц И О .

Смотри
За нею, мавръ, смотри во всѣ глаза:
Она отца родного обманула,
Такъ и тебя, пожалуй, проведетъ.

(Дожъ, сенаторы и другіе уходятъ.)

О Т Е Л Л О .

Нѣтъ, жизнь даю за вѣрность Дездемоны;

(Къ Яго.)

Съ тобой я оставляю, честный Яго,
Мою жену. Прощу тебя, скажи
Своей женѣ смотрѣть за ней; а послѣ,
При случаѣ удобномъ, привези
Обѣихъ ихъ. Пойдемъ же Дездемона —
Одинъ лишь часъ могу я дать любви
И всѣмъ другимъ заботамъ постороннимъ;
Мы времени покорствовать должны.

(Уходитъ съ Дездемоной.)

Р О Д Р И Г О . Яго!

Яго. Что скажешь, благородная душа?

Р О Д Р И Г О . Какъ ты думаешь, что я намѣренъ сейчасъ сдѣлать?

Яго. Думаю, что ты сейчасъ отправишься спать.

Р О Д Р И Г О . Я сейчасъ пойду и утоплюсь.

Яго. Ну, если ты сдѣлаешь это, я послѣ того перестану любить тебя. И къ чему это, глупый человѣкъ?

Родриго. Глупость жить, когда жизнь — мученье; и мы обязаны умереть, когда смерть можетъ быть нашимъ исцѣлителемъ.

Яго. О, чепуха! Я смотрю на смерть уже пятое семилѣтіе, и съ тѣхъ поръ, какъ научился различать благодѣяніе отъ оскорбленія, не встрѣчалъ еще человѣка, который бы умѣлъ любить себя. Нѣтъ, что касается меня, то я скорѣе бы обмѣнялся своею человѣчностью съ обезьяною, чѣмъ рѣшился бы утопиться изъ любви къ какой-нибудь цесаркѣ.

Родриго. Да что же мнѣ дѣлать? Сознаюсь, мнѣ самому стыдно, что я такъ влюбленъ; да нѣтъ силъ преодолѣть это!

Яго. Нѣтъ силъ? пустяки! Быть такимъ или инымъ — зависитъ отъ насъ самихъ. Наше тѣло — нашъ садъ, а наша воля — садовникъ въ немъ. Захотимъ ли мы посадить тамъ крапиву или посѣять салатъ, исопъ, тминъ; захотимъ ли украсить этотъ садъ однимъ родомъ травъ или нѣсколькими; захотимъ ли запустить его по бездѣйствію или обработать съ заботливостью — всегда сила и распорядительная власть для этого лежатъ въ нашей волѣ. Если бы въ вѣсахъ нашей жизни не было чашечки разсудка, для уравновѣшиванія чашечки чувствительности, то кровь и пошлость нашей натуры довели бы насъ до безумнѣйшихъ послѣдствій. Но у насъ есть разсудокъ для прохладенія бѣшеныхъ страстей, животныхъ побужденій, необузданныхъ похотей. Вотъ почему то, что ты называешь

271

любовью, есть, я думаю, простой побѣгъ или отпрыскъ.

Родриго. Это невозможно.

Яго. Да, просто похоть крови, потворствуемая волею. Ну полно, будь мужчиной! Утопиться!.. Топи лучше кошекъ и слѣпыхъ щенятъ. Я объявилъ себя твоимъ другомъ, признаюсь, что привязанъ къ тебѣ канатами надежной толщины, и никогда не могъ быть тебѣ полезнымъ такъ, какъ теперь. Насыпка денегъ въ свой кошелекъ, ступай на войну, измѣни лицо свое поддѣльной бородой — но, повторяю, насыпь денегъ въ кошелекъ. Невозможно, чтобы и онъ долго любилъ ее. Любовь эта стремительно началась, и ты увидишь такой же разрывъ ея; но не забудь кошелекъ съ деньгами! Эти мавры измѣнчивы въ своихъ желаніяхъ... Наполни же кошелекъ своимъ деньгами. Пицца, которая кажется ему теперь такою же сладкою, какъ саранча, скоро сдѣлается для него горше колоцинтовъ. Она должна перемѣниться вслѣдствіе своей молодости; когда насытится его тѣломъ, то увидитъ, какъ ошиблась въ выборѣ. Да, ей нужна будетъ перемѣна, непременно нужна — вотъ почему насыпь денегъ въ кошелекъ. Если ужъ ты непременно хочешь погубить себя, такъ употреби для этого средство болѣе пріятное, чѣмъ утопленіе. Собери денегъ, сколько можешь. Если ложная святость и непрочныя клятвы бродяги-чужеземца и хитрой венеціанки не побѣдятъ моей смысленности и стараній цѣлаго ада, то ты завладѣешь ею, только достань денегъ. Какой вздоръ — утопиться! Вѣдь,

это ни к чему не поведетъ... Ужъ лучше тебѣ повѣситься, насладившись блаженствомъ, чѣмъ утопиться, ничего не добившись!

Родриго. Но оправдаешь ли ты мои надежды, если я послѣдую твоимъ совѣтамъ?

Яго. Будь совершенно увѣренъ во мнѣ... А теперь доставай денегъ. Я говорилъ тебѣ часто и теперь снова повторяю: я ненавижу мавра. Причинъ на это у меня достаточно: у тебя тоже не меньше. Соединимся же вмѣстѣ для мщенія. Если тебѣ удастся приставить ему рога, то этимъ ты себѣ доставишь удовольствіе, а мнѣ — потѣху. Много есть такого въ утробѣ времени, что скоро откроется. Ну, ступай — доставай денегъ! Завтра мы потолкуемъ объ этомъ подробнѣе. Прощай.

Родриго. Гдѣ мы увидимся завтра утромъ?

Яго. У меня.

Родриго. Я приду пораньше.

Яго. Ну, прощай. Но ты слышалъ, Родриго?

Родриго. Что такое?

Яго. Ни слова больше о смерти — слышалъ?

Родриго. Я раздумалъ. Я продамъ всѣ мои помѣстья.

Яго. Ступай, да припаси побольше денегъ.

(Родриго уходитъ.)

Вотъ такъ всегда изъ дураковъ такихъ
Я кошелекъ свой дѣлаю; а тратить
Изъ-за одной пустой забавы время
Съ болванами подобными — вѣдь, значить
Срамить себя и опытность свою.
Я ненавижу мавра. Ходятъ слухи,
Что на моей супружеской постели
Онъ исполнялъ обязанность мою.
Не знаю я, правдивы ль эти слухи;
Но одного простого подозрѣнья
Довольно мнѣ, чтобъ поступать, какъ будто
Увѣренъ я. Онъ вѣритъ мнѣ во всемъ —
Тѣмъ лучше я въ дѣлахъ своихъ успѣю.
Нашъ Кассіо красавецъ... Какъ бы это?..
Вотъ было бы вдвойнѣ отличной штукой —
Занять его мнѣ мѣсто и потомъ
Его же взять, чтобъ оперить мой планъ!
Но какъ? но какъ? Подумаемъ однако:
Не худо бы начать, спустя немного,
Нашоптывать Отелло въ уши, будто
Съ его женой онъ черезчуръ ужъ друженъ.
У Кассіо красивое лицо,
Онъ ловокъ, милъ; онъ будто съ тѣмъ лишь созданъ,
Чтобъ обольщать всѣхъ женщинъ, и къ нему
Приревновать не трудно; а у мавра

Такой простой и добродушный нравъ,
Что честнымъ онъ считаетъ человѣкомъ,
Умѣвшаго прикинуться такимъ,
И за носъ такъ водить его удобно,
Какъ глупаго осла.
Такъ, рѣшено! Зачатѣе совершилось,
А тьма и адъ потомъ на помощь мнѣ придутъ
И плодъ чудовищный для свѣта извлекутъ.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Приморскій городъ на Кипрѣ. Терраса.

Входятъ МОНТАНО *и* ДВА ОФИЦЕРА.

МОНТАНО.

Не видно ли чего на морѣ съ мыса?

1-ый ОФИЦЕРЪ.

Нѣтъ, ничего. Сердито ходятъ волны,
И паруса ни одного не видно
Между водой и небомъ.

272

МОНТАНО.

Вѣтеръ сильно
На сушѣ здѣсь шумѣлъ: сильнѣе рева
Не слышали еще бойницы наши.
Когда онъ такъ и въ морѣ свирѣпѣлъ —
Не выдержать никакъ дубовымъ ребрамъ
Отъ натиска громадныхъ горъ воды.
Ну, что-то мы услышимъ?

2-ой ОФИЦЕРЪ.

Что разсѣянь
Турецкій флотъ. Чтобъ убѣдиться въ томъ,
Взгляните-ка на пѣнящійся берегъ.
Ревущіе валы какъ будто бьются
Съ толпою тучъ; бичуемъ грознымъ вѣтромъ,

Чудовищную гриву океанъ
Всю разметалъ и точно хлещетъ влагой
Въ Медвѣдицу сверкающую, съ тѣмъ,
Чтобъ загасить блестящихъ сторожей
У полюса, недвижнаго отъ вѣка.
Да, признаюсь, такого возмущенья
Я не видалъ еще на бурномъ морѣ.

МОНТАНО.

Да, если флотъ турецкій не успѣлъ
Куда-нибудь укрыться въ гавань — вѣрно,
Онъ утонулъ. Бороться съ этой бурей
Никакъ нельзя.

Входитъ 3-ій Офицеръ.

3-ІЙ ОФИЦЕРЪ.

Синьоры, новость, новость!
Конецъ войнѣ. Отчаянная буря
Такъ турокъ угостила хорошо,
Что планы ихъ совсѣмъ перевернулись.
Одинъ корабль венеціанскій видѣлъ
Крушеніе и гибель большей части
Флотилии турецкой.

МОНТАНО.

Это вѣрно?

3-ІЙ ОФИЦЕРЪ.

Онъ только-что вошелъ къ намъ въ гавань. Это
Веронское судно. На немъ пріѣхалъ
Къ намъ лейтенантъ воинственнаго мавра,
Микеле Кассіо; а самъ Отелло,
Назначенный правителемъ на Кипръ,
Еще плыветъ сюда.

МОНТАНО.

Я очень радъ
Такому назначенью: онъ правитель
Достойнѣйшій.

3-ІЙ ОФИЦЕРЪ.

Но тотъ же лейтенантъ,
Доставившій намъ радостную вѣсть
О гибели турецкой, очень грустенъ,
И молится онъ о спасеньи мавра,
Котораго отбила отъ него
Свирѣпая, безумнѣйшая буря.

МОНТАНО.

И я молю: «спаси его, Творецъ!»
Когда-то я былъ подъ его начальствомъ
И, признаюсь, онъ истый полководецъ.
Пойдемте-ка на берегъ посмотрѣть
На тотъ корабль, что только-что пріѣхалъ,
И, можетъ быть, безстрашнаго Отелло
Мы различимъ хоть гдѣ-нибудь вдали,
Гдѣ сходится вода съ лазурнымъ небомъ.

3-ІЙ ОФИЦЕРЪ.

Пойдемъ, пойдемъ! Вѣдь, каждое мгновенье
Теперь намъ ждать приходится гостей.

Входитъ Кассіо.

КАССІО.

Благодарю всѣхъ доблестныхъ мужей
Воинственнаго Кипра за признанье
Достоинства Отелло. О, пусть Небо
Пошлетъ ему защиту отъ стихій!
Я потерялъ его на бурномъ морѣ...

МОНТАНО.

На крѣпкомъ ли плыветъ онъ корабль?

КАССІО.

Да, у него корабль построень прочно,
И опытный, искусный кормчій съ нимъ.
Вотъ отчего мои еще надежды
Не умерли, а исцѣленья ждуть.

(Крики за сценой.)

Корабль! корабль!

Входитъ 3-ій Офицеръ.

КАССІО.

Что значать эти крики?

3-ІЙ ОФИЦЕРЪ.

Весь городъ пусть; на берегу собрались
Толпы людей, и всѣ кричатъ «корабль».

КАССІО.

Предчувствіе мнѣ говоритъ, что это
Правитель нашъ. *(Пушечные выстрѣлы.)*

2-ОЙ ОФИЦЕРЪ.

Тамъ, слышно, салютуютъ:
То — дружескій салютъ.

КАССИО.

Синьоръ, прошу васъ,
Узнайте, кто пріѣхалъ, и сейчасъ
Намъ дайте знать.

2-ОЙ ОФИЦЕРЪ.

Иду и все исполню.

(Уходитъ.)

МОНТАНО.

Что, лейтенантъ, женатъ нашъ генералъ?

КАССИО.

И очень счастливо: онъ взялъ дѣвицу,
Способную собою оправдать
Излишества молвы и описаній,

273

Способную собою превзойти
Каракульки хвалебно-громкихъ перьевъ:
Она — краса творенія, и въ ней
Всѣ чудеса его соединились.

Возвращается 2-ОЙ ОФИЦЕРЪ.

КАССИО.

Ну что? кто тамъ пріѣхалъ?

2-ОЙ ОФИЦЕРЪ.

Нѣкто Яго,
Поручикъ генерала.

КАССИО.

Каково!
Какъ счастливо и скоро путь свершилъ онъ!
Самъ ураганъ и бѣшеное море,
Ревущій вѣтръ, подводные утесы
И отмели песчанья — враги,
Измѣнники, сокрытая преграда
Безвинному килю — теперь, какъ будто
Уразумѣвъ всю силу красоты,
Губительный характеръ свой смирили,

Позволивъ путь свершить благополучно
Божественно-прекрасной Дездемонѣ.

МОНТАНО.

А кто она?

КАССИО.

Та, о которой я
Вамъ только-что рассказывалъ: надъ нашимъ
Начальникомъ начальникъ. Храбрый Яго
Въ проводники ея назначенъ былъ
И наши ожиданія недѣлей
Опередить успѣлъ онъ. О, Юпитеръ,
Великій богъ, спаси Отелло! Вздуй
Дыханіемъ твоимъ всеильнымъ парусъ
Его, чтобъ могъ онъ гордымъ кораблемъ
Скорѣе осчастливить эту гавань
И утолить въ объятяхъ Дездемоны
Любовь свою, и нашъ упавшій духъ
Воспламенить, и острову всему
Спокойствіе доставить. Но смотрите!

Входятъ Дездемона, Эмилія, Яго, Родриго и свита.

КАССИО.

Смотрите: вотъ богатство корабля
На берегу явилось. Мужи Кипра,
Склоните же колѣна передъ ней!
Привѣтствуемъ, синьора, васъ! Да будетъ
Небесъ благословеніе передъ вами
И сзади васъ: да окружитъ оно
Отсюду васъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Благодарю отъ сердца!
Но, храбрый Кассіо, какія вѣсти
Дадите вы мнѣ о моемъ супругѣ?

КАССИО.

Не прибылъ онъ еще; но смѣю вѣрить,
Что онъ здоровъ и скоро будетъ здѣсь.

ДЕЗДЕМОНА.

Ахъ, я боюсь! Какъ съ нимъ вы разлучились?

КАССИО.

Великая борьба небесъ и моря
Виной тому. Но, чу! Тамъ крики «парусъ».

(За сценой кричатъ: «парусъ! парусъ!» Пушечные выстрѣлы.)

2-ОЙ ОФИЦЕРЪ.

Вы слышите — онъ крѣпость салютуетъ:
Вновь, стало быть, пріятельскій салютъ.

КАССИО.

Узнайте-ка! (2-й офицеръ уходитъ.)
А, здравствуйте, поручикъ
(Эмилиа.) Синьора, здравствуйте.

(Цѣлуетъ ее.)

Мой добрый Яго,
Не гнѣвайся за эту вольность; мнѣ
Моей страны обычай позволяетъ
Любезности такія.

ЯГО.

О, синьоръ,
Когда бъ она губами угощала
Васъ точно такъ, какъ языкомъ — меня,
Вы скоро бы умаялись!

ДЕЗДЕМОНА.

Помилуй!
Она совсѣмъ не говорлива.

ЯГО.

Нѣтъ,
Ужъ слишкомъ говорлива. Каждый разъ,
Ложась въ постель, я въ этомъ убѣждаюсь.
При васъ она, я знаю, прячетъ въ сердце
Свой язычекъ и мысленно со мной
Ругается.

ЭМИЛИЯ.

Къ такому обвиненью
Я повода тебѣ не подала.

ЯГО.

Ну да, ну да! Вы всѣ за дверью дома —
Картиночки, а въ спальнѣ у себя —
Колокола; въ домашнихъ кухняхъ — кошки
Вы дикія; святые вы, когда
Ругаете другого, и чертовки,
Когда другой самихъ васъ оскорбитъ;
Шутихи вы въ хозяйствѣ и хозяйки —

Въ постеляхъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Фи! безстыдный клеветникъ!

ЯГО.

Нѣтъ, это такъ — иначе будь я турокъ.
Встаете вы затѣмъ, чтобъ забавляться,
Ложитесь же, чтобъ дѣломъ заниматься.

274

ЭМИЛИЯ.

Ну, ужъ тебя не попрошу я, вѣрно,
Похвальное мнѣ слово написать.

ЯГО.

И не проси!

ДЕЗДЕМОНА.

А что ты написалъ бы,
Когда бъ тебѣ пришлось меня хвалить?

ЯГО.

О, добрая синьора, не просите
Меня о томъ: я только и умѣю,
Что осуждать.

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя.
Пошелъ ли кто на пристань?

ЯГО.

Да, синьора.

ДЕЗДЕМОНА.

Я все грущу, но обмануть себя
Притворною веселостью стараюсь.
Ну, что жъ бы ты мнѣ въ похвалу сказалъ?

ЯГО.

Я думаю объ этомъ, но моя
Фантазія пристала къ мозгу плотно,
Какъ птичій клей къ сукну; я вмѣстѣ съ ней
И мозгъ и все могу, пожалуй, вырвать.

Но трудится беременная муза,
И, наконецъ, вотъ что родить она:
Если умъ соединился въ ней съ тѣлесной красотой,
То отъ перваго ей польза — и погибель отъ второй.

ДЕЗДЕМОНА.

Прекрасно! ну а если бы она
Была умна и вмѣстѣ некрасива?

ЯГО.

Коль умна да не красива, то красавецъ ужъ найдется,
Для котораго по сердцу дурнота ея придется.

ДЕЗДЕМОНА.

Чась-отъ-часу не легче!

ЭМИЛИЯ.

А ежели красива и глупа?

ЯГО.

Нѣтъ, красавица быть дурой никогда, повѣрь, не можетъ:
Добывать себѣ потомство глупость ей всегда поможетъ.

ДЕЗДЕМОНА. Это все старые глупые парадоксы, придуманные для
увеселенія глупцовъ въ трактирахъ. Какую же жалкую похвалу найдемъ мы
для той, которая и дурна, и глупа?

ЯГО.

Нѣтъ такой дурной и глупой, чтобъ безумнаго того же
Не творила, что творится и разумной, и пригожей.

ДЕЗДЕМОНА. О, какая нелѣпость! Худшей ты воздаешь лучшую похвалу.
Но что же ты сказалъ бы о женщинѣ, дѣйствительно стоящей восхваленія? о
женщинѣ, которая, сознавая свое достоинство, могла бы заставить само
злословіе похвалить ее?

ЯГО.

Та, которая прекрасна и при этомъ не горда
И, владѣя даромъ слова, не болтаетъ никогда;
Та, которая богата, но простыя носить платья,
И не многого желаетъ, говоря «могу желать я»;
Та, которая и можетъ за обиду отомщать,
Но умѣетъ оскорбленія и сносить, и забывать;
Та, которая настолько здравымъ смысломъ обладаетъ,
Что башку трески на семги хвостъ никакъ не промѣняетъ;
Та, которая всѣ мысли скрыть умѣетъ отъ людей
И не смотреть на влюбленныхъ, поклоняющихся ей —
Ну, созданіе такое, если только есть такія,
Можетъ-быть пригодно...

ДЕЗДЕМОНА.

На что?

ЯГО. На то, чтобъ выкармливать глупцовъ и разливать пиво.

ДЕЗДЕМОНА. О, какое слабое и несостоятельное заключеніе! Не учись у него, Эмилиа, несмотря на то, что онъ твой мужъ! Какъ вы думаете, Кассіо, развѣ онъ высказываетъ не безстыдное и нахальное мнѣніе?

КАССІО. Онъ говоритъ безъ обиняковъ, синьора. Вы полюбите его больше, какъ солдата, чѣмъ какъ ученаго.

ЯГО (*въ сторону*). Онъ беретъ ее за руку! Хорошо, шепчитесь! Даже такою тонкою паутиной можно запутать такую большую муху, какъ Кассіо. Да, да, улыбайся ей! Я свяжу тебя твоею же любезностью. Да, это такъ: ты поступаешь, какъ должно... Если такія шутки, какъ эти, отымутъ у тебя твое лейтенантство, лучше бы тебѣ не цѣловать такъ часто твоихъ трехъ пальцевъ; но ты опять дѣлаешь то же самое, чтобъ разыграть роль ловкаго человѣка. Отлично! славный поцѣлуй; отличная любезность, право! Что это, опять пальцы къ губамъ? Желалъ бы я, чтобъ они сдѣлались для тебя клистирными. (*Трубы.*) Вотъ и мавръ! Я узнаю звукъ его трубъ.

КАССІО.

Да, правда.

ДЕЗДЕМОНА.

Пойдемъ къ нему навстрѣчу.

275

КАССІО.

Да вотъ онъ самъ.

Входитъ ОТЕЛЛО со свитою.

ОТЕЛЛО.

О, милая моя воительница!

ДЕЗДЕМОНА.

Милый
Отелло мой!

ОТЕЛЛО.

Дивлюсь и восхищаюсь,
Что ты меня опередила здѣсь.
О, счастье души моей, когда бы
За каждымъ ураганомъ наступало
Спокойствіе такое — пусть бы вѣтры

Ревѣли такъ, чтобъ даже смерть проснулась,
И пусть суда взбирались бы съ трудомъ
На горы волнъ, не ниже горъ Олимпа,
И съ нихъ опять летѣли въ самый низъ,
Въ глубокія, какъ самый адъ, пучины!
Когда бъ теперь мнѣ умереть пришлось,
Я счелъ бы смерть блаженствомъ высочайшимъ,
Затѣмъ что я теперь такъ полно счастливъ,
Что въ будущемъ невѣдомомъ боюсь
Подобнаго блаженства ужъ не встрѣтить.

ДЕЗДЕМОНА.

О, нѣтъ! дай Богъ, чтобъ съ днями нашей жизни
И нашъ покой съ любовью бы возрасталъ!

ОТЕЛЛО.

Аминь, благія силы Неба! Мнѣ словами
Не высказать блаженства своего.
Оно вотъ здѣсь остановилось. Слишкомъ
Мнѣ хорошо. (*Цѣлуетъ Дездемону.*)
И это лишь одно
Единственнымъ пусть будетъ разногласьемъ
У нашихъ душъ.

ЯГО (*въ сторону*).

О, вы теперь отлично
Настроены; но я спущу колки,
Которые поддерживаютъ эту
Гармонію — ручаюсь честью въ томъ!

ОТЕЛЛО.

Пойдемте въ замокъ. Ну, друзья, вотъ новость:
Войнѣ конецъ, турецкій флотъ погибъ.
Ну, какъ-то здѣсь, на Кипрѣ, поживаютъ
Старинные знакомые мои? (*Къ Дездемонѣ.*)
Тебя, мой другъ, здѣсь встрѣтятъ съ восхищеньемъ:
Въ былые дни меня любили здѣсь.
О, милая моя, отъ наслажденья,
Отъ счастья я говорливъ безъ мѣры!
Прошу тебя, мой добрый Яго, въ гавань
Сходить и тамъ мои пожитки взять.
Да приведи ко мнѣ и капитана:
Онъ человѣкъ отличный, и его
За доблесть я глубоко уважаю,
Идемъ же, Дездемона! Снова я
Привѣтствую тебя на почвѣ Кипра.

ЯГО (одному изъ слугъ). Иди и жди меня въ гавани. (Къ Родриго.) Ну, Родриго, если у тебя въ сердцѣ есть мужество — говорятъ, что люди, когда влюбятся, становятся благородными, даже если благородство и не составляетъ ихъ врожденнаго качества — слушай меня. Сегодня ночью лейтенантъ начальствуетъ надъ стражей замка. Но прежде я долженъ сказать тебѣ: Дездемона положительно влюблена въ него.

РОДРИГО.

Въ него? Нѣтъ, это невозможно!

ЯГО. Положи палецъ на губы — вотъ такъ, и слушай. Припомни, съ какою пылкостью она прежде полюбила мавра - и единственно за его хвастовство и фантастическіе рассказы. Такъ неужели она всегда будетъ любить за болтовню? Конечно, ты не настолько довѣрчивъ, чтобы вѣрить этому. Глазамъ ея нужна пища; а какое ей наслажденіе постоянно смотрѣть на дьявола? Когда кровь охладится удовлетвореніемъ чувственной потребности, тогда, чтобы снова воспламенить ее и насытить новыя желанія, необходимы красота лица, симпатія лѣтъ, ловкость манеръ, любезность — словомъ, все, чего недостаетъ мавру. Этотъ-то недостатокъ покажетъ ея нѣжнымъ чувствамъ, что они обманулись; она начнетъ вздыхать, скучать, а наконецъ, и ненавидѣть мавра; сама природа произведетъ такое дѣйствіе и заставитъ ее рѣшиться на какой-нибудь новый выборъ. Теперь, допустивъ такое предположеніе, какъ самое естественное и очевидное, скажи: кто скорѣе Кассіо можетъ достигнуть такого счастья — Кассіо, этого легкокрылаго плута, который прикрываетъ любезными и ловкими манерами свои отвратительно-распутныя наклонности?.. Никто, рѣшительно никто... Это тонкій и ловкій плутъ; онъ отлично пользуется обстоятельствами; онъ умѣетъ чеканить и пускать въ обращеніе разныя достоинства, хоть на самомъ дѣлѣ у него нѣтъ никакихъ достоинствъ... Дьявольскій плутъ! Да къ тому же молодой и красивый и имѣющій всѣ тѣ свойства, на которыя глупость и молодость смотрятъ съ удовольствіемъ... Заразительно ловкій плутъ; - и Дездемона уже испытала его дѣйствіе...

РОДРИГО. Я не могу повѣрить этому: въ ней столько истиннаго благородства.

ЯГО. Провались ты съ своимъ благородствомъ! Вѣдь, вино, которое она пьетъ,

сдѣлано изъ винограда? Будь она благородна, никогда бы она не полюбила мавра. Благородство, чортъ побери! Ты развѣ не видѣлъ, какъ она держала его за руку? Ты не замѣтилъ этого?

РОДРИГО. Да, это я видѣлъ, но это была простая вѣжливость.

Яго. Нѣтъ, это распутство - клянусь моею рукою; это — оглавление, темный прологъ къ исторіи разврата и грязныхъ мыслей. Губы ихъ такъ сближались, что дыханіе одного цѣловалось съ дыханіемъ другого. Гнусныя мысли, Родриго! Когда ужъ пошла въ ходъ эта взаимность, то скоро они перейдутъ къ главному упражненію — къ плотской развязкѣ... Нѣтъ, Родриго, позволь мнѣ быть твоимъ руководителемъ: вѣдь, я заставилъ тебя пріѣхать сюда изъ Венеціи. Будь сегодня ночью въ числѣ стражи; я позабочусь, чтобъ тебя назначили туда. Кассіо тебя не знаетъ... я буду недалеко отъ васъ. Постарайся какъ-нибудь разсердить Кассіо: громкимъ ли говоромъ, насмѣшкою ли надъ его распоряженіями... чѣмъ-нибудь другимъ, наконецъ, къ чему только представится удобный случай.

Родриго. Хорошо.

Яго. Кассіо вспыльчивъ и горячъ въ гнѣвѣ: очень можетъ быть, что онъ ударитъ тебя своей саблей — ты постарайся довести до этого, потому что этимъ именно я возмущу кипріотовъ, и для прекращенія бунта необходимо будетъ смѣстить Кассіо. Такимъ образомъ, тебѣ откроется скорѣйшій путь къ осуществленію твоихъ желаній.

Родриго. Я исполню совѣтъ твой, если только представится случай.

Яго. За это я тебѣ ручаюсь. Приходи послѣ въ крѣпость, а я теперь отправлюсь въ гавань за его вещами. Прощай.

Родриго. Прощай. (*Уходитъ.*)

Яго.

Что Кассіо влюбленъ въ нее — я вѣрю.
Что и она взаимно влюблена —
Возможное, естественное дѣло.
Мавръ — хоть его и ненавижу я —
Все жъ любящій и честный человѣкъ,
И смѣю я надѣяться, что будетъ
Отличнѣйшимъ онъ мужемъ Дездемонѣ.
Да, наконецъ, я самъ ее люблю —
Не страстною любовника любовью,
Хоть, можетъ-быть, такой огромный грѣхъ
Нимало я не искупаю этимъ.
Но потому, отчасти, что хочу
Я отомстить ему, изъ подозрѣнья,
Что этотъ мавръ распутный на постель
Ко мнѣ не разъ взбирался. Мысль объ этомъ
Мнѣ внутренность терзаетъ, словно ядъ —
И не унять ничѣмъ моихъ терзаній,
Пока со мной женою за жену
Не разочтется онъ; а не удастся -
Такъ въ мавра я вселю такую ревность,
Съ которою не справится разсудокъ.
Чтобъ въ томъ успѣть, не повредила бъ только
Мнѣ эта дрянъ венеціанецъ жалкій,

Котораго на сворѣ я держу,
Чтобъ онъ не шелъ за дичью слишкомъ быстро,
И Кассіо я славно удружу:
Въ ужаснѣйшемъ его представлю видѣ
Начальнику. Сдается что-то мнѣ,
Что съ колпакомъ ночнымъ моимъ отлично
И онъ знакомъ.. Я такъ устрою дѣло,
Что будетъ мавръ меня благодарить,
Любить меня и награждать за то,
Что я его искусно превращаю
Въ полнѣйшаго осла и довожу
Отъ мирнаго покоя до безумья.
Все это здѣсь, но смутно все пока:
Вѣдь, плутовство до той поры таится,
Пока оно вполнѣ осуществится! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА II.

Улица.

Входитъ Герольдъ съ прокламаціей; народъ слѣдуетъ за нимъ.

Герольдъ. Отелло, нашему благородному и доблестному генералу, угодно, чтобы по случаю только что полученныхъ вѣрныхъ извѣстій о гибели турецкаго флота, каждый житель Кипра торжествовалъ это событіе плясками, потѣшными огнями и тѣми увеселеніями, какія кому нравятся, потому что, кромѣ этого радостнаго событія, онъ празднуетъ и свое бракосочетаніе. Объ этомъ угодно ему объявить во всеуслышаніе. Всѣ комнаты дворца открыты, и въ нихъ каждый имѣетъ право пировать отъ теперешнихъ пяти часовъ до тѣхъ поръ, пока часы пробьютъ одиннадцать. Да благословитъ Небо островъ Кипръ и нашего благороднаго генерала Отелло! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА III.

Зала въ замкѣ.

Входятъ: Отелло, Дездемона, Кассіо и свита.

ОТЕЛЛО.

Любезный Кассіо, сегодня ночью
Надъ стражею ты самъ прими начальство.

Мы забывать о службѣ не должны
Среди забавъ и наслажденій нашихъ.

КАССИО.

Я приказалъ ужъ Яго все, что нужно,
Но, несмотря на то, и лично самъ
За всѣмъ слѣдить я буду.

ОТЕЛЛО.

Яго очень
Надежный человѣкъ. Спокойной ночи.
Я жду тебя поутру, Микаэль:
Мнѣ нужно бы поговорить съ тобою.

(Къ Дездемонѣ.)

Ну, милый другъ, пойдемъ. Торгъ заключенъ,
Теперь съ тобою мнѣ пора плоды вкусить
И выгоды его, какъ должно, раздѣлить.
Спокойной ночи.

(Отелло, Дездемона и свита уходятъ.)

Входитъ Яго.

КАССИО. А, Яго! хорошо, что ты пришелъ: намъ пора отправляться въ карауль.

ЯГО. Еще не время, лейтенантъ: десяти часовъ не било. Генераль оставилъ насъ такъ рано только изъ любви къ своей Дездемонѣ. Да и нельзя винить его за это: онъ еще не проводилъ съ ней ни одной ночи; а такая женщина доставила бы наслажденіе самому Юпитеру.

КАССИО. Она прелестная женщина!

ЯГО. И, ручаюсь вамъ, полная огня.

КАССИО. Да, правда, это самое свѣжее и нѣжное созданье.

ЯГО. Что за глаза у нея! такъ и вызываютъ на переговоры.

КАССИО. Да, вызывающіе глаза и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полные такой скромности.

ЯГО. А когда она говоритъ, развѣ не вызываетъ на бой любовь?

КАССИО. Да, надо сознаться, эта женщина — совершенство.

ЯГО. Да будетъ счастливо ихъ брачное ложе! А между тѣмъ, лейтенантъ, у меня есть для васъ бутылка вина, а здѣсь, вблизи, нѣсколько кипрскихъ молодцовъ, которые желали бы выпить за здоровье чернаго Отелло.

КАССИО. Не сегодня! добрый Яго! голова моя скверно переноситъ вино. Желалъ бы я очень, чтобы общежительность придумала какой-нибудь другой способъ увеселенія.

ЯГО. Но вѣдь, это все наши друзья. Одинъ бокалъ, не больше. Я, пожалуй, буду пить за васъ.

КАССИО. Я уже выпилъ бокалъ сегодня, и то съ водою, а видишь, какое дѣйствіе онъ произвелъ на меня! Нѣтъ, я знаю свою слабость, и не рѣшусь испытать ее еще разъ.

ЯГО. Да вѣдь, сегодня ночь ликованій. Наши молодцы просятъ...

КАССИО. Гдѣ же они?

ЯГО. Здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ. Пожалуйста, позовите ихъ сюда.

КАССИО. Хорошо; но это не по сердцу мнѣ.

(Уходитъ.)

ЯГО.

Пусть только мнѣ удастся хоть одинъ
Еще бокаль къ тому подбавить кубку,
Который онъ ужъ выпилъ — и навѣрно,
Задорнѣе и злѣе станетъ онъ,
Чѣмъ песь моей синьоры молодой.
А мой дуракъ, Родриго, въ комъ любовь
Ужъ безъ того разсудокъ омрачила,
Нарѣзаться, какъ слѣдуетъ, успѣлъ
Въ честь Дездемоны. Напоилъ я также
Цвѣтъ этого воинственнаго Кипра —
Трехъ молодцовъ-туземцевъ, въ караулъ
Стоящихъ здѣсь, людей ужасно пылихъ
И честь свою хранящихъ горячо.
Теперь одно осталось: сдѣлать такъ,
Чтобъ Кассіо среди всѣхъ этихъ пьяницъ
Какой-нибудь поступокъ совершилъ,
Для острова обидный. Вотъ они!
О, если хоть немного оправдаютъ
Послѣдствія всѣ замыслы мои,
То мой корабль, послушный парусамъ,
Помчитъ меня свободно по волнамъ!

Входятъ Кассіо, Монтано и нѣсколько кипрскихъ офицеровъ.

КАССИО. Клянусь Небомъ, они уже напоили меня.

МОНТАНО. Ну, полно: всего-то маленькій кубокъ, это вѣрно, какъ-то, что
я солдатъ.

ЯГО. Эй, еще вина! *(Поетъ.)*

Пусть кубки стучать,
«Клинкъ! клинкъ!» говорятъ,
Пусть кубки стучать и звенять!
Солдаты — человѣкъ;
Жизнь длится не вѣкъ —
Такъ что же? пусть выпьетъ солдаты!
Эй, слуги! вина! *(Приносятъ вина.)*

КАССИО. Славная, чортъ возьми, пѣсня!

ЯГО. Я выучилъ ее въ Англіи. Вотъ гдѣ умѣютъ пить, какъ слѣдуетъ! Ваши
датчане, ваши нѣмцы, ваши толстобрюхіе голландцы — ничто предъ
англичанами.

КАССИО. Такъ ваши англичане такіе молодцы на питье?

ЯГО. Еще бы! Англичанинъ совсѣмъ не пьянъ, когда датчанинъ уже съ
ногъ свалится, когда нѣмецъ тоже лежитъ, какъ мертвый, а голландца рветъ.

МОНТАНО. И я пью за него, лейтенантъ... Не отстаю отъ васъ.

ЯГО. О, милая Англія! *(Поетъ.)*

Король Стефанъ вельможа славный былъ;
Штаны себѣ всего за крону сшилъ;
Но разсчиталъ, что далъ шесть пенсовъ лишку
И обругалъ портного, какъ воришку.
Онъ знатенъ былъ, высокоименить;
Въ тебѣ же кровь презрѣнная бѣжитъ.
Отъ роскоши страна падетъ вѣрнѣ —
Такъ надѣвай свой старый плащъ скорѣ!
Эй, еще вина!

КАССИО. Эта пѣсня еще лучше, чѣмъ та.

ЯГО. Хотите прослушать еще разъ?

КАССИО. Нѣтъ, потому что я считаю того, кто такъ поступаетъ, недостойнымъ своего мѣста. Но Богъ выше всѣхъ: есть души, которыя не должны быть спасены.

ЯГО. Это совершенно справедливо, добрый лейтенантъ.

КАССИО. Что касается меня, то — не будь сказано въ обиду генералу или другому какому-нибудь знакомому человѣку — я надѣюсь что моя душа будетъ спасена.

ЯГО. Я то же самое думаю о себѣ лейтенантъ.

КАССИО. Да, но, съ вашего позволенія, вы спасетесь не прежде меня. Лейтенантъ долженъ войти въ царствіе небесное прежде поручика. Однако... пора намъ приняться за дѣло! Господи, прости намъ прегрѣшенія наши! Синьоры, за дѣло! Вы не думайте, синьоры, что я пьянъ. Вотъ это мой поручикъ — моя правая рука, а это — моя лѣвая рука. Я не пьянъ. Я стою на ногахъ твердо и говорю твердо.

ВСѢ. Да, отлично!

КАССИО. Совсѣмъ отлично. Стало быть вы не должны думать, что я пьянъ... *(Уходитъ.)*

МОНТАНО.

На платформу, синьоры! Идемъ разставить часовыхъ.

ЯГО.

Вы видѣли, какимъ отсюда вышелъ
Нашъ лейтенантъ? Какъ воинъ, онъ бы могъ
Сравняться съ Цезаремъ; онъ полководцемъ
Могъ славнымъ быть, когда бъ не эта слабость.
Достоинствамъ его она равна,
Какъ ночь и день во время равноденствій,

И велика, какъ и они велики.
Жаль мнѣ его! Боюсь я, чтобы онъ
Когда-нибудь въ такую же минуту
Не обратилъ довѣрія Отелло
Къ его лицу въ несчастіе для Кипра!

МОНТАНО.

Да развѣ съ нимъ бываетъ это часто?

ЯГО.

Таковъ всегда прологъ его ко сну.
Когда жъ питье его не укачаетъ —
Не будетъ спать, пожалуй, сутки онъ.

МОНТАНО.

Такъ нужно бы об этомъ генерала
Увѣдомить; онъ, можетъ-быть, не знаетъ
Иль, можетъ-быть, по добротѣ своей,
Хорошее лишь видитъ въ лейтенантѣ,
Дурного же не хочетъ видѣть. Да?

Входитъ Родриго.

ЯГО (*тихо ему*).

Родриго, ты? Зачѣмъ? Ступай скорѣе
За Кассіо. Бѣги же! (*Родриго уходитъ*).

МОНТАНО.

Очень жаль,
Что благородный мавръ такое мѣсто
Важнѣйшее, какъ мѣсто лейтенанта,
Отдалъ лицу съ такимъ большимъ порокомъ -
И чести долгъ — объ этомъ довести
До свѣдѣнья Отелло.

ЯГО.

Да; но только
Не я возьмусь за это, хоть давай
Мнѣ цѣлый Кипръ. Я Кассіо душевно
Люблю, и все я сдѣлать бы готовъ,
Чтобъ излѣчить его отъ этой страсти.
Но, слышите, что тамъ за шумъ и крикъ?
(*За сценой крики: «помогите! помогите!».*)

Бѣгаетъ Родриго, преслѣдуемый Кассіо.

КАССІО.

Мошенникъ! плутъ!

МОНТАНО.

Что, лейтенантъ, случилось?

КАССИО.

Подлецъ! меня обязанностямъ службы
Учить! Да я въ дорожную бутылку
Тебя вобью!

РОДРИГО.

Бить, бить меня!

КАССИО.

Бездѣльникъ,
Ты разсуждать еще задумалъ! (*Бьетъ его*).

МОНТАНО.

Полно!
Любезный лейтенантъ, сдержите руки,
Пожалуйста.

КАССИО.

Оставьте вы меня,
Иль я и вамъ сверну сейчасъ же челюсть.

МОНТАНО.

Вы - пьяны.

279

КАССИО.

Пьянъ! (*Они обнажаютъ мечи и дерутся.*)

ЯГО (*тихо Родриго*).

Не медли ни минуты,
Бѣги скорѣй, кричи, зови на помощь!

(*Родриго уходитъ.*)

Ахъ, лейтенантъ, синьоръ, остановитесь!
На помощь! Эй! Монтано! Лейтенантъ!
Синьоры, помогите! Ну, ужъ стража!

(*Звонятъ.*)

Кто тамъ звонить? Да полно драться, черти!
Подымется весь городъ. Лейтенантъ,
Опомнитесь! Не навлекайте срама

На голову свою. Ну, перестаньте!

Входят ОТЕЛЛО и свита.

ОТЕЛЛО.

Что здѣсь за шумъ?

МОНТАНО.

Я истекаю кровью,
Я раненъ на смерть — пусть и онъ умретъ!

ОТЕЛЛО.

Стой, если жизнь вамъ дорога обоимъ!

ЯГО.

Постойте же! Монтано! Лейтенантъ!
Иль вы совсѣмъ забыли долгъ и мѣсто?
Одумайтесь — предъ вами генераль!
Довольно же! Хоть постыдитесь! Полно!

ОТЕЛЛО.

Въ умѣ ли вы? Что значить эта ссора?
Изъ-за чего она? Мы турки, что ли,
Что дѣлаемъ то надъ собой, чего
Богъ не велитъ и оттоманамъ дѣлать?
Довольно же! Для чести христіанства
Окончите сейчасъ вашъ дикій бой!
Кто жъ бѣшенства не укротитъ сейчасъ же,
Тотъ жизнь не дорожитъ: клянусь,
Онъ встрѣтитъ смерть при первомъ же движеніи.
Остановить скорѣе страшный звонъ;
Онъ островъ весь встревожитъ. Что жъ, синьоры,
Случилось здѣсь? Мой честный Яго, ты
Весь поблѣднѣлъ, какъ мертвый. Говори же,
Кто началъ? Жду отвѣта отъ тебя.

ЯГО.

Не знаю. Здѣсь, за нѣсколько минутъ,
Мы всѣ еще друзьями были, мирно
Болтали всѣ, какъ пара новобрачныхъ
Бесѣдуютъ, собираясь спать; но вдругъ,
Какъ будто бы лишила ихъ разсудка
Какая-то планета, обнажили
Они мечи, и схватка началась
Кровавая. Причину жаркой ссоры
Я не могу никакъ вамъ объяснить.
Ахъ, отчего въ какомъ-нибудь блестящемъ
Сраженіи я не лишился ногъ,

Меня сюда принесшихъ, чтобы сдѣлать
Свидѣтелемъ того, что было здѣсь!

ОТЕЛЛО.

Какъ, Микаэль, вы такъ могли забыться?

КАССИО.

Ахъ, генераль, простите! Не могу
Я говорить...

ОТЕЛЛО.

Монтано благородный,
Приличіемъ вы славились всегда;
Смирение и строгость вашей жизни
Замѣтилъ свѣтъ, и самый строгій судъ
Всегда держалъ въ почтеніи ваше имя.
Что жъ васъ могло заставить пренебречь
Общественнымъ вниманіемъ и славу
Почтенную вдругъ промѣнять на имя
Разбойника ночного? Отвѣчайте!

МОНТАНО.

Отелло доблестный, я сильно раненъ
И говорить едва могу; но Яго,
Поручикъ вашъ, вамъ можетъ рассказать
Все то, что мнѣ извѣстно, а извѣстно
Мнѣ лишь одно, что если охранять
Самихъ себя не значитъ быть преступнымъ
И защищать себя отъ нападеній
Насильственныхъ не значитъ согрѣшать,
То ничего сегодня ночью я
Не совершилъ и не сказалъ дурного.

ОТЕЛЛО.

Свидѣтель Богъ, я чувствую, что кровь
Ужъ начала осиливать мой разумъ.
Я чувствую, что страсть ужъ омрачаетъ
Разсудокъ мой и хочетъ править мной.
Пусть двинусь я, пусть подыму я руку —
И упадетъ подъ яростью моей
Отличнѣйшій изъ васъ. Такъ объясните,
Какъ начался здѣсь этотъ гнусный споръ
И кто его зачинщикъ? А узнавъ
Виновнаго, разстанусь съ нимъ навѣки,
Хоть будь со мной рожденіемъ связанъ онъ.
Какъ, въ городѣ военномъ, гдѣ боязнью
Полны сердца всѣхъ жителей, начать

Домашнюю, позорнѣйшую ссору,
И въ часъ ночной притомъ, и въ караулѣ!
Чудовищно! Ну, Яго, кто зачинщикъ?

МОНТАНО.

Смотри, коль ты по дружбѣ иль изъ страха
Служебнаго хоть что-нибудь прибавишь
Иль уменьшишь — ты не солдатъ.

ЯГО.

Зачѣмъ
Меня задѣтъ ты хочешь за живое?
Скорѣй бы я рѣшился, чтобъ языкъ
Мой вырвали изъ горла, чѣмъ дурное
Хоть что-нибудь о Кассіо сказать;

280

Но знаю я, что мой рассказъ правдивый
Не повредитъ ему. Вотъ, генераль,
Какъ было все. Съ Монтано здѣсь сидѣлъ я,
Бесѣдуя; вдругъ видимъ — человѣкъ
Вбѣгаетъ къ намъ и вопить: «помогите!»
А Кассіо бѣжитъ за нимъ и, мечъ
Свой обнаживъ, грозитъ ему. Монтано
Бросается на Кассіо и молить
Сдержатъ порывъ; а я сейчасъ въ погоню
За крикуномъ, боясь — что такъ и вышло —
Чтобъ крикъ его не потревожилъ городъ:
Но онъ легокъ былъ на ногу - и я
Догнать не могъ и поспѣшилъ вернуться,
Тѣмъ болѣе, что слышалъ звукъ мечей
И страшныя проклятія такія,
Какихъ еще у Кассіо въ устахъ
До этихъ поръ я не слыхалъ. Вернувшись,
Я ихъ засталъ уже въ свирѣпой схваткѣ,
Точь-въ-точь какъ вы застали сами ихъ.
Вотъ все, что я сказать могу. Но люди
Всегда одни и тѣ же. Самый лучшій
Забывъ въ состояннѣ. Можетъ быть,
И оскорбленъ Монтано лейтенантомъ:
Вѣдь, въ бѣшенствѣ и съ лучшими друзьями
Мы ссоримся; но убѣжденъ я въ томъ,
Что Кассіо бѣжавшимъ человѣкомъ
Былъ оскорбленъ такъ сильно, что не могъ

Не потерять терпѣнья.

ОТЕЛЛО.

Знаю, Яго,
Что, добротой и дружбой увлеченный,
Ты Кассіо вину смягчить желаешь.
(Къ Кассіо.) Я, Кассіо, люблю тебя, но ты
Отъ этихъ поръ не лейтенантъ мой больше.

Входитъ Дездемона со свитою.

ОТЕЛЛО.

Смотрите вы и милую мою
Встревожили. (Къ Кассіо.) Да, на тебѣ явлю я
Примѣръ другимъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Что здѣсь случилось, милый?

ОТЕЛЛО.

Такъ, ничего; теперь уже все дѣло
Улажено. Пойдемъ домой, мой другъ.
Что вашихъ ранъ касается, Монтано,
Такъ я у васъ хирургомъ буду самъ.
Пусть отведутъ его домой; ты жъ, Яго,
Заботливо весь городъ обойди
И успокой всѣхъ тѣхъ, кто гнусной схваткой
Встревоженъ былъ. Идемъ же, Дездемона.
Ужъ такова жизнь воина: вставать
Отъ сладкихъ сновъ для распрей и раздоровъ.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Яго и Кассіо.)

ЯГО. Что? вы ранены, лейтенантъ?

КАССІО. Да, и никакой хирургъ не поможетъ мнѣ.

ЯГО. Что вы? Боже сохрани!

КАССІО. Доброе имя, доброе имя, доброе имя!.. О, я потерялъ мое доброе имя! потерялъ безсмертную часть самого себя, а осталась только животная! Мое доброе имя, Яго, мое доброе имя!..

ЯГО. А я, честное слово, думалъ, что вы получили какую-нибудь тѣлесную рану: отъ нея больше вреда, чѣмъ отъ потери добраго имени. Доброе имя — пустое и совершенно живое достояніе; оно часто и добывается даромъ, и теряется безъ особенной причины. Вы совсѣмъ не потеряли добраго имени, если сами не увѣрите себя, что потеряли. Полно горевать! есть еще много средствъ возвратить милость генерала. Вѣдь, онъ отставилъ васъ въ минуту гнѣва и больше по правиламъ дисциплины, чѣмъ по злобѣ, точно такъ, какъ иногда бьютъ невинную собаку, чтобы устрасить грознаго льва. Попросите его — онъ опять вашъ.

КАССИО. Я скорѣе попрошу, чтобы онъ презиралъ меня, чѣмъ обману такого отличнаго начальника такимъ легкомысленнымъ, пьянымъ и безстыднымъ офицеромъ! Напиться и заболтать, какъ попутай, и затѣять ссору, бушевать, ругаться и высокопарно разговаривать со своею собственною тѣнью... О, ты, невидимый духъ вина! если у тебя нѣтъ еще никакого имени, позволь намъ называть тебя дьяволомъ!

ЯГО. За кѣмъ это вы гнались съ мечомъ? Что онъ сдѣлалъ вамъ?

КАССИО. Не знаю.

ЯГО. Можетъ ли быть?

КАССИО. Я помню многое, но ничего не помню ясно; знаю, что была ссора, но не знаю ея причины. О, Господи! зачѣмъ люди могутъ принимать въ свои души врага, убивающаго ихъ разсудокъ? Зачѣмъ намъ дана способность весельемъ, пирами, наслажденіями обращать себя въ животныхъ?

ЯГО. Положимъ, что это такъ; но вы теперь совершенно пришли въ себя; какъ могло это случиться такъ скоро?

КАССИО. Демону опьяненія было угодно уступить мѣсто демону ярости; одинъ порокъ повлекъ за собою другой, чтобы дать мнѣ возможность вполнѣ презирать себя.

ЯГО. Ну, ужъ вы слишкомъ строгій моралистъ! Принимая въ соображеніе время, мѣсто и положеніе, въ которомъ находится этотъ островъ, я душевно желалъ бы, чтобы всего этого не случилось; но такъ какъ что сдѣлано — то сдѣлано, надо уладить все въ вашу пользу.

КАССИО. Положимъ, что я попрошу его

281

возвратить мнѣ должность: онъ отвѣтитъ мнѣ, что я пьяница. Будь у меня столько ртовъ, сколько у гидры, такой отвѣтъ зажалъ бы всѣ эти рты. Быть порядочнымъ человѣкомъ и потомъ сдѣлаться безумнымъ, а, наконецъ, и животнымъ!... О, страшно! Каждый лишній кубокъ проклять, а то, что заключается въ немъ — дьяволъ!

ЯГО. Полно, полно! Хорошее вино — славное, милое созданіе, если только съ нимъ обходиться, какъ слѣдуетъ. Перестаньте бранить его. Я думаю, добрый лейтенантъ, что вы увѣрены въ любви моей къ вамъ.

КАССИО. Въ этомъ я совершенно убѣдился. Я напился пьянъ!

ЯГО. Вы и всякій другой можетъ подчасъ напиться. Я научу васъ, что дѣлать. Въ настоящее время у насъ генеральша — генераль. Говорю это потому, что Отелло совершенно посвятилъ себя созерцанію, разсматриванію и обожанію ея красоты и прелестей. Сознайтесь ей откровенно во всемъ и надоѣдайте ей просьбами, чтобы она помогла вамъ снова получить вашу должность... Она такая откровенная, добрая, милая женщина, что считаетъ порокомъ не сдѣлать еще больше того, о чемъ ее просятъ. Умоляйте ее спаять это расторгнутое звено между вами и ея мужемъ — и я закладываю все мое состояніе противъ самой пустой вещи, что этотъ разрывъ сдѣлаетъ вашу дружбу еще сильнѣе прежняго.

КАССИО. Твой совѣтъ хорошъ.

ЯГО. Ручаюсь искренностью моей любви и желанія вамъ добра.

КАССИО. Вѣрю отъ души и завтра утромъ буду умолять добродѣтельную Дездемону похлопотать обо мнѣ. Я совершенно отчаюся въ моемъ счастьи, если оно и тутъ обманетъ меня.

ЯГО. Конечно, такъ. Доброй ночи, лейтенантъ. Я долженъ итти въ карауль.

КАССИО. Доброй ночи, честный Яго.

(Уходитъ.)

ЯГО.

Ну, кто бы могъ сказать, что поступаю
Безчестно я? Совѣтъ мой такъ хорошъ,
Такъ искренень: онъ — самый вѣрный путь,
Чтобъ вновь снискать расположение мавра.
Вѣдь, ничего нѣтъ легче, какъ склонить
Для добраго поступка Дездемону,
Которую природа создала,
Какъ вольныя стихіи, благотворной;
А ей легко склонить его на все:
Онъ для нея готовъ отречься даже
Отъ своего крещенья, отъ печатей
И символовъ спасенья. Сердце мавра
Такъ плѣнено любовью къ ней одной,
Что каждый разъ, какъ ей придетъ желанье
Повластвовать надъ слабостью его,
Она сейчасъ устроить все, разстроить
И сдѣлаетъ все, что угодно ей.
Такъ можно ли сказать, что я мошенникъ,
Коль Кассіо я указую путь
Такой прямой, къ его добру ведущій?
О, духи тьмы, когда чернѣйшій грѣхъ
Изъ всѣхъ грѣховъ вы совершить хотите,
То кроете его сперва, какъ я,
Подъ свѣтлою, небесною личиной!
Да, между тѣмъ какъ этотъ честный дурень
Умолить Дездемону пособить
Его бѣдѣ и станетъ неотступно
Она просить у мавра за него —
Я отравлю Отелло слухъ намекомъ,
Что дѣйствуетъ въ ней просто страсть плотская;
И чѣмъ она просить сильнѣе будетъ
За Кассіо, тѣмъ больше уменьшаться
Довѣріе Отелло будетъ къ ней.
Такъ, дѣйствуя, въ древесную смолу
Я превращу ея всю добродѣтель,

Изъ доброты жъ ея сплету я сѣть
И ею всѣхъ покрою.

Входитъ Родриго.

Яго.

Что, Родриго?

Родриго. То, что въ этой охотѣ я участвую не какъ охотящаяся собака, но только какъ лающая. Мои деньги почти всѣ издержаны, сегодня ночью меня порядочно поколотили, а кончится все это, кажется, тѣмъ что я только пріобрѣту за всѣ мои непріятности немного опытности, и рѣшительно безъ денегъ, съ небольшимъ запасомъ разсудка вернусь въ Венецію.

Яго.

Какъ жалки тѣ, въ которыхъ нѣтъ терпѣнья!
Гдѣ рана та, которую бы вдругъ
Мы залѣчить могли? Ты знаешь самъ,
Мы дѣйствуемъ не колдовствомъ, а только
Однимъ умомъ; а умъ нашъ подчиненъ
И времени задержкамъ. Развѣ дурно
Идутъ дѣла? Вѣдь, Кассіо тебя
Ударилъ — ну, а ты бездѣлкой этой
Успѣлъ его отъ мѣста удалить.
Хоть есть плоды, которые безъ солнца
Растутъ, но тѣ, что прежде зацвѣтутъ —
И прежде созрѣваютъ. Жди спокойно.
Однако, вотъ и утро настаетъ.
Средь этихъ дѣлъ и этихъ удовольствій
Не видишь, какъ проносятся часы.
Ступай домой: потомъ узнаешь больше.
Иди, прощай. *(Родриго уходитъ.)*

282

Теперь два дѣла сдѣлать
Мнѣ предстоитъ: подбить мою жену,
Чтобы она за Кассіо просила
У госпожи своей, а самому
Куда-нибудь, межъ тѣмъ, уйти съ Отелло
И послѣ съ нимъ вернуться такъ, чтобъ онъ
Могъ Кассіо застать съ своей женою.
Да, это путь вернѣйшій — и за дѣло,
Не мѣшая, я принимаюсь смѣло. *(Уходитъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Передъ замкомъ.

Входятъ Кассіо и нѣсколько музыкантовъ.

КАССІО.

Играйте здѣсь. За трудъ васъ награжу я.
Да что-нибудь недлинное, а тамъ
«Ура» провозгласите генералу. *(Музыка.)*

Входитъ Шутъ.

Шутъ. Что это, господа, не были ли ваши инструменты въ Неаполѣ? Что-то они ужъ сильно говорятъ въ носъ...

1-ый Музыкантъ. Это какъ?

Шутъ. Да, вѣдь, ваши инструменты называются духовыми?

1-ый Музыкантъ. Ну да, духовыми.

Шутъ. Стало-быть, они тѣ, которые висятъ подъ хвостомъ?

1-ый Музыкантъ. Какъ подъ хвостомъ?

Шутъ. Да такъ, какъ многіе изъ извѣстныхъ мнѣ духовыхъ инструментовъ. Однако, вотъ вамъ деньги. Генералу такъ нравится ваша музыка, что онъ проситъ васъ ради Бога перестать играть.

1-ый Музыкантъ. Извольте, мы перестанемъ.

Шутъ. Если у васъ есть такая музыка, которую можно не слышать — начинайте снова, а слышную музыку генералъ не слишкомъ любить.

1-ый Музыкантъ. Нѣтъ, такой музыки у насъ нѣтъ.

Шутъ. Ну, такъ укладывайте дудки въ сумки и убирайтесь! Ну, разсыпьте въ воздухъ! Проваливайте!

(Музыканты уходятъ..)

КАССІО. Послушай, мой любезный другъ...

Шутъ. Нѣтъ, вашъ любезный другъ не послушаетъ, а я послушаю.

КАССІО. Пожалуйста, брось твои глупости. Вотъ тебѣ золотая монета. Если женщина, прислуживающая женѣ генерала встала, скажи ей, что нѣкто Кассіо проситъ ее удѣлить ему нѣсколько минутъ для разговора. Сдѣлаешь это?

Шутъ. Она встала, синьоръ, и если захочетъ встать здѣсь, то я ей посоветую сдѣлать это.

КАССІО. Пожалуйста, мой добрый другъ.

(Шутъ уходитъ.)

Входитъ Яго.

КАССІО.

А, Яго!

Какъ во-время!

Яго.

Такъ ты и не ложился
До этихъ поръ?

Кассіо.

Нѣтъ; мы разстались съ ней
Уже засвѣтло. Я былъ такъ дерзокъ, Яго,
Что за твоей женой послалъ теперь:
Хочу просить - доставить доступъ мнѣ
Къ достойной Дездемонѣ.

Яго.

Я сейчасъ же
Пришлю ее сюда, а самъ о средствѣ
Подумаю, какъ мавра удалить,
Чтобъ дѣло вы могли вести свободнѣй.

Кассіо.

Чувствительно благодарю тебя!

(Яго уходитъ.)

Я не встрѣчалъ еще изъ флорентинцевъ
Ни одного добрѣе и честнѣй.

Входитъ Эмилиа.

Эмилиа.

День добрый вамъ, любезный лейтенантъ.
Мнѣ очень жаль, что съ вами приключилась
Такая непріятность. Впрочемъ, все
Уладится и, вѣрно, очень скоро.
Я слышала, какъ генералъ объ этомъ
Съ своей женой бесѣдовалъ; она
За васъ съ большой горячностью просила;
Мавръ возражалъ, что тотъ, кто вами раненъ —
Съ огромными связями человѣкъ,
Что здѣсь его глубоко уважаютъ;
Что, наконецъ, само благоразумье
Васъ удалить ему повелѣваетъ.
Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Отелло увѣрялъ,
Что любить васъ и безъ ходатайствъ всякихъ,
По одному расположенью къ вамъ,
Ухватится за первый добрый случай,
Чтобы опять къ себѣ приблизить васъ.

КАССИО.

Пусть такъ; но я васъ все же умоляю:
Доставьте мнѣ — коли возможность есть
И если вы сочтете то приличнымъ —
Доставьте мнѣ возможность съ Дездемоной
Поговорить хоть нѣсколько минутъ.

ЭМИЛИЯ.

Пожалуйте за мною: я устрою
Все такъ, что вы успѣете сказать
Свободно все, что есть у васъ на сердцѣ.

КАССИО.

Чувствительно за то обязанъ вамъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

ОТЕЛЛО, ЯГО и ОФИЦЕРЫ.

ОФИЦЕРЫ (къ Яго).

Вотъ письма: ихъ отдай ты капитану
И попроси его мое почтенье
Глубокое Сенату передать.
Я между тѣмъ пойду на укрѣпленья,
Гдѣ можешь ты найти меня.

ЯГО.

Иду,
Мой добрый генералъ.

(Уходитъ.)

ОТЕЛЛО.

А вы, синьоры,
Отправитесь на эти укрѣпленья?

ОФИЦЕРЪ.

Мы слѣдуемъ за вами, генералъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Передъ замкомъ.

Входятъ: Дездемона, Кассіо и Эмилиа.

ДЕЗДЕМОНА.

Да, Кассіо мой добрый, вѣрьте мнѣ,
Всѣ силы я употреблю, чтобъ только
Васъ выручить.

ЭМИЛИА.

Ахъ, добрая синьора,
Пожалуйста! Вѣдь, мужъ мой тоже этимъ
Такъ огорченъ, какъ собственнымъ несчастьемъ.

ДЕЗДЕМОНА.

О, онъ такой отличный человѣкъ!
Да, Кассіо, не сомнѣвайтесь: съ мужемъ
Я помирю васъ снова.

КАССІО.

О, синьора!
Что бъ ни было со мною, я всегда
Остануся слугою вѣрнымъ вашимъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Благодарю. Вы любите Отелло,
Вы съ нимъ давно знакомы. Вѣрьте жъ мнѣ,
Что будетъ васъ держать онъ въ отдаленіи
Не долѣе, какъ требуетъ того
Политика.

КАССІО.

Я вѣрю вамъ, синьора;
Но можетъ, вѣдь, случиться такъ, что эта
Политика протянется такъ долго,
Или себя поддерживать начнетъ
Такимъ пустымъ и водянистымъ кормомъ,
Иль, наконецъ, такъ сильно разростется,
Что генералъ въ отсутствіе мое
Любовь мою и службу позабудетъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, это не случится — вѣрьте мнѣ!
Въ присутствіи Эмилии ручаюсь,
Что мѣсто вы получите опять;
А если я даю ужъ слово дружбы,
Такъ и держу его до крайней буквы.

Не отойду отъ мужа я теперь,
Я спать ему не дамъ, и изъ терпѣнья
Я выведу его, прося за васъ;
Его постель сумѣю сдѣлать школой,
Трапезный столъ — скамьею исповѣдной.
За что бы онъ ни принялся — во все
Я впутаю, повѣрьте, вашу просьбу.
Такъ будьте же покойны, Микаэль:
Ходатай вашъ скорѣй лишится жизни,
Чѣмъ пренебречь рѣшится вашимъ дѣломъ.

Въ отдаленіи показываются ЯГО и ОТЕЛЛО.

ЭМИЛИЯ.

Синьора, вотъ супругъ вашъ.

КАССИО.

Поспѣшаю
Оставить васъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Зачѣмъ? Не уходите;
Послушайте, какъ стану я просить.

КАССИО.

Нѣтъ, не теперь, синьора: совершенно
Разстроенъ я, и самъ себѣ служить
Не въ силахъ я.

ДЕЗДЕМОНА.

Пожалуй, поступайте,
Какъ знаете.

(Кассіо уходитъ.)

ЯГО.

А! вотъ ужъ это мнѣ
Не нравится.

ОТЕЛЛО.

Что говоришь ты, Яго?

ЯГО.

Нѣтъ, ничего. Но если... я не знаю...

ОТЕЛЛО.

Не Кассіо ль тамъ только-что разстался
Съ моей женой?

ЯГО.

Кто? Кассіо? О, нѣтъ,
Нѣтъ, генераль, я не могу повѣрить,
Чтобъ это онъ, увидѣвъ васъ, бѣжалъ,
Какъ-будто бы какой преступникъ.

ОТЕЛЛО.

Что-то
Мнѣ кажется, что не ошибся я.

ДЕЗДЕМОНА.

Ну что, мой другъ? А я здѣсь толковала
Съ просителемъ: онъ человѣкъ убитый
Немилостью твоею.

ОТЕЛЛО.

Кто же это?

ДЕЗДЕМОНА.

Да лейтенантъ твой, Кассіо. Мой другъ,
Мой добрый другъ, когда меня ты любишь,
Когда тебя я тронуть чѣмъ могу —
Прости ему и примиришь сейчасъ же.
Ужъ если онъ тебѣ не преданъ сердцемъ
И если онъ проступка не свершилъ
Безъ умысла, а просто, не обдумавъ —
Такъ честное лицо я не умѣю
Распознавать. Прошу тебя, пошли
Вернуть его.

ОТЕЛЛО.

Такъ это онъ отсюда
Ушелъ сейчасъ?

ДЕЗДЕМОНА.

Да, милый, и въ такомъ
Онъ горе былъ, что часть своей печали
Мнѣ сообщилъ: я стражду вмѣстѣ съ нимъ.
Мой дорогой, верни его скорѣе.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, не теперь, мой ангелъ! послѣ, послѣ!

ДЕЗДЕМОНА.

Но скоро ли?

ОТЕЛЛО.

Какъ только можно скоро,
Чтобъ угодить тебѣ, мой милый другъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Сегодня къ ужину?

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, не сегодня.

ДЕЗДЕМОНА.

Такъ завтра за обѣдомъ?

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ; я завтра
И дома не обѣдаю: я въ крѣпость
Отозванъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Ну, такъ завтра ввечеру
Или во вторникъ утромъ, или въ полдень,
Иль вечеромъ, иль въ среду поутру?
Прошу тебя, назначь когда; но только
Томи его не болѣе трехъ дней.
Клянусь тебѣ, раскаянья онъ полонъ.
Да и притомъ, проступокъ весь его
Ничтоженъ такъ, что выговоръ секретный
Достаточенъ, хотъ, говорятъ, во время
Военное надъ лучшими друзьями
Показывать примѣры вы должны.
Ну что жъ, скажи, когда прійти онъ можетъ?
Скажи, мой другъ! Не знаю, право, я,
Когда бъ меня просилъ ты, въ чемъ могла бы
Я отказать тебѣ иль затрудниться!
Какъ! Рѣчь идетъ о Кассіо — о немъ,
Которому ты повѣрялъ всѣ тайны,
Когда еще ухаживалъ за мной —
О Кассіо, который каждый разъ,
Какъ о тебѣ я дурно отзывалась,
Вступался за тебя — и мнѣ такъ много
Теперь труда, чтобъ ты его простилъ.
О, вѣрьте мнѣ, я сдѣлала бы больше!

ОТЕЛЛО.

Ну, перестань! Пусть Кассіо придетъ,
Когда ему угодно. Я не въ силахъ
Тебѣ ни въ чемъ отказывать.

ДЕЗДЕМОНА.

Да это
Не милость мнѣ. Вѣдь, это все равно,
Какъ если бы тебя я попросила,
Чтобъ ты надѣлъ перчатки, или сѣлъ
Питательную пищу, иль теплѣ
Одѣлся бы, иль, словомъ, сдѣлалъ то,
Что самому тебѣ служило бъ въ пользу.
Нѣтъ, ежели я вздумаю когда
Любовь твою ко мнѣ извѣдать просьбой,
Такъ выберу я дѣло поважнѣе
И потруднѣй, чѣмъ это.

ОТЕЛЛО.

Я ни въ чемъ
Не откажу тебѣ. Ну, а теперь
И ты мою исполни просьбу: долженъ
Остаться я одинъ.

ДЕЗДЕМОНА.

А ты подумалъ,
Что откажу тебѣ я? Нѣтъ, прощай,
Прощай, мой повелитель.

ОТЕЛЛО.

До свиданья,
Мой добрый другъ; къ тебѣ приду я скоро.

ДЕЗДЕМОНА.

Эмилиа, пойдѣмъ. (*Къ Отелло.*) Повелѣвай,
Какъ вздумаешь — я все всегда исполню.

(*Уходитъ съ Эмилией.*)

ОТЕЛЛО.

Чудесное созданье! Да погибнетъ
Моя душа, когда любовь моя
Не вся въ тебѣ — и быть опять хаосу,
Когда тебя любить я перестану!

ЯГО.

Мой генераль!

ОТЕЛЛО.

Что, Яго?

ЯГО.

Я желалъ бы
Спросить у васъ: въ то время, какъ еще
Искали вы руки синьоры, зналъ ли
Про эту страсть вашъ Кассіо?

ОТЕЛЛО.

Да, зналъ
Отъ самаго начала до конца.
Но для чего ты это знать желаешь?

ЯГО.

Такъ, пустяки. Хотѣлось разрѣшить
Одно недоумѣнье.

ОТЕЛЛО.

А какое?

ЯГО.

Не думалъ я, что онъ знакомъ былъ съ ней.

ОТЕЛЛО.

О, да, давно; онъ даже между нами
Посредникомъ былъ прежде.

ЯГО.

Право?

ОТЕЛЛО.

Право?
Ну, да! Что жъ въ томъ такого видишь ты?
Иль Кассіо не честень?

ЯГО.

Честень?

ОТЕЛЛО.

Честень?

ЯГО.

Да, сколько мнѣ извѣстно.

ОТЕЛЛО.

Что жъ такое
Ты думаешь?

ЯГО.

Что думаю, синьоръ?

ОТЕЛЛО.

«Что думаю, синьоръ»! Клянуса Небомъ,
Онъ вторитъ мнѣ, какъ эхо; будто въ мысляхъ
Чудовище такое держать скрытымъ,
Которое и показать ужасно.
Ты что-то тамъ задумалъ, вижу я!
Я слышалъ какъ, недавно ты, увидѣвъ,
Что Кассіо отсюда уходилъ,
Проговорилъ: «не нравится мнѣ это!»
Что жъ тутъ тебѣ не нравится? Когда жъ
Я объявилъ тебѣ, что онъ все время
Посредникомъ въ любви моей служилъ —
Воскликнулъ ты въ недоумѣннѣ «право?»
И брови такъ ты сдвинулъ, будто въ мозгъ
Хотѣлъ замкнуть ужаснѣйшую мысль.
Но если ты дѣйствительно мнѣ преданъ,
То эту мысль откроешь.

ЯГО

Генералъ,
Вы знаете, какъ я люблю васъ.

ОТЕЛЛО.

Знаю
И потому-то, что вполнѣ увѣренъ
Въ твоей любви и честности, и въ томъ,
Что слова ты не выпустишь наружу,
Не взвѣсивши его - тревожусь я
Отвѣтами неясными твоими.
Подобные отвѣты у безчестныхъ
Мошенниковъ - обычная увертка;
За то въ устахъ у праведныхъ людей
Они — намекъ сокрытый, изъ души
Волнуемой стремящейся наружу.

ЯГО.

Что Кассіо касается, такъ я
Поклясться радъ, что онъ, должно-быть, честенъ.

ОТЕЛЛО.

Я также въ томъ увѣренъ.

ЯГО.

Людямъ надо бѣ
Всегда быть тѣмъ, чѣмъ кажутся они.
А тѣмъ, чѣмъ быть не могутъ — не казаться.

ОТЕЛЛО.

Да, я съ тобой согласенъ: надо бѣ людямъ
Всегда быть тѣмъ, чѣмъ кажутся они.

ЯГО.

Вотъ почему сдается мнѣ, что честенъ
Вашъ лейтенантъ.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, что-то есть другое
Въ твоихъ словахъ. Прошу тебя, открой
Мнѣ мысль свою, какъ самому себѣ,
И будь она гнуснѣйшая — словами
Гнуснѣйшими ты передай ее.

ЯГО.

Ахъ, генералъ, простите. Хоть обязанъ
Я вамъ служить, повиноваться вамъ,
Но все же въ томъ, мнѣ кажется, я воленъ,
Въ чемъ и рабы свободны. Передать
Вамъ мысль мою? А если эти мысли
Обманчивы и гадки? Гдѣ чертогъ,
Куда бѣ залѣзть ни умудрилась мерзость;
И гдѣ та грудь, въ которой не сидѣли бѣ
Съ правдивыми сужденьями въ ряду
Нечистыя, кривыя подозрѣнья,
Расправу въ ней по-своему творя?

ОТЕЛЛО.

Ты въ заговоръ вступаешь противъ друга,

Когда его считаешь оскорбленнымъ
И мысль свою скрываешь отъ него.

ЯГО.

Ахъ, генералъ, быть-можетъ, ошибаюсь

Въ догадкахъ я; мой нравъ уже такой,
Что я во всемъ хочу найти дурное;
И много ужъ поступковъ небывалыхъ
Я создавалъ по страсти къ подозрѣннѣмъ.
Вотъ почему я умоляю васъ
Не обращать вниманья никакого
На слабыя сужденія мои
И перестать догадками такими
Неясными и шаткими смущаться.
Ни вашъ покой, ни благо вашей жизни,
Ни возрастъ мой, ни честность, ни разсудокъ —
Ничто, ничто не позволяетъ мнѣ
Вамъ мысль мою открыть.

ОТЕЛЛО.

Да что жъ такое
Ты думаешь?

ЯГО.

Мой добрый генералъ,
Для женщины и для мужчины имя
Ихъ доброе — сокровище души
Первѣйшее. Кто у меня похититъ
Мой кошелекъ — похититъ пустяки:
Онъ нынче мой, потомъ его, и былъ онъ
Уже рабомъ у тысячи людей.
Но имя доброе мое кто крадетъ,
Тотъ крадетъ вещь, которая не можетъ
Обогатить его, но разоряетъ
Меня въ конецъ.

ОТЕЛЛО.

Свидѣтель Богъ, хочу я
Знать мысль твою.

ЯГО.

Нѣтъ, если бъ даже вы
Въ своихъ рукахъ мое держали сердце,
И тутъ бы я молчалъ, какъ и теперь,
Когда оно въ моей груди хранится.

ОТЕЛЛО.

Ага! Вотъ какъ!

ЯГО.

О, генералъ, пусть Богъ
Васъ сохранить отъ ревности: она —

Чудовище съ зелеными глазами,
Съ насмѣшкой ядовитою надъ тѣмъ,
Что пищею ей служить. О, блаженны,
Блаженны тѣ рогатые мужья,
Которые, въ судьбѣ своей увѣрять,
Измѣнницу любить перестаютъ.
Но сколько мукъ проклятыхъ переносить
Тотъ, въ комъ любовь съ сомнѣньемъ неразлучна;
Кто ревностію мучится — и все жъ
Любовію безумною томится!

ОТЕЛЛО.

Ужасно!

ЯГО.

Тотъ, кто бѣденъ и доволенъ
Своей судьбой — по мнѣ, совсѣмъ богатъ;
А у кого несмѣтныя богатства
И вѣчный страхъ стать нищимъ, для того,
Какъ зимняя пора, они безплодны.
О, да хранить святое Небо души
Всѣхъ близкихъ мнѣ отъ ревности.

ОТЕЛЛО.

Постой!
Къ чему ведутъ, что значать эти рѣчи?
Не мнишь ли ты, что ревностію жить
Я захочу и каждый день встрѣчать,
Одно другимъ смѣняя подозрѣнье?
Нѣтъ, у меня сомнѣнье нераздѣльно
Съ рѣшимостью. Зови меня козломъ,
Когда займу я дѣятельность сердца
Ничтожными догадками такими,
Какія я въ твоихъ намекахъ встрѣтилъ.
Пусть говорятъ, что у меня жена
И хороша и любитъ наряжаться,
И выѣзжать, и бойко говорить,
И хорошо поетъ, играетъ, пляшетъ —
Ревнивымъ я отъ этого не стану.
Когда въ душѣ есть добродѣтель — всѣ
Наклонности такія непорочны;
И даже то, что у меня такъ мало
Заманчивыхъ достоинствъ, неспособно
Въ меня вселить малѣйшую боязнь,
Малѣйшее сомнѣнье: вѣдь, имѣла
Она глаза и выбрала меня.
Нѣтъ, Яго, нѣтъ, чтобъ усомниться, долженъ

Я увидеть; а усомнился — надо
Мнѣ доказать, а послѣ доказательства —
Вонъ изъ души и ревность, и любовь!

ЯГО.

Я очень радъ такому разсужденію,
И ужъ теперь открыто вамъ рѣшаюсь
Мою любовь и вѣрность показать.
Послушайте жъ, что я считаю долгомъ
Вамъ объявить, хотъ ясныхъ доказательства
Нѣтъ у меня: смотрите, генералъ,
За вашею женою хорошенько,
Внимательно слѣдите вы за нею
И Кассіо; глазъ не спускайте съ нихъ,
Ни ревностью себя не ослѣпляя,
Ни вѣрою въ ихъ честность — не хотѣлъ бы
Я ни за что, чтобъ добротой своей
Обманута была душа такая
Открытая и честная — за всѣмъ
Внимательно слѣдите. Мнѣ знакомы
Характеры венеціанскихъ женъ.
Лишь небесамъ рѣшаются онѣ
Тѣ открывать продѣлки, о которыхъ
Мужьямъ своимъ не смѣютъ разсказать;
И совѣсть ихъ не въ томъ, чтобъ воздержаться,
А въ томъ одномъ, чтобъ скрыть свои дѣла,

287

ОТЕЛЛО.

Ты думаешь?

ЯГО.

Вѣдь, обмануть умѣла
Она отца, когда пошла за васъ,
И между тѣмъ, какъ всѣмъ казалось, будто
Вашъ даже взглядъ такъ страшенъ для нея —
Она его такъ горячо любила.

ОТЕЛЛО.

Да, да, ты правъ.

ЯГО.

Вотъ видите! Итакъ,
Когда она ужъ въ молодости первой

Умѣла такъ искусно притворяться,
Что ослѣпить ей удалось отца,
И мысль свою такъ затворила плотно,
Что колдовству все приписалъ старикъ,
Такъ ужъ теперь... Но я зашелъ далеко.
Простите мнѣ — я умоляю васъ —
За то, что я люблю васъ слишкомъ сильно.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, ты меня навѣки обязалъ.

ЯГО

Мнѣ кажется, мой разговоръ встревожилъ
Васъ нѣсколько.

ОТЕЛЛО.

О, нѣтъ, ничуть, ничуть!

ЯГО.

А я боюсь за это — вѣрьте чести.
Но все-таки, надѣюсь, вы поймете,
Что преданность заставила меня
Такъ говорить. Нѣтъ, вижу я, вы точно
Взволнованы. О, умоляю васъ,
Не придавать словамъ моимъ значенье
И важности: вѣдь, это все догадки
Невѣрные!

ОТЕЛЛО.

Да я не придаю.

ЯГО.

А если вы такъ думать захотите,
Мои слова получатъ гнусный смыслъ,
Къ которому я и не думалъ мѣтить.
Вѣдь, Кассіо — достойнѣйшій мой другъ...
Ахъ, генералъ, я вижу, вы въ волнении!

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, пустяки. Я убѣжденъ въ одномъ:
Не можетъ быть безчестной Дездемона.

ЯГО.

И дай Господь жить долго - ей, чтобъ быть
Безгрѣшною, а вамъ — чтобъ въ это вѣрить.

ОТЕЛЛО.

А что, когда и самая природа,
Забывъ себя...

Яго.

Вотъ тутъ-то и вопросъ!
Вы знаете — осмѣлюсь говорить
Открыто вамъ — что, вѣдь, она отвергла
Исканія различныхъ жениховъ
Ея страны и цвѣта, и сословья;
Изъ этого, пожалуй, заключать
Иной бы сталъ о мысляхъ развращенныхъ,
Желаніяхъ постыднѣйшихъ ея
И прихотяхъ гнуснѣйшихъ. Но, простите,
Я словъ моихъ къ супругѣ вашей
Не отношу, хоть все-таки боюсь;
Чтобъ чувствъ ея не покорилъ разсудокъ
И чтобъ она, сравнивъ наружность вашу
Съ наружностью соотчичей своихъ,
Не вздумала раскаиваться послѣ.

Отелло.

Прощай, прощай! Удастся чтонибудь
Тебѣ еще замѣтить — объяви мнѣ.
Пускай жена твоя глядитъ за ней.
Ну, а теперь оставь меня.

Яго.

Прощайте. (*Идетъ.*)

Отелло.

И для чего женился я на ней?
Сомнѣнья нѣтъ, что честный Яго видитъ
И знаетъ больше — о! гораздо больше,
Чѣмъ говорить.

Яго (*возвращаясь*).

Молю васъ, генераль,
Такъ глубоко не вдумываться въ это
И времени все дѣло предоставить.
А Кассіо хотъ слѣдовало бъ вамъ
Вновь возвратить утраченную должность,
Которую онъ такъ отлично несъ,
Но погодить вамъ съ этимъ не мѣшало бъ;
А между тѣмъ могли бы вы узнать,
Каковъ онъ самъ и что онъ замышляетъ!
Замѣьте то: когда супруга ваша
О немъ просить васъ будетъ неотступно,

Запальчиво — тутъ что-нибудь да есть.
Покамѣстъ же я умоляю васъ
Считать меня ужъ слишкомъ боязливымъ,
Какимъ и самъ считаю я себя,
И не винить ни въ чемъ супругу вашу.

ОТЕЛЛО.

Не бойся: я могу владѣть собой.

ЯГО.

Имѣю честь откланяться вамъ снова.

(Уходитъ.)

ОТЕЛЛО.

Вотъ человѣкъ — честнѣйшій изъ людей!
И какъ умомъ глубокимъ онъ умѣетъ
Всѣхъ дѣлъ людскихъ причины постигать!..
О, если я найду, что ты, мой соколъ,
Сталъ дикъ — твои я путы разорву,
Хоть будь онъ изъ струнъ моихъ сердечныхъ —
И Богъ съ тобой: лети, куда захочешь!
Какъ знать? всему причиной то, быть-можетъ,
Что черенъ я, что сладко говорить,
Какъ щеголи-вельможи, не умѣю,

288

А можетъ быть, и то, что началъ я
Въ долину лѣтъ преклонныхъ опускаться.
Все можетъ быть! Ну, что же? Нѣтъ жены,
Обмануть я — и утѣшенемъ только
Презрѣнiе должно остаться мнѣ.
О, вотъ оно, вотъ гдѣ проклятье брака!
Онъ отдаетъ намъ этихъ женщинъ милыхъ,
Но ихъ страстей не подчиняетъ намъ.
Ахъ, я бѣ желалъ родиться лучше жабой
И въ сырости темницы пресмыкаться,
Чѣмъ изъ того, что я люблю, другому
Малѣйшую частицу отдавать!
Но такова ужъ кара душъ высокихъ:
Имъ не даны права простыхъ сердецъ,
И ихъ судьба, какъ смерть, не отвратима:
Едва на свѣтъ мы выйдемъ — и уже
Обречены рогатому недугу!..
Вотъ и она! О, если лжива ты,

Такъ надъ собой самимъ смѣется Небо!
Нѣтъ, не хочу я вѣрить этой мысли.

Входятъ Дездемона и Эмилия.

ДЕЗДЕМОНА.

Что жъ, милый мой Отелло, твой обѣдъ
И знатные островитяне-гости,
Которыхъ пригласилъ ты, ждутъ тебя!

ОТЕЛЛО.

Да, виновать.

ДЕЗДЕМОНА.

Твой голосъ слабъ; ты боленъ?

ОТЕЛЛО.

Да, тутъ болить. *(Показываетъ на лобъ.)*

ДЕЗДЕМОНА.

Конечно, оттого,
Что ты не спалъ. Но дай, перевяжу я
Твой лобъ платкомъ — и черезъ часъ все это
Пройдетъ.

ОТЕЛЛО.

Оставь: платокъ твой слишкомъ малъ.

(Срываетъ и роняетъ платокъ на полъ.)

Пройдетъ и такъ. Идемъ со мною вмѣстѣ.

ДЕЗДЕМОНА.

Какъ грустно мнѣ, что заболѣлъ ты вдругъ!

(Уходитъ съ Отелло.)

ЭМИЛИЯ.

Ну, наконецъ, платокъ въ моихъ рукахъ,
Ея платокъ — подарокъ первый мавра.
Мой мужъ, чудакъ, сто разъ меня просилъ
Украсть его; но съ нимъ не расстаётся
Она на мигъ — съ нимъ говорить, цѣлуется:
Онъ дорогъ ей съ тѣхъ поръ, какъ заклиналъ
Самъ мавръ ее беречь его до гроба.
Сниму теперь узоръ съ него и Яго
Его отдамъ. Что съ нимъ онъ станетъ дѣлать —
Богъ вѣсть, не я. Я только исполняю
Его капризъ.

Входитъ Яго.

Яго.

Ты здѣсь зачѣмъ одна?

Эмилія.

Ну, перестань браниться; я имѣю
Вещь для тебя.

Яго.

Вещь для меня? О, это
Такая вещь извѣстная!

Эмилія.

Про что
Ты говоришь?

Яго.

Про глупую жену.

Эмилія.

Ну, перестань! Ты вотъ скажи мнѣ лучше,
Что дашь ты мнѣ за этотъ вотъ платокъ?

Яго.

Какой платокъ?

Эмилія.

Какой платокъ? Тотъ самый,
Что подарилъ Отелло Дездемонѣ,
Платокъ, что ты не разъ уже украсть
Просилъ меня.

Яго.

И ты его ukrала?

Эмилія.

Нѣтъ, не совсѣмъ, но обронила здѣсь
Она его нечаянно, а я,
Случившись тутъ, подобрала. Гляди-ка!

Яго.

О, добрая! Ну, дай его сюда!

Эмилія.

Да что, скажи, ты съ нимъ намѣренъ дѣлать?
И для чего ты неотступно такъ
Желалъ его?

Яго.

Тебѣ какое дѣло?

(Вырываетъ платокъ.)

Эмилиа.

Когда тебѣ онъ не для цѣлей важныхъ
Необходимъ — отдай его ты мнѣ:
Она съ ума сойдетъ, моя бѣдняжка,
Какъ хватится и не найдетъ его.

Яго.

А ты скажи, что ничего не знаешь.
Онъ нуженъ мнѣ. Ну, а теперь ступай.

(Эмилиа уходитъ.)

Я оброну у Кассіо въ квартирѣ
Ея платокъ — и онъ его найдетъ;
А въ ревности и самая бездѣлка,
Хоть легкая, какъ воздухъ, такъ важна,
Какъ доводы священнаго писанья.
Изъ этого ужъ выйдетъ что-нибудь.
Мавръ безъ того моимъ напѣванъ ядомъ;
А для такихъ натуръ и подозрѣнье,

289

Нелѣпая догадка — тотъ же ядъ.
Сперва онъ слабъ, едва и вкусу слышенъ,
А чуть на кровь попалъ — какъ копи сѣры,
Онъ жжетъ ее. Я это прежде зналъ...
Вотъ онъ идетъ. Ни макъ, ни мандрагора,
Ни зелья всѣ, какія есть на свѣтѣ,
Не возвратятъ тебѣ тотъ мирный сонъ,
Которымъ ты вчера еще былъ счастливъ!

Входитъ Отелло.

Отелло.

Ага, меня обманывать! Меня!

Яго.

Ну, генераль, довольно ужъ объ этомъ.

Отелло.

Прочь! Ты меня ужасной пыткой предашь!

Клянусь, вполнѣ обманутымъ быть лучше,
Чѣмъ мало знать.

Яго.

Какъ это, генераль?

Отелло.

Что было мнѣ за дѣло до разврата
Моей жены, до хитростей ея?
Не видѣлъ ихъ, не думалъ я о нихъ:
Они меня не мучили. Спокойно
Я ночью спалъ, былъ веселъ и доволенъ,
И на устахъ ея до этихъ поръ
Не находилъ я Кассіо лобзаній.
Да, человѣкъ ограбленный не можетъ
Считать себя ограбленнымъ, пока
Онъ не узналъ про это.

Яго.

Генераль,
Васъ слушать мнѣ невыразимо больно.

Отелло.

О, пусть бы хоть все войско, пусть бы каждый
Солдатъ владѣлъ ея прекраснымъ тѣломъ:
Я бъ счастливъ былъ, не вѣдая о томъ;
Теперь же все прости, прости навѣки,
Прости покой, прости мое довольство!
Простите вы, пернатая войска
И гордые сраженія, въ которыхъ
Считается за доблесть честолюбье —
Все, все прости! Прости, мой ржущій конь
И звукъ трубы, и грохотъ барабана,
И флейты свистъ, и царственное знамя,
Всѣ почести, вся слава, все величье
И бурныя тревоги славныхъ войнъ!
Простите вы, смертельныя орудья,
Которыхъ гулъ несетъ по землѣ,
Какъ грозный громъ безсмертнаго Зевеса!
Все, все прости! Свершился путь Отелло!

Яго.

Возможно ли?

Отелло.

Мерзавецъ, ты обязанъ
Мнѣ доказать развратъ моей жены.

(Схватываетъ его за горло.)

Или, клянусь души моей спасеньемъ,
Что лучше бы тебѣ родиться псомъ,
Чѣмъ ярости, въ груди моей возставшей,
Давать отвѣтъ.

Яго.

Вотъ до чего дошло!

Отелло.

Дай случай мнѣ увидѣть самому,
Иль, наконецъ, такъ докажи мнѣ это,
Чтобъ не было ни петли, ни крючка,
Гдѣ бъ прицѣпить сомнѣнье можно было
Иначе — смерть!

Яго.

Мой добрый генераль!

Отелло.

О, если ты клеветещь на невинность
И клеветой терзаешь грудь мою,
То перестань молиться, отрекись
Отъ совѣсти, на страшныя злодѣйства
Ты новыя злодѣйства громозди,
Отъ дѣлъ твоихъ пусть зарыдаеть Небо,
И въ ужасѣ всколеблется земля!
Чтобъ осудить себя на муки ада,
Ты ничего ужъ не свершишь страшнѣй.

Яго.

О, смилуйтесь! Спаси меня, о Небо!
Опомнитесь! Вы человѣкъ иль нѣтъ?
Неужли въ васъ ни сердца нѣтъ, ни смысла?
Богъ съ вами! я вамъ больше не слуга.
Глупецъ-бѣднякъ, вотъ до чего ты дожилъ,
Что за порокъ твою считаютъ честность!
О, гнусный міръ! Смотри, смотри, о міръ,
Какъ вредно быть и честнымъ, и открытымъ!
Благодарю васъ за урокъ. Теперь
Ужъ ни къ кому не привяжусь я дружбой,
Когда она рождаетъ оскорбленья.

Отелло.

Нѣтъ, погоди! Ты, можетъ-быть, и честенъ.

Яго.

Желалъ бы я быть умнымъ: честность дура,
Она никакъ до цѣли не дойдетъ.

ОТЕЛЛО.

Клянуся всѣмъ, что только есть на свѣтѣ,
Мнѣ кажется - жена моя невинна,
И кажется, что не честна она;
Мнѣ кажется, что правъ ты совершенно,
И кажется, что ты несправедливъ.
Хоть въ чѣмъ-нибудь хочу я убѣдиться!
Какъ чистый ликъ Діаны, такъ и имя
Моей жены блистало чистотой;
Но, какъ мое лицо, оно теперь
Испачкано и чернотой покрыто.
О, если есть еще ножи, веревки,
Огонь и ядъ, удушливыя рѣки —
Не потерплю измѣны этой я.
О, дайте мнѣ скорѣе убѣдиться!

290

ЯГО.

Ахъ, вижу я, васъ пожираетъ ревность.
И каюсь я, что поселилъ ее.
Итакъ, вы въ томъ желали бъ убѣдиться?

ОТЕЛЛО.

Желалъ ли бы? я требую, хочу!

ЯГО.

И можете; но какъ? чего вамъ нужно?
Быть можетъ, вы желали бы на дѣлѣ
Ее застать?

ОТЕЛЛО.

Смерть и проклятье! О!

ЯГО.

Я думаю, что было бъ очень трудно
Заставить ихъ вамъ это показать:
Вѣдь, презирать ихъ нужно было бъ, если бъ
Хоть чьи-нибудь глаза могли увидѣть
На ложѣ ихъ. Такъ что же дѣлать мнѣ?
Что я скажу? гдѣ взять мнѣ доказательствъ?
На дѣлѣ ихъ застать вамъ невозможно;

Но если съ васъ довольно убѣжденій
И доводовъ, которые ведутъ
Въ дверь истины дорогою прямою,
Я дамъ вамъ ихъ.

ОТЕЛЛО.

О, дай мнѣ убѣдиться
Хоть чѣмъ-нибудь живымъ въ ея измѣнѣ!

ЯГО.

Признаться вамъ, мнѣ это непріятно.
Но такъ какъ я изъ честности безумной
И дружбы къ вамъ зашелъ такъ далеко,
То продолжать я стану. Какъ-то разъ,
Мы съ Кассіо лежали на постели,
Но, мучимый зубною болью страшной,
Никакъ не могъ до утра я уснуть.
Есть родъ людей, въ которыхъ слабость духа
Такъ велика, что и во снѣ они
Про тайныя дѣла свои болтаютъ.
Нашъ Кассіо одинъ изъ этихъ слабыхъ.
Вотъ, слышу я, онъ говоритъ сквозь сонъ:
«О, ангелъ Дездемона! скроемъ нашу
Любовь отъ всѣхъ и будемъ осторожны!»
Тутъ сильно онъ сжалъ руку мнѣ, воскликнувъ:
«О, чудное созданье!» и потомъ
Сталъ цѣловать меня такъ пылко, будто
Съ корнями онъ хотѣлъ лобзанья вырвать,
Что на губахъ моихъ росли; потомъ
Онъ горячо прильнулъ ко мнѣ всѣмъ тѣломъ
И цѣловалъ, и плакалъ, и кричалъ:
«Будь проклятъ рокъ, тебя отдавшій мавру!»

ОТЕЛЛО.

Чудовищно! Чудовищно!

ЯГО.

Но это,
Вѣдь только сонъ.

ОТЕЛЛО.

Да, сонъ, но обличаетъ
Онъ то собой, что было на яву
И страшное рождаетъ подозрѣнье.

ЯГО.

А сверхъ того, онъ можетъ подкрѣпить

И рядъ другихъ хорошихъ доказательствъ.

ОТЕЛЛО.

Я разорву ее на части!

ЯГО.

Нѣтъ,
Совѣтую вамъ быть благоразумнымъ.
Вѣдь, мы еще не видимъ ничего,
И, можетъ-быть, она и не преступна.
Скажите мнѣ, случилось ли вамъ видѣть
Когда-нибудь въ рукахъ ея платокъ,
Весь вышитый цвѣтами земляники?

ОТЕЛЛО.

Такой платокъ я подарилъ ей; это
Мой первый даръ.

ЯГО.

Я этого не зналъ;
Но видѣлъ я, что Кассіо сегодня
Лицо платкомъ тѣмъ самымъ утиралъ,
Что былъ у ней — за это я ручаюсь.

ОТЕЛЛО.

О, если тотъ...

ЯГО.

Да, тотъ или другой,
Но если ей принадлежитъ онъ — сильно
Противъ нея все это говорить.

ОТЕЛЛО.

О, отчего не сорокъ тысячъ жизней
У этого раба? Одной мнѣ мало,
Одна слаба для мщенья моего!
Теперь всему, всему я вѣрю! Яго,
Смотри сюда: съ себя я къ небесамъ
Безумную любовь мою сдуваю —
Она прошла! Местъ черная, вставай
Изъ адскихъ безднъ и выходи наружу!
Передавай, любовь, твою корону
И твой престолъ неукротимой злобѣ!
Вздымайся грудь подъ бременемъ отравы
Отъ языковъ змѣиныхъ!

ЯГО.

Успокойтесь,
Пожалуйста.

ОТЕЛЛО.

О, крови, Яго, крови!

ЯГО.

Терпѣніе: быть можетъ, вы еще
Одуматься успѣете.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, Яго!
Нѣтъ, никогда! Какъ волны ледяныя
Понтійскихъ водъ, въ теченіи неудержныхъ,
Не вѣдая обратнаго отлива,
Впередъ, впередъ несутся въ Пропонтиду
И въ Геллеспонтъ: такъ замыслы мои

291

Кровавые неистово помчатся,
И ужъ назадъ не взглянуть никогда,
И къ нѣжности смиренной не отхлынуть,
И будутъ все нестись неудержимо,
Пока не поглотятся дикимъ мщеньемъ.
Клянусь теперь, подъ этимъ чистымъ небомъ,

(становится на колѣни.)

Проникнутый всей святостію клятвы,
Отъ словъ моихъ не отрекусь.

ЯГО *(становясь на колѣни).*

Постойте.
Васъ, въ вышинѣ горящія свѣтила,
Васъ, вокругъ людей бродящія стихіи,
Въ свидѣтели того беру, что Яго
Радъ посвятить умъ, сердце, руки — все
На службу оскорбленному Отелло.
Пусть только онъ прикажетъ — и исполнить
Все я за долгъ священный мой сочту,
Какъ ни было бъ кроваво это дѣло.

ОТЕЛЛО.

Привѣтствую не звуками пустыми
Твою любовь, а радостнымъ принятьемъ,

И сей же часъ воспользуюсь я ею.
Черезъ три дня ты долженъ мнѣ сказать,
Что Кассіо не существуетъ больше.

Яго.

Мой другъ ужъ мертвъ: свершится ваша воля.
Но пусть она останется въ живыхъ.

ОТЕЛЛО.

Проклятье ей, блудницѣ, о, проклятье!
Идемъ со мной. Подумать долженъ я,
Гдѣ бѣ средства мнѣ найти, чтобъ поскорѣй
Погибъ отъ нихъ прекрасный этотъ демонъ.
Отнынѣ ты мой лейтенантъ.

Яго.

Навѣки вашъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Тамъ же.

Входятъ Дездемона, Эмилія и Шутъ.

ДЕЗДЕМОНА. Не знаешь ли, другъ мой, гдѣ живетъ лейтенантъ Кассіо?

ШУТЪ. Не знаю, гдѣ онъ квартируетъ. А выдумать вамъ какую-нибудь квартиру, сказать, что онъ живетъ тамъ или здѣсь — значитъ солгать на свою голову.

ДЕЗДЕМОНА. Не можешь ли ты какъ-нибудь освѣдомиться и разузнать?

ШУТЪ. Я разспрошу о немъ весь міръ, то-есть буду дѣлать вопросы и по нимъ давать отвѣты.

ДЕЗДЕМОНА. Найди его и попроси прійти сюда. Да скажи ему, что я просила моего мужа о его помилованіи и надѣюсь, что все уладится.

ШУТЪ. Сдѣлать это — въ силахъ человѣческихъ, и потому я попытаюсь исполнить.

(Уходитъ.)

ДЕЗДЕМОНА. Гдѣ бы я могла потерять этотъ платокъ, Эмилія?

ЭМИЛІЯ. Не знаю, синьора.

ДЕЗДЕМОНА.

Повѣришь ли, я бѣ лучше согласилась
Мой кошелекъ и деньги потерять!
Хотя во мнѣ увѣренъ благородный
Отелло мой и ревностію гнусной
Не страждетъ онъ, но на дурныя мысли
Его навестъ легко все это можетъ.

ЭМИЛІЯ.

Такъ не ревнивъ на самомъ дѣлѣ онъ?

ДЕЗДЕМОНА.

Кто? онъ? О, нѣтъ! Я думаю, что солнце
Его страны страсть эту выжгло въ немъ.

ЭМИЛІЯ.

Вотъ онъ идетъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Теперь я не отстану,
Пока опять онъ Кассіо къ себѣ
Не позоветъ.

Входитъ ОТЕЛЛО.

ДЕЗДЕМОНА.

Ну, какъ тебѣ, мой милый?

ОТЕЛЛО.

Теперь прошло. (*Тихо.*) О, мука притворяться!
(*Громко.*) А какъ твое здоровье, Дездемона?

ДЕЗДЕМОНА.

Мнѣ хорошо.

ОТЕЛЛО.

Дай руку мнѣ. Какъ влажна
Твоя рука!

ДЕЗДЕМОНА.

Она не испытала
Ни старости, ни горя.

ОТЕЛЛО.

Это признакъ
И щедрости души, и плодородья.
Какъ горяча! Да, горяча и влажна!
О, гдѣ рука такая — нужны тамъ
Стѣсненіе свободы, постъ, молитва
И плоти умерщвление, и обѣты,
Затѣмъ, что тутъ гнѣздится дьяволенокъ,
Котораго не трудно возмутить.
Да, славная рука — рука прямая!

ДЕЗДЕМОНА.

И въ правѣ ты такъ называть ее:

Она тебѣ мое вручила сердце.

ОТЕЛЛО.

Да, щедрая! Въ былое время сердце
Намъ руку отдавало, а теперь,

По нынѣшней геральдикѣ, дается
Одна рука — не сердце.

ДЕЗДЕМОНА.

Не умѣю
Поддерживать я этотъ разговоръ.
Ты лучше мнѣ скажи: что жъ обѣщанье?

ОТЕЛЛО.

Какое обѣщаніе, голубка?

ДЕЗДЕМОНА.

За Кассіо послала я, чтобъ онъ
Пришелъ сюда поговорить съ тобою.

ОТЕЛЛО.

Сегодня я схватилъ ужасный насморкъ:
Какъ надоѣлъ! Подай мнѣ твой платокъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Вотъ онъ.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, тотъ, что подарилъ тебѣ я.

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ не при мнѣ.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ?

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ.

ОТЕЛЛО.

Нехорошо!
Имъ мать мою цыганка подарила.
Она была колдунья и читала

Въ сердцахъ людей, и матери моей,
Даря платокъ, сказала, что покамѣстъ
Онъ будетъ съ ней — не перестать ей быть
Любимою и надъ отцомъ моимъ
Не потерять сердечной власти. Если жъ
Онъ пропадетъ иль будетъ подаренъ
Кому-нибудь, отецъ мой отвернется
Съ презрѣніемъ, и помыслы свои
Отдастъ другимъ. Платокъ тотъ, умирая,
Передала мнѣ мать моя, прося,
Чтобъ, если мнѣ судьба жену даруетъ,
Ей и платокъ отдать. Я такъ и сдѣлалъ.
Храни жъ его: какъ за зѣницей ока,
Смотри за нимъ. Отдашь кому-нибудь,
Утратишь ли — ты навлечешь погибель,
Съ которой не сравнится ничему.

ДЕЗДЕМОНА.

Возможно ли?

ОТЕЛЛО.

Да, вѣрь мнѣ, въ этой ткани
Есть колдовство. Платокъ тотъ вышитъ былъ
Въ пророческомъ неистовствѣ Сивиллой,
Успѣвшею увидѣть двѣсти разъ
Годичное вращенье солнца; черви
Священные шелкъ дали для него,
И этотъ шелкъ окрашенъ влагой, взятой
Изъ дѣвственныхъ сердецъ прекрасныхъ мумій.

ДЕЗДЕМОНА.

Не шутишь ты? и это вѣрно?

ОТЕЛЛО.

Вѣрно.
Такъ береги жъ старательно его.

ДЕЗДЕМОНА.

О, если ты не шутишь, такъ ужъ лучше бъ
Я никогда не видѣла его!

ОТЕЛЛО.

А! это какъ?

ДЕЗДЕМОНА.

Что значить твой суровый
И рѣзкій тонъ?

ОТЕЛЛО.

Потерянъ онъ? пропалъ?
Да говори: ужъ нѣтъ его?

ДЕЗДЕМОНА.

О, Боже!

ОТЕЛЛО.

Гдѣ? говори!

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ не потерянь, нѣтъ.
А если бы?..

ОТЕЛЛО.

Ага!

ДЕЗДЕМОНА.

Я повторяю:
Онъ не пропалъ.

ОТЕЛЛО.

Дай, покажи его!

ДЕЗДЕМОНА.

Да, показать могла бъ, но не хочу я.
Легко понять, что ты хитришь со мной.
Прошу: позволъ — пусть Кассіо придетъ
Сюда, мой другъ.

ОТЕЛЛО.

Подай платокъ. Мнѣ что-то
Недоброе сдается.

ДЕЗДЕМОНА.

Ну, оставь!..
Ты не найдешь на свѣтѣ человѣка
Прекраснѣе.

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Прошу тебя,
Поговоримъ о Кассіо.

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ челоуѣкъ, который постоянно
Основывалъ все счастье свое
Лишь на одномъ твоёмъ расположенъи,
Съ тобой дѣлилъ опасности...

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, ты не правъ, сознаться надо...

293

ОТЕЛЛО.

Прочь!

(Уходитъ.)

ЭМИЛИЯ.

Онъ не ревнивъ, по вашему?

ДЕЗДЕМОНА.

Я, право,
Такимъ еще не видѣла его.
Ужъ нѣтъ ли въ томъ платкѣ на самомъ дѣлѣ
Сокрытыхъ чаръ? О, какъ несчастна я,
Что онъ пропаль!

ЭМИЛИЯ.

Да, мужа не узнаешь
Ни въ годъ, ни въ два. Мужья — желудки, мы —
Не болѣе, какъ пища. Голодають —
Такъ насъ ѣдятъ, чтобъ послѣ изрыгнуть,
Насытившись. Вотъ Кассіо и мужъ мой.

Входитъ ЯГО и КАССИО.

ЯГО.

Другихъ нѣтъ средствъ: она лишь можетъ сдѣлать.
А къ счастью, вотъ и она. Ступайте
Просить ее.

ДЕЗДЕМОНА.

Ну, Кассіо мой добрый,
Что скажете? Что новаго?

КАССІО.

Опять
Я съ прежнею къ вамъ просьбою, синьора;
Опять молю заступничествомъ вашимъ
Устроить такъ, чтобъ могъ я снова жить
И снова быть участникомъ счастливымъ
Въ любви того, кого всѣмъ сердцемъ я
Высоко чту. О, не тяните дѣла!
Когда ужъ такъ проступокъ мой тяжелъ,
Что ни мои прошедшія заслуги,
Ни горестъ въ настоящемъ, ни обѣтъ
Быть въ будущемъ слугой его достойнымъ
Любви его мнѣ возратить не могутъ,
Такъ для меня хотъ убѣдиться въ томъ
Ужъ было бы большимъ благодѣяньемъ.
Тогда судьбѣ своей я покорюсь
И на другой какой-нибудь аренѣ
Начну собирать у счастья подаянье.

ДЕЗДЕМОНА.

Увы, увы, мой благородный другъ,
Ходатайство мое ужъ бесполезно!
Мой мужъ теперь не мужъ мой; не узнать бы
Его и мнѣ, когда бъ его лицо
Такъ сильно измѣнилось, какъ характеръ.
Пусть за меня такъ молятъ всѣ святые,
Какъ я за васъ просила; рѣчь моя,
Открытая мнѣ навлекла немилость.
Вамъ потерпѣть необходимо. Все,
Что я могу, то сдѣлаю, и даже
Для васъ рѣшусь на то, на что не смѣла бъ
Я для себя рѣшиться — вѣрьте мнѣ.
А между тѣмъ довольны будьте этимъ.

ЯГО.

Такъ генералъ сердитъ теперь?

ДЕЗДЕМОНА.

Ушелъ
Онъ только что отсюда въ безпокойствѣ
Какомъ-то непонятномъ.

ЯГО.

Будто онъ

Сердиться въ состояніи? Я видѣлъ,
Какъ по вѣтру ряды его солдатъ
Отъ пушечныхъ ударовъ разносились;
Я видѣлъ, какъ, подобно злему духу,
Изъ рукъ его ядро родного брата
Исторгнуло... и можетъ онъ сердиться?
О, значить, тутъ есть важная причина!
Пойду къ нему; причина непремѣнно
Есть важная, коль разсердился онъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Пожалуйста, пойдите. Вѣрно, дѣло
Касается республики.

(Яго уходитъ.)

Иль вѣсть
Дурная изъ Венеціи, иль просто
Злой умыселъ, открытый имъ здѣсь, въ Кипрѣ,
Въ немъ свѣтлое спокойствіе затмили.
А въ случаяхъ подобныхъ человѣкъ,
Хоть важными взволнованный дѣлами,
Къ бездѣлицамъ способенъ придираться.
Ужъ такъ всегда: пусть палецъ заболитъ, —
И эта боль сейчасъ распространится
На члены всѣ здоровые. Къ тому жъ,
Намъ надо знать, что люди, вѣдь, не боги
И что мужья не могутъ быть всегда
Внимательны, какъ въ первые дни брака.
Брани меня, Эмилиа, брани:
Неопытный боецъ, я обвинила
Его за то, что онъ не добръ ко мнѣ,
Но вижу я теперь, что подкупила
Свидѣтелей; онъ ложно обвиненъ.

ЭМИЛИА.

Ахъ, дай-то Богъ, чтобъ были тутъ причиной
Республики дѣла, а не сомнѣнье,
Не ревность къ вамъ.

ДЕЗДЕМОНА.

О, Боже сохрани!
Вѣдь, повода къ тому не подала я.

ЭМИЛИА.

Ревнивому — отвѣтъ вашъ не отвѣтъ.
Ревнивые не потому ревнуютъ,
Что поводъ есть, а просто потому,

Что ревновать въ натурѣ ихъ. Вѣдь ревность —
Чудовище, которое себя
Само зачнетъ, само и порождаетъ.

294

ДЕЗДЕМОНА.

Да сохранить Всевышній духъ Отелло
Отъ этого чудовища!

ЭМИЛІЯ.

Аминь.

ДЕЗДЕМОНА.

Пойду за нимъ. Вы, Кассіо, покамѣстъ
Побудьте здѣсь. Найду его спокойнымъ —
Опять начну просить его и все
Употреблю, чтобъ онъ исполнилъ просьбу.

КАССІО.

Отъ всей души я благодаренъ вамъ.

(Дездемона и Эмилія уходятъ.)

Входитъ Бьянка.

БЬЯНКА.

Здорово, другъ.

КАССІО.

А, дорогая Бьянка:
Здорова ли? Что дѣлаешь ты здѣсь?
А я къ тебѣ, мой ангелъ, отправлялся.

БЬЯНКА.

А я къ тебѣ. Ну, можно ли, скажи,
Не навѣстить за цѣлую недѣлю,
Не приходить семь дней и семь ночей,
Сто шестьдесятъ часовъ? Часы жъ разлуки
Съ любовникомъ въ сто шестьдесятъ разовъ
Скучнѣй часовъ обыкновенныхъ сутокъ.
О, грустно ихъ считать!

КАССІО.

Прости мнѣ, Бьянка:
Я важными дѣлами занятъ былъ,

Но вѣрь, въ часы досуга заплачу я
За долгое отсутствіе мое.
Мой милый другъ, не можешь ли мнѣ вышить
Такой платокъ?

(Подаетъ ей платокъ.)

БЪЯНКА.

О, гдѣ ты взялъ его?
Онъ подаренъ, конечно, новымъ другомъ.
Ну, мнѣ теперь причина твоего
Отсутствія понятна... вотъ въ чѣмъ дѣло!
Прекрасно, другъ, прекрасно!

КАССИО.

Перестань!
Брось гнусную догадку въ зубы къ черту,
Пославшему тебѣ такую мысль.
Ревнуешь ты, вообразивъ, что это
Знакъ памяти любовницы другой.
Нѣтъ, Бьянка, нѣтъ, клянусь.

БЪЯНКА.

Такъ чей же онъ?

КАССИО.

Мой милый другъ, я право, самъ не знаю:
Я въ комнатѣ моей его нашелъ,
И сильно онъ мнѣ нравится. Покамѣстъ
Не хватятся его — а это будетъ
Навѣрное — хотѣлъ бы я, чтобъ точно
Такой же былъ мнѣ вышить... Такъ возьми
Его съ собой и сдѣлай, что прошу я.
Покамѣстъ же оставь меня.

БЪЯНКА.

Оставь?
Зачѣмъ «оставь»?

КАССИО.

Я жду здѣсь генерала
И не хочу и не считаю нужнымъ,
Чтобъ съ женщиной меня увидѣлъ онъ.

БЪЯНКА.

Да отчего?

КАССИО.

Не оттого, чтобъ я
Къ тебѣ любви не чувствовалъ.

БЪЯНКА.

Но вѣрно,
Ужъ оттого, что разлюбилъ давно.
Прошу тебя, хотъ проводи немного,
И скоро ли, скажи, тебя я ночью
Увижу.

КАССИО.

Я пройтись съ тобой могу,
Но очень не далеко, потому что
Здѣсь долженъ ждать; увидимся же скоро.

БЪЯНКА.

Ну, что жъ, и то пріятно мнѣ. Должна
Я поступать такъ, какъ судьба желаетъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Кипръ, передъ замкомъ.

Входятъ ОТЕЛЛО и ЯГО.

ЯГО.

Итакъ, вы все такого мнѣнья?

ОТЕЛЛО.

Мнѣнья?

ЯГО.

Что разъ одинъ поцѣловать тайкомъ...

ОТЕЛЛО.

То поцѣлуй преступный.

ЯГО.

Иль съ другомъ
Часокъ-другой въ постели полежать,
Хотъ нагишомъ, но безъ порочныхъ мыслей?

ОТЕЛЛО.

Какъ! Нагишомъ, въ постели и безъ мыслей

Предъ дьяволомъ! Кто поступаетъ такъ
Безъ замысла грѣховнаго, тѣхъ вводитъ
Въ такой соблазнъ самъ дьяволъ, а они
Ужъ, въ свой чередъ, и Небо соблазняютъ.

Яго.

Ну, если тѣмъ и кончится, такъ это
Простительный проступокъ. Но когда я
Своей женѣ платокъ дарю, тогда...

Отелло.

Ну, что жъ тогда?

Яго.

Тогда ея онъ собственность, и можетъ
Она его отдать, кому угодно.

Отелло.

Да вѣдь, и честь есть собственность ея,
Такъ, значитъ, честь отдать ей также можно?

Яго.

Честь, генераль, невидимая вещь -
И часто тотъ, повидимому, честенъ,
Въ комъ никакой нѣтъ чести. Но платокъ...

Отелло.

Свидѣтель Богъ, я съ радостью забылъ бы
Твои слова. Ты говорилъ... О, это
Надъ памятью моей летаетъ, словно
Надъ домомъ зачумленнымъ воронъ злой.
Ты говорилъ, что у него платокъ?

Яго.

Что жъ изъ того?

Отелло.

О, Яго, это дурно!

Яго.

Что изъ того, когда бъ я вамъ сказалъ,
Что отъ него я слышалъ или видѣлъ.

Вѣдь, много есть бездѣльниковъ такихъ,
Которые, успѣвши убѣдить
Иль умолить возлюбленную сердца -
Своимъ ли волокитствомъ неотступнымъ,
По добродушію согласію ея -
Не разболтать о томъ никакъ не могутъ.

ОТЕЛЛО.

Такъ что-нибудь онъ говорилъ тебѣ?

ЯГО.

Да, говорилъ; но генералъ, повѣрьте -
Онъ только то сказалъ мнѣ, отъ чего
И клятвенно онъ можетъ отказаться.

ОТЕЛЛО.

Что жъ онъ сказалъ?

ЯГО.

Что онъ... Да я не знаю,
Какъ вамъ сказать. Онъ говорилъ, что онъ...

ОТЕЛЛО.

Что? что?

ЯГО.

Лежалъ...

ОТЕЛЛО.

Онъ? Съ ней?

ЯГО.

Да, съ ней, коли хотите.

ОТЕЛЛО. Лежалъ съ нею... Лежалъ съ нею! О, это отвратительно!
Платокъ... Признался... Платокъ! Заставить его признаться, а потомъ, въ
награду, повѣсить! Нѣтъ, прежде повѣсить, а потомъ заставить признаться! Я
дрожу при одной мысли объ этомъ... Природа не облекается въ такую
омрачающую страсть безъ какого-нибудь предчувствія... Не слова такъ
потрясаютъ меня. - О... носы, уши, губы! - Возможно ли? - Признайся же! -
Платокъ! - О, дьяволъ!

(Падаетъ въ судорогахъ.)

ЯГО.

Дѣйствуй,
Мое лѣкарство, дѣйствуй! Вотъ какъ ловятъ
Довѣрчивыхъ безумцевъ! Вотъ какъ честныхъ,
Невиннѣйшихъ и непорочныхъ женщинъ

Позору подвергаютъ. Генераль,
Послушайте! Синьоръ! Отелло! Что вы?

Входитъ Кассіо.

Яго.

А, Кассіо!

Кассіо.

Что здѣсь случилось?

Яго.

Вотъ
Въ припадкѣ онъ падучей. Это съ нимъ
Уже второй: вчера еще былъ первый.

Кассіо.

Потри ему виски.

Яго.

Нѣтъ, нѣтъ, не нужно.
Нельзя мѣшать припадку, а не то
Запѣнятся уста его, и скоро
Онъ въ дикое неистовство впадетъ.
Смотрите - шевелится. Удалитесь
Отсюда вы на нѣсколько минутъ:
Очнется онъ сейчасъ. Я послѣ съ вами,
Какъ онъ уйдетъ, о дѣлѣ очень важномъ
Поговорю. Ну, какъ вамъ, генераль?
Не ранили ль вы голову? (*Кассіо уходитъ.*)

Отелло.

Смѣешься
Ты надо мной?

Яго.

Надъ вами? я? о, нѣтъ!
Свидѣтель Богъ, мнѣ только бы хотѣлось,
Чтобъ горе вы, какъ мужъ, переносили.

Отелло.

Рогатый мужъ - чудовище и звѣрь.

Яго.

Такъ много же звѣрей живетъ, и много
Привѣтливыхъ чудовищъ въ городахъ.

ОТЕЛЛО.

Сознался онъ?

ЯГО.

Ахъ, будьте же мужчиной!
Подумайте, что каждый человѣкъ,
До бороды дожившій, чуть под иго
Жены попалъ, все ту же лямку тянеть.
Повѣрьте мнѣ: миллионы есть людей,
Которые спятъ ночью на постеляхъ,
Доступныхъ всѣмъ, и могутъ клятву дать,
Что имъ однимъ постели тѣ доступны.
У васъ не такъ, и лучше вашъ удѣлъ.
Скажите мнѣ: не адскія ли козни,
Не злѣйшая ль насмѣшка сатаны,
Когда супругъ развратницу лобзаетъ
И убѣжденъ въ безгрѣшности ея?
Нѣтъ, лучше знать; а зная, что со мною,
Я знаю, что должно и съ нею быть.

ОТЕЛЛО.

О, ты умень - въ томъ спору нѣтъ.

ЯГО.

Побудьте
Здѣсь въ сторонѣ немного; но себя
Въ терпѣнія предѣлы заключите.
Межъ тѣмъ, какъ вы лежали на землѣ,
Безумствуя отъ горести, что людямъ,
Такимъ, какъ вы, нисколько неприлично, -
Былъ Кассіо. Его я удалилъ,
Придумавши хорошую причину
Для вашего припадка, и просилъ
Опять прійти поговорить со мною.
Онъ обѣщалъ. Вы спрячьтесь и слѣдите,
Какъ каждая черта его лица
Вдругъ расцвѣтетъ насмѣшкою, презрѣньемъ,
Нахальною улыбкой хвастовства,
Затѣмъ, что я его заставляю снова
Мнѣ повторить всю повѣсть: какъ, когда
И сколько разъ онъ былъ съ женою вашей
Наединѣ и будетъ сколько разъ.
За жестами его, я повторяю,
Слѣдите вы. Но только, генералъ -
Терпѣніе: иначе я увѣрюсь,

Что бѣшенству совсѣмъ вы отдались
И что въ васъ нѣтъ ужъ ничего людского.

ОТЕЛЛО.

Я буду терпѣливъ - ты слышишь, Яго?
Я изумлю тебя моимъ терпѣньемъ,
Но послѣ - слышишь, Яго? - послѣ я
Явлюсь тебѣ безмѣрно кровожаднымъ.

ЯГО.

Ну, что жъ - и то не дурно; но всему
Своя пора. Однако, удалитесь!

(Отелло отходитъ.)

Я съ Кассіо заговорю о Бьянкѣ,
Бабеночкѣ, которая себѣ
И платья всѣ, и пищу добываетъ
Продажею всѣхъ прелестей своихъ.
Отъ Кассіо безъ памяти она;
Ужъ такова развратницъ этихъ кара:
Всѣхъ надувать, однимъ надутой быть.
А Кассіо отъ смѣху помираетъ,
Когда о ней съ нимъ говорятъ. Вотъ онъ!

Входитъ Кассіо.

ЯГО *(въ сторону)*.

Одна его улыбка - и Отелло
Сойдетъ съ ума. Его слѣпая ревность
Значеніе дурное вмигъ придастъ
Движеніямъ и взглядамъ, и улыбкамъ
Бѣдняги Кассіо. *(Кассіо.)* Ну, лейтенантъ,
Что, какъ дѣла идутъ?

КАССІО.

Нехорошо,
Тѣмъ болѣе, что ты даешь мнѣ титулъ,
Котораго потерей я убить.

ЯГО.

Просите хорошенько Дездемону -
И можно вамъ ручаться за успѣхъ.

(Понижая голосъ.)

Вотъ если бъ то зависѣло отъ Бьянки,
Вы скоро бы успѣли.

КАССІО.

Просто смѣхъ,
Какъ вздумаю объ этой бѣдной твари.

ОТЕЛЛО (*въ сторону*).

Смѣется онъ! Да, да уже смѣется!

ЯГО.

Я женщины не знаю ни одной,
Которая любила бъ такъ мужчину.

КАССИО.

Бѣдняжка! Вижу - въ самомъ дѣлѣ, любить
Она меня.

ОТЕЛЛО (*въ сторону*).

Отнѣкиваться сталъ
И на губахъ улыбка!

ЯГО.

Вась хочу я
Спросить...

ОТЕЛЛО (*въ сторону*).

Теперь его наводитъ онъ
На исповѣдь. Такъ, Яго, славно, славно!

ЯГО.

Слухъ Бьянкою распущенъ, что на ней
Вы женитесь. Скажите, въ самомъ дѣлѣ
Рѣшились вы на это?

КАССИО.

Ха-ха-ха!

ОТЕЛЛО (*въ сторону*). Ты торжествуешь, римлянинъ, ты торжествуешь!

КАССИО. Я женюсь на ней - на публичной женщинѣ? Сжался,
пожалуйста, хоть немного надъ моимъ разсудкомъ: не считай его такимъ
нездоровымъ. Ха-ха-ха!

ОТЕЛЛО (*въ сторону*). Такъ, такъ, такъ! Выигрывающіе всегда смѣются.

ЯГО. Право, ходитъ молва, что вы женитесь на ней.

КАССИО. Да неужели ты говоришь правду?

ЯГО. Будь я отъявленный мерзавецъ, если лгу.

ОТЕЛЛО (*въ сторону*). Отмѣтилъ меня? Хорошо.

КАССИО. Это она сама, глупая обезьяна, распускает слухъ. Она увѣрена, что я женюсь на ней, просто вслѣдствіе своей любви и тщеславія, а не потому, что я обѣщаль.

ОТЕЛЛО (*въ сторону*). Яго дѣлаетъ мнѣ знакъ: вѣрно, онъ начинаетъ рассказъ.

КАССИО. Она недавно приходила сюда - вездѣ найдетъ: просто надоѣла! На-дняхъ я разговаривалъ на набережной съ нѣсколькими венеціанцами, вдругъ приходитъ эта сумасшедшая и бросается ко мнѣ на шею.

ОТЕЛЛО (*въ сторону*). Съ крикомъ: «о дорогой Кассіо!» Это видно изъ его жестовъ.

КАССИО. Повисла на шеѣ, и лѣзетъ съ поцѣлуями, и плачетъ надо мною, и тащитъ меня, и тормошитъ... Ха-ха-ха!

ОТЕЛЛО (*въ сторону*). Теперь онъ рассказываетъ, какъ она тащила его въ мою комнату. О, я вижу твой носъ, но не вижу собаки, которой я брошу его.

КАССИО. Нѣтъ, надо непременно разойтись съ ней.

ЯГО. Вотъ и она идетъ сюда.

Входитъ Бьянка.

КАССИО. Эта женщина точно хорекъ, только хорекъ раздушенный. Чего, скажи, ты преслѣдуешь меня?

БЬЯНКА. Пусть тебя преслѣдуетъ дьяволъ со своей мачихой! Что значить этотъ платокъ, который ты далъ мнѣ? Я очень глупо сдѣлала, что взяла его. Захотѣлъ, чтобъ я вышила ему такой же точно, и рассказываетъ, что онъ нашелъ его въ своей комнатѣ, не зная, кто оставилъ его тамъ. Это подарокъ другой какой-нибудь любовницы, а мнѣ приходится вышивать по немъ? Возьми, отдай его своей куклѣ! Откуда бы ты ни досталъ его, я не хочу вышивать по немъ.

КАССИО. Что ты, моя милая Бьянка? что ты?

ОТЕЛЛО (*въ сторону*). Клянусь Небомъ, это долженъ быть мой платокъ.

БЬЯНКА. Если хочешь сегодня прійти ко мнѣ ужинать - можешь; не хочешь - приходи, когда будешь расположенъ. (*Уходитъ.*)

ЯГО. За нею, за нею!

КАССИО. Да и въ самомъ дѣлѣ, надо итти: она станетъ ругаться на улицѣ.

ЯГО. А вы будете у ней ужинать?

КАССИО. Да, полагаю.

ЯГО. Хорошо. Я, можетъ быть, тоже приду: мнѣ очень нужно бы еще поговорить съ вами.

КАССИО. Пожалуйста, приходи. Придешь?

ЯГО. Хорошо; ступайте. (*Кассіо уходитъ.*)

ОТЕЛЛО. Какъ мнѣ умертвить его, Яго?

ЯГО. Замѣтили вы, какъ онъ хохоталъ надъ своими низостями?

ОТЕЛЛО. О, Яго!

ЯГО. А платокъ видѣли?

ОТЕЛЛО. Это былъ мой платокъ?

Яго. Вашъ, клянусь этой рукой. И видите, какъ онъ цѣнить эту безразсудную женщину - вашу жену. Она подарила ему, а онъ отдалъ этой потаскушкѣ.

ОТЕЛЛО. Мнѣ хотѣлось бы убивать его девять лѣтъ сряду! Славная женщина! дорогая женщина! милая женщина!

Яго. Ну, забудьте это.

ОТЕЛЛО. О, пусть же она пропадетъ, пусть сгніетъ, пусть станетъ добычею ада сегодня же ночью! Не жить ей на свѣтѣ - нѣтъ. Сердце мое превратилось въ камень; я ударилъ по немъ и сильно зашибъ руку. О, въ мірѣ не было еще созданія прелестнѣе ея! Она могла бы лежать рядомъ съ императоромъ и задавать ему уроки.

Яго. Да вамъ-то что изъ этого?

ОТЕЛЛО. Повѣсить ее! Я только говорю, что она такое: отлично вышиваетъ, удивительная музыкантша; пѣніемъ своимъ она бы вырвала свирѣпость медвѣдя. Такой высокій и совершенный умъ, такое остроуміе!..

Яго. Тѣмъ хуже для нея.

ОТЕЛЛО. О, въ тысячу, въ тысячу разъ хуже! И потомъ - какъ она любезна!

Яго. Да, слишкомъ любезна!

ОТЕЛЛО. Такъ, ты правъ; но все-таки жаль, Яго. О, Яго! жаль, страшно жаль, Яго!

Яго. Ну, если вамъ такъ нравятся ея пороки - дайте имъ полный просторъ; ужъ если они не трогаютъ васъ, такъ, конечно, никому другому нѣтъ дѣла до нихъ.

ОТЕЛЛО. Я изрублю ее на куски... Украсить меня рогами!

Яго. Да, это гнусно съ ея стороны.

ОТЕЛЛО. И взять для этого въ сообщники моего подчиненнаго!

Яго. Это еще гнуснѣе!

ОТЕЛЛО. Доставъ мнѣ яду, Яго, и сегодня же ночью! Я не стану объясняться съ ней, чтобы ея прелести не поколебали моей рѣшимости... Сегодня же ночью, Яго.

Яго. Не умерщвляйте ее ядомъ; задушить

298

ее на постели, той самой постели, которую она опозорила.

ОТЕЛЛО. Славно, славно! Мнѣ нравится справедливость этого наказанія. Отлично!

Яго. А что касается Кассіо, предоставьте его мнѣ. Вы услышите дальнѣйшее сегодня въ полночь.

ОТЕЛЛО. Превосходно! (*За сценой трубы.*) Что это за звуки?

Яго. Вѣроятно, кто-нибудь изъ Венеціи. А, это Лодовико, посланный отъ дожа. Жена ваша идетъ сюда съ нимъ.

Входятъ: Лодовико, Дездемона и свита.

ЛОДОВИКО.

Привѣтъ мой вамъ, храбрѣйшій генераль.

ОТЕЛЛО.

И васъ, синьоръ, привѣтствую всѣмъ сердцемъ.

ЛОДОВИКО.

Свѣтлѣйшій дожъ и члены всѣ сената
Вамъ шлютъ поклонъ. *(Подаетъ пакетъ.)*

ОТЕЛЛО.

Цѣлую отъ души
Посредника ихъ воли и желаній!

(Открываетъ пакетъ и читаетъ.)

ДЕЗДЕМОНА.

Что новаго, мой милый Лодовико?

ЯГО.

Я очень радъ, что вижу васъ, синьоръ.
Съ прїѣздомъ васъ привѣтствую.

ЛОДОВИКО.

Спасибо!
А Кассіо? гдѣ онъ? какъ поживаетъ?

ЯГО.

Живетъ, синьоръ.

ДЕЗДЕМОНА.

У мужа моего
Съ нимъ вышли непрїятности большія,
Но, вѣрно, ты уладишь это все.

ОТЕЛЛО.

Ты думаешь?

ДЕЗДЕМОНА.

Что, другъ мой?

ОТЕЛЛО *(читаетъ)*.

«Постарайтесь
Исполнить то, когда хотите вы...»

ЛОДОВИКО.

Онъ не къ тебѣ, кузина, обращался:
Онъ занятъ весь письмомъ. Такъ генераль

И Кассіо поссорились?

ДЕЗДЕМОНА.

Къ несчастью.

Я все дала бѣ, чтобъ помирить ихъ снова:

Вѣдь, Кассіо я отъ души люблю.

ОТЕЛЛО.

Огонь и адъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Мой другъ?

ОТЕЛЛО.

Въ умѣ ли ты?

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ сердится?

ЛОДОВИКО.

Разстроило, быть можетъ,

Его письмо? Мнѣ кажется, что въ немъ

Приказъ ему въ Венецію вернуться

И Кассіо сдать должности свои.

ДЕЗДЕМОНА.

Ахъ, этому я очень рада!

ОТЕЛЛО.

Право?

ДЕЗДЕМОНА.

Мой другъ...

ОТЕЛЛО.

Я радъ, что ты съ ума сошла.

ДЕЗДЕМОНА.

Отелло мой, что это значитъ?

ОТЕЛЛО *(ударяя ее сверткомъ)*.

Дьяволъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Чѣмъ заслужить могла я?

ЛОДОВИКО.

Генералъ,

Вотъ этому никто бы не повѣрилъ
Въ Венеціи, хотя бы я клялся,
Что видѣлъ самъ. Синьоръ, ужъ это слишкомъ!
Просите же прощенія у ней:
Она въ слезахъ.

ОТЕЛЛО.

О, дьяволъ, дьяволъ, дьяволъ!
Когда бъ земля беременѣть могла
Отъ женскихъ слезъ, то каждая слезинка
Рождала бы ехидную змѣю.
Прочь съ глазъ моихъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Чтобъ не сердить васъ больше,
Я ухожу. (*Идетъ.*)

ЛОДОВИКО.

Покорное созданье!
Ахъ, генералъ, молю васъ, воротите
Ее сюда!

ОТЕЛЛО.

Синьора!

ДЕЗДЕМОНА.

Что, мой другъ?

ОТЕЛЛО (*къ Лодовико*).

Ну, вотъ она. Что вы сказать хотѣли?

ЛОДОВИКО.

Кто? я, синьоръ?

ОТЕЛЛО.

Ну да, желали вы,
Чтобъ воротилъ ее я къ вамъ. О, можетъ
Она итти и возвращаться вновь,

И вновь итти, и снова возвращаться,
И плакать - да, и плакать. О, синьоръ,
Покорное она - какъ вы сказали -
Покорное созданіе! Плачь, плачь!
Что жъ до того, синьоръ... О, какъ искусна

Ея печаль!.. что до того письма,
Въ которомъ мнѣ приказъ домой вернуться...

(Дездемонъ.)

Ступай - пришлю я послѣ за тобой!
(Лодовико.) Исполню я велѣніе сената
И возвращусь въ Венецію!
(Дездемонъ.) Прочь! вонь!

(Дездемона уходитъ.)

Я Кассіо сдамъ должность, а сегодня
Я васъ прошу отужинать со мною.
Я очень радъ васъ видѣть здѣсь, синьоръ,
Душевно радъ. Козлы и обезьяны! (Уходитъ.)

ЛОДОВИКО.

И это вотъ тотъ благородный мавръ,
Котораго сенатъ нашъ называетъ
Всѣхъ совершенствъ полнѣйшимъ образцомъ?
И это вотъ тотъ благородный духъ,
Котораго не могутъ тронуть страсти;
Та твердая и честная душа,
Куда пройти не можетъ, уязвляя,
Стрѣла судьбы иль случая ударъ?

ЯГО.

Онъ далеко не тотъ, что былъ.

ЛОДОВИКО.

Здоровъ ли
Онъ головой? Не поврежденъ ли мозгъ?

ЯГО.

Онъ то, что есть. Я осуждать не смѣю
И лишь могу молиться, чтобъ онъ былъ
Тѣмъ, чѣмъ бы могъ онъ быть.

ЛОДОВИКО.

Жену ударить -
Ну, можно ли?

ЯГО.

Да, это, признаюсь,
Нехорошо. Но я желалъ бы, право,
Чтобъ хуже онъ не дѣлалъ ничего.

ЛОДОВИКО.

Что, онъ всегда такъ поступаетъ, или
Мое письмо въ немъ взволновало кровь
И довело до перваго проступка?

Яго.

Увы, увы, нечестно было бъ мнѣ
Разсказывать, что видѣлъ я и знаю!
Увидите! Его поступки все
Вамъ объяснять и безъ моихъ разсказовъ:
Вы можете слѣдить и замѣчать.

Лодовико.

Какъ больно мнѣ, что въ немъ я такъ ошибся.

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ ОТЕЛЛО и ЭМИЛИЯ.

ОТЕЛЛО.

Такъ ничего не видѣла ты?

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ,
И ничего не слышала; мнѣ даже
Подозрѣвать не привелось!

ОТЕЛЛО.

Однако
Ты Кассіо встрѣчала вмѣстѣ съ ней?

ЭМИЛИЯ.

Встрѣчала, да; но ничего дурного
Не видѣла, хотъ каждый слогъ ихъ рѣчи
Я слышала.

ОТЕЛЛО.

Какъ, неужель они
Между собой ни разу не шептались?

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ, никогда.

ОТЕЛЛО.

И отъ себя ни разу
Тебя не отсылали?

ЭМИЛИЯ.

Никогда.

ОТЕЛЛО.

Какъ будто бы за вѣромъ, за маской...

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ, генераль, ни разу.

ОТЕЛЛО.

Непонятно!

ЭМИЛИЯ.

Въ томъ, что она невинна, я готова
Душой своей ручаться; если жъ вы
Другого мнѣнья - измѣните мысли:
Онъ мутятъ напрасно ваше сердце.
Когда внушилъ сомнѣнье это вамъ
Какой-нибудь бездѣльникъ, пусть его
Постигнетъ то проклятіе, что Небо
На змѣя-искусителя послало!
Ужъ ежели она не безпорочна
И невѣрна, и нечиста душой,
Такъ нѣтъ мужей счастливыхъ въ этомъ мірѣ:
Чистѣйшая изъ женъ тогда гнусна,
Какъ клевета.

ОТЕЛЛО.

Зови ее ко мнѣ. (*Эмилія уходитъ.*)
Въ защиту ей она сказала много.
Да, вѣдь, и то - она простая сводня,
Такъ говоритъ умѣетъ хорошо.
О, хитрое, лукавое творенье,
Замокъ и ключъ гнуснѣйшихъ самыхъ тайнъ!
А тоже, вѣдь, колѣни преклоняетъ
И молится - я это видѣлъ самъ!

300

Входятъ Дездемона съ Эмилией.

ДЕЗДЕМОНА.

Что хочетъ мой любезный повелитель?

ОТЕЛЛО.

Поди сюда, голубка.

ДЕЗДЕМОНА.

Что такое?

ОТЕЛЛО.

Дай мнѣ взглянуть въ глаза твои. Смотри
Въ мое лицо.

ДЕЗДЕМОНА.

Что значитъ эта прихоть?

ОТЕЛЛО (Эмилиа).

А ты ступай къ занятіямъ своимъ.
Любовниковъ наединѣ оставьте,
Заприте дверь. Чуть будетъ кто итти,
Ты знакъ подай намъ кашлемъ или крикомъ:
Въ такихъ дѣлахъ ты свѣдуца. Ну, прочь!

(Эмилиа уходитъ.)

ДЕЗДЕМОНА.

О, растолкуй, молю я на колѣняхъ,
Къ чему ведетъ, что значитъ рѣчь твоя?
Въ твоихъ словахъ я только вижу ярость,
Но темень мнѣ смыслъ этихъ самыхъ словъ.

ОТЕЛЛО.

Скажи, кто ты?

ДЕЗДЕМОНА.

Твоя, мой повелитель,
Покорная и вѣрная жена.

ОТЕЛЛО.

Клянись же въ томъ: сама себя ты аду
Отдай теперь, а то, вѣдь, даже черти,
Взглянувъ въ твое небесное лицо,
Тебя схватить, пожалуй, побоятся.
Такъ осуди сама себя вдвойнѣ.
Клянись, что ты вѣрна мнѣ.

ДЕЗДЕМОНА.

Богъ свидѣтель!

ОТЕЛЛО.

Свидѣтель Онъ, что ты, какъ адъ, коварна.

ДЕЗДЕМОНА.

Противъ кого и въ чемъ? Кто мой сообщникъ?

ОТЕЛЛО.

О, Дездемона, прочь, прочь, прочь!

ДЕЗДЕМОНА.

Увы!

Ужасный день! О чемъ скажи, ты плачешь?
Ужели я причина этихъ слезъ?
Ты думаешь быть можетъ, что отецъ мой
Виной тому, что вызвали тебя
Въ Венецію; но я невинна въ этомъ.

ОТЕЛЛО.

О, если бы угодно было Небу
Тяжелыя послать мнѣ испытанья,
На голову открытую мою
Полить дождемъ печали, посрамленья,
Зарыть меня по губы въ нищету,
Сковать меня и всѣ мои надежды -
Я бы нашелъ въ сердечномъ уголкѣ
Терпѣнія хоть каплю; но чтобъ сдѣлать
Недвижною статуею меня,
Чтобъ на нее указывало пальцемъ
Лѣнивое, холодное презрѣнье -
О! о!
Да, нѣтъ, и то я снесъ бы безъ труда.
Но здѣсь, гдѣ то, въ чемъ заключилъ я душу,
Гдѣ жизнь моя и безъ чего мнѣ - смерть;
Здѣсь, гдѣ фонтанъ, откуда жизнь струится
И безъ чего изсякнуть должно ей -
Гдѣ это все уходитъ вдругъ навѣки,
Иль дужею становится, затѣмъ
Чтобъ мерзкіе въ ней гады разводились -
О, тутъ свой видъ ты измѣняй, терпѣнье,
Ты, молодой, румяный херувимъ
И въ адскую наружность одлекися!

ДЕЗДЕМОНА.

Я все-таки надѣюсь, что увѣренъ
Ты въ чистотѣ моей.

ОТЕЛЛО.

О, да, конечно,
Какъ въ чистотѣ тѣхъ мухъ мясныхъ рядовъ,
Что въ мерзости роятся отъ рожденья!
О, зелье, одуряющее чувства

Плѣнительнымъ такимъ благоуханьемъ,
Чудесною такою красотой...
Ужъ лучше бы ты не рождалась вовсе!

ДЕЗДЕМОНА.

Но въ чемъ же мой, невѣдомый мнѣ, грѣхъ?

ОТЕЛЛО.

Въ чемъ грѣхъ? Ужли жъ затѣмъ создали эту
Прекрасную бумагу, эту книгу
Чудесную, чтобъ написать на ней:
«Презрѣнная блудница!» Въ чемъ твой грѣхъ?
О, собственность общественная! Если бъ
Твои дѣла рассказывать я вздумалъ,
Лицо мое плавильной печью стало бъ
И въ пепелъ бы вся скромность обратилась.
Въ чемъ грѣхъ? въ чемъ грѣхъ? Да знаешь ли, что Небо
Отъ дѣлъ твоихъ носъ зажимаетъ свой,
И мѣсяцъ жмурится, и наглый вѣтеръ,
Цѣлюющій все встрѣчное - и тотъ
Въ подземныя скрывается пещеры,
Чтобъ дѣлъ твоихъ негодныхъ не слышать?
Безстыдная блудница!

ДЕЗДЕМОНА.

Видитъ Богъ,
Что ты меня напрасно оскорбляешь.

ОТЕЛЛО.

Ты такъ чиста?

ДЕЗДЕМОНА.

Чиста - и это вѣрно,
Какъ вѣрно то, что христіанка я!

Когда себя оберегать для мужа
Отъ рукъ чужихъ, объятій беззаконныхъ,
Не быть блудницей значить - не блудница
Твоя жена.

ОТЕЛЛО.

Ты не блудница? ты?

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь души моей спасеньемъ!

ОТЕЛЛО.

Возможно ли?

ДЕЗДЕМОНА.

О, Господи, помилуй!

ОТЕЛЛО.

Ну извини; а я тебя считалъ
Венеціанской хитрою дѣвчонкой,
Успѣвшей за Отелло выйти замужъ.

Входитъ Эмилія.

ОТЕЛЛО.

Ну, милая привратница въ аду,
Мы кончили. На вотъ тебѣ за трудъ.
Открой мнѣ дверь и сохрани все въ тайнѣ.

(Уходитъ.)

ЭМИЛІЯ.

Ахъ, Боже мой! Что это случилось съ нимъ?
Что вздумалъ онъ? Сударыня, что съ вами?
Что, добрая синьора?

ДЕЗДЕМОНА.

Право, я
Какъ въ полуснѣ.

ЭМИЛІЯ.

Да что съ нимъ приключилось?

ДЕЗДЕМОНА.

Съ кѣмъ?

ЭМИЛІЯ.

Съ кѣмъ? Да съ нимъ, понятно: съ господиномъ
Моимъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Твоимъ? А кто твой господинъ?

ЭМИЛІЯ.

Тотъ, кто и вашъ. О, добрая синьора:
Супругъ вашъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ супруга у меня!
Не говори, Эмилиа, со мною:
Я отвѣчать могла бы лишь слезами,
Но не могу я плакать. Положи
Мнѣ на постель сегодня на ночь платье
Вѣнчальное - да не забудь, смотри,
И попроси ты мужа своего
Сейчасъ сюда.

ЭМИЛИА.

Ну, новости, признаться! (*Уходитъ.*)

ДЕЗДЕМОНА.

Такъ поступить - такъ поступить со мной!
И чѣмъ могла подать я мужу поводъ
Жестоко такъ подозрѣвать меня?

Входятъ Эмилиа съ Яго.

ЯГО.

Что приказать угодно вамъ, синьора?
Что сдѣлалось?

ДЕЗДЕМОНА.

Не знаю, какъ сказать.
Тотъ, кто дѣтей учить берется, долженъ
Къ нимъ снисходить, наказывать легко;
Такъ и ему меня довольно было бѣ
Лишь побранить: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, я
Еще дитя.

ЯГО.

Да что же тутъ случилось?

ЭМИЛИА.

Ахъ Яго, такъ синьору оскорбилъ
Нашъ генералъ, такими онъ осыпалъ
Постыдными названьями ее,
Какихъ не снести порядочному сердцу.

ДЕЗДЕМОНА.

Достойна ль я, скажи, такихъ именъ?

ЯГО.

Какихъ именъ, почтенная синьора?

ДЕЗДЕМОНА.

Какія мужъ сейчасъ мнѣ надавалъ.

Эмилія.

Ее назвалъ онъ просто потаскушкой.
Да словъ такихъ не станетъ говорить
Любовницѣ своей и пьяный нищій.

Яго.

За что же онъ?

Дездемона.

Не знаю; знаю только,
Что я не то, чѣмъ онъ назвалъ меня.

Яго.

Ну, полноте, не плачьте, перестаньте!
Ахъ, что за день!

Эмилія.

Неужли для того
Она такимъ почетнымъ отказала
Искательствамъ? неужли для того
Оставила отца, друзей, отчизну,
Чтобъ имя потаскушки слышать здѣсь?
Тутъ всякій бы заплакалъ поневолѣ.

Дездемона.

Таковъ ужъ мой несчастнѣйшій удѣлъ!

Яго.

Будь проклятъ онъ за это! Какъ такое
Безуміе напало на него?

Дездемона.

То знаетъ Богъ!

Эмилія.

Я дамъ себя повѣсить,
Коль клеветы такой не распустилъ,
Съ желаніемъ добыть себѣ мѣстечко,
Какой-нибудь презрѣнный негодай,
Какой-нибудь бездѣльникъ, подлипало,

Какой-нибудь подлѣйшій, льстивый рабъ!
Да, это такъ, иль пусть меня повѣсятъ!

Яго.

Фи, да такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ!
Не можетъ быть!

Дездемона.

А если есть такіе -
Прости имъ Богъ!

Эмилія.

Нѣтъ! висѣлица пусть
Проститъ! пусть адъ его всѣ кости сложетъ!
Ну, изъ чего мужъ обругалъ ее
Развратницей? Да развѣ кто за нею
Ухаживалъ? и гдѣ? и какъ? когда?
Нѣтъ, вѣрно, мавръ обманутъ негодьяемъ,
Бездѣльникомъ, мерзавцемъ, подлецомъ...
О если бы угодно было Небу
Разоблачать подобныхъ молодцовъ
И плетъ влагать во всѣ честныя руки,
Чтобъ, обнаживъ мерзавцевъ этихъ, гнать
Черезъ цѣлый міръ, отъ запада къ востоку!

Яго.

Да говори потише.

Эмилія.

Проклятъ будь
Тотъ клеветникъ! И ты такимъ мерзавцемъ
Когда-то былъ сбить съ толку и меня
Сталъ ревновать къ Отелло.

Яго.

Ты рехнулась,
Мнѣ кажется. Ну, полно, перестань!

Дездемона.

Что дѣлать мнѣ, скажи, мой добрый Яго,
Чтобъ мужа вновь съ собою примирить?
О, добрый другъ, сходи къ нему! Свидѣтель
Небесный свѣтъ, что неизвѣстно мнѣ,
За что любовь его я потеряла.
Клянуся всѣмъ, колѣни преклонивъ:
Когда любовь его я оскорбила
Хоть разъ одинъ иль мыслью, или дѣломъ;
Когда мой взоръ, мой слухъ, другое чувство
Плѣнялися хоть кѣмъ-нибудь другимъ;
Когда его я не люблю всѣмъ сердцемъ,

Какъ и любила прежде, какъ и буду
Всегда любить, хотя бы онъ разводомъ
Отвергъ меня - о пусть тогда покой
Разстанется навѣкъ съ моей душою!
Всесилень гнѣвъ; его же гнѣвъ способенъ
Взять жизнь мою, но не отнять любовь!
Развратница! Мнѣ тяжело повторять
Названіе такое. Это слово
Противно мнѣ. Да всѣхъ бы благъ мірскихъ
Я не взяла, чтобы на то рѣшиться,
За что даютъ названье это намъ.

Яго.

Я васъ прошу, синьора, успокойтесь:
Вѣдь это въ немъ минутный только гнѣвъ.
Разстроень онъ дѣлами государства
И выместилъ досаду всю на васъ.

Дездемона.

О если бъ такъ!

Яго.

Я въ этомъ вамъ ручаюсь. (*Трубы.*)
Но слышите? То къ ужину зовутъ:
Васъ ждутъ послы Венеціи. Не плачьте,
Идите къ нимъ. Все будетъ хорошо!

(*Дездемона и Эмилиа уходятъ.*)

Входитъ Родриго.

Яго. Ну что, Родриго?

Родриго. Мнѣ кажется, что ты не честно поступаешь со мною.

Яго. Это отчего?

Родриго. Да ты каждый день выдумываешь мнѣ какую-нибудь новую увертку и, какъ мнѣ кажется, болѣе отдаляешь отъ меня всякую надежду, чѣмъ приближаешь меня къ цѣли моихъ желаній. Право, я долѣе не могу терпѣть, да и не знаю, простить ли тебя за то, что я уже, по глупости своей, перенесъ?

Яго. Выслушай меня, Родриго.

Родриго. Много я слушалъ уже: между твоими словами и исполненіемъ нѣтъ ничего родственнаго.

Яго. Ты совершенно несправедливо обвиняешь меня.

Родриго. Обвиняю очень основательно. Я истратилъ все мое состояніе. Даже половина брильянтовъ, которые я передавалъ тебѣ для Дездемоны, соблазнила бы и весталку. Ты сказалъ мнѣ, что она приняла ихъ, и надавалъ обѣщаній на скорую взаимность съ ея стороны; но до сихъ поръ я ничего не вижу.

Яго. Хорошо, хорошо, продолжай!

Родриго. Хорошо, продолжай! Я не могу продолжать, да это и нехорошо. Клянусь этой рукой, ты поступаешь гадко, и я начинаю убѣждаться, что ты надуваешь меня.

Яго. Очень хорошо.

Родриго. Говорю тебѣ, что совсѣмъ нехорошо. Я самъ объяснюсь съ Дездемоной: если она возвратитъ мнѣ мои брильянты, я откажусь отъ ухаживанья и раскаюсь въ моихъ противозаконныхъ исканіяхъ; въ противномъ же случаѣ, будь увѣренъ, я потребую удовлетворенія отъ тебя.

Яго. Ты кончилъ?

Родриго. Да, и не сказалъ ничего такого, чего твердо не рѣшился сдѣлать.

Яго. Ну, теперь я вижу, что у тебя есть характеръ, и съ этой минуты начинаю имѣть

303

о тебѣ лучшее мнѣніе, чѣмъ имѣлъ до сихъ поръ. Дай мнѣ руку, Родриго. Ты совершенно справедливо усумнился во мнѣ, но все-таки, клянусь, я честно дѣйствовалъ въ твоёмъ дѣлѣ.

Родриго. Это незамѣтно.

Яго. Да, дѣйствительно незамѣтно, и твое сомнѣніе не безъ основанія. Но, Родриго, если въ тебѣ есть дѣйствительно то, что я надѣюсь найти въ тебѣ теперь гораздо больше, чѣмъ прежде, то-есть рѣшимость, мужество и храбрость, то докажи это сегодня же ночью. И если въ слѣдующую ночь за этимъ Дездемона не будетъ принадлежать тебѣ - сживай меня со свѣту измѣннически и выдумывай для меня, какія хочешь, пытки.

Родриго. Но въ чемъ же дѣло? благоразумно ли, удобоисполнимо ли оно?

Яго. Изъ Венеціи получено нарочное предписаніе, чтобы Кассіо занялъ мѣсто Отелло.

Родриго. Будто? Стало-быть, Отелло и Дездемона возвратятся въ Венецію?

Яго. О, нѣтъ! Онъ ѣдетъ въ Мавританію и увозитъ съ собою прекрасную Дездемону, если только его пребываніе здѣсь не задержится чѣмъ-нибудь особеннымъ, а этого нельзя ничѣмъ устроить такъ хорошо, какъ удаленіемъ Кассіо.

Родриго. Какъ же ты думаешь удалить его?

Яго. Да сдѣлавъ его неспособнымъ занять мѣсто Отелло: размозживъ ему голову.

Родриго. И ты хочешь, чтобъ это я сдѣлалъ?

Яго. Да, если ты рѣшишься похлопотать о своей пользѣ и отомстить за себя. Сегодня онъ ужинаетъ у своей любовницы, и я тоже отправлюсь туда. Онъ не знаетъ еще о своемъ почетномъ назначеніи. Если ты хочешь подстеречь его при возвращеніи оттуда – а я устрою такъ, что это будетъ между двѣнадцатую и часомъ - то можешь, какъ угодно, распорядиться съ нимъ. Я

буду по близости, чтобы помочь тебѣ, и онъ будетъ имѣть дѣло съ нами обоими. Ну, чему ты такъ изумляешься? Пойдемъ со мною; дорогою я такъ хорошо докажу тебѣ необходимость его смерти, что ты почтешь себя обязаннымъ сдѣлать это дѣло. Часъ ужина наступилъ, и ночь быстро приближается. Къ дѣлу!

Родриго. Мнѣ бы хотѣлось, однако, чтобъ ты представилъ мнѣ еще нѣкоторыя побудительныя причины этого убійства.

Яго. И я исполню твое желаніе.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ: Отелло, Лодовико, Дездемона, Эмилія и свита.

Лодовико. Генераль, умоляю васъ не беспокоиться провожать меня.

Отелло.

О, ничего! напротивъ, проходиться
Здорово мнѣ.

Лодовико.

Синьора, доброй ночи.
Отъ всей души благодарю я васъ.

Дездемона.

Синьоръ, мы вамъ всегда душевно рады.

Отелло.

Ну, что жъ, идемъ, синьоръ? О, Дездемона!

Дездемона.

Мой другъ?

Отелло. Ступай сейчасъ же спать; я скоро возвращусь; да отпусти свою горничную - не забудь.

Дездемона. Хорошо, мой другъ.

(Отелло, Лодовико и свита уходятъ.)

Эмилія.

Ну, что, какъ онъ? Мнѣ кажется, смягчился.

Дездемона.

Вернуться онъ сейчасъ же обѣщалъ.
Велѣлъ въ постель скорѣе мнѣ ложиться
И отпустить просилъ тебя.

Эмилія.

Меня!

ДЕЗДЕМОНА.

Да, таково его желанье было.
Ну, добрая Эмилия моя,
Дай мнѣ капоть ночной - и до свиданья.
Не должно намъ теперь сердить его.

ЭМИЛИЯ.

Ахъ, лучше бы вы съ нимъ и не встрѣчались!

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, этого не пожелала бъ я.
Я пылко такъ люблю его, что даже
И гнѣвъ его, и злоба, и упреки...
Отшпилъ мнѣ тутъ... все для моей души
Плѣнительно и мило.

ЭМИЛИЯ.

Положила
Къ вамъ на постель я платье, о которымъ
Недавно вы просили.

ДЕЗДЕМОНА.

Хорошо.
О, Боже мой, какъ глупы мы бываемъ!
Эмилия, прошу тебя, когда
Я до тебя умру, ты въ это платье
Одѣнь меня.

304

ЭМИЛИЯ.

Ну, что вы! полно, полно!

ДЕЗДЕМОНА.

У матери моей жила служанка -
Барбарою звалась она; у ней
Любовникъ былъ; но измѣнилъ и бросилъ
Бѣдняжку онъ. Я помню, у нея
Была тогда объ ивѣ пѣсня - пѣсня
Старинная, но скорбь ея души
Прекрасно выражавшая. Бѣдняжка
И умерла съ той пѣснью на устахъ.
И у меня сегодня эта пѣсня

Изъ головы весь вечеръ не выходить:
Все хочется, какъ бѣдная Барбара,
Пропѣть ее... Пожалуйста, скорѣе!

Эмилія.

Что? принести ночное платье?

Дездемона.

Нѣтъ.
Отшпиль мнѣ здѣсь... А этотъ Лодовико
Хорошъ собой.

Эмилія.

Красавецъ, просто, онъ.

Дездемона.

И говорить умѣетъ какъ отлично!

Эмилія. Я знаю въ Венеціи одну женщину, которая босикомъ сходила бы
въ Палестину за одинъ поцѣлуй его.

Дездемона (*поетъ*).

Бѣдняжка сидѣла въ тѣни сикоморы, вздыхая -
О, пойте зеленую иву!
Склонившись къ колѣнамъ головкой, грудь ручкой сжимая -
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
Ручьи тамъ бѣжали и стоны ея повторяли -
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
А горькія слезы и жесткіе камни смягчали.
Убери это...
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
Прошу тебя, уйди: онъ сейчасъ придетъ.
О, пойте зеленую иву, что будетъ вѣнкомъ для меня!
Его не браните, его обвинять не хочу я..
Нѣтъ, это что-то не такъ. Слышишь, Эмилія, кто-то стучитъ?

Эмилія. Это вѣтеръ.

Дездемона (*поетъ*).

Я другу сказала: «измѣнникъ!» И что же онъ мнѣ отвѣчалъ?
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
«Люблю я всѣхъ женщинъ - люби ты мужчинъ», онъ сказалъ.
Теперь итти ты можешь. Доброй ночи!
Какъ чешутся глаза мои! Не правда ль,
То признакъ слезъ?

Эмилія.

Да что вы? никогда!

Дездемона.

Такъ я не разъ слыхала. О, мужчины,
Мужчины! Что, Эмилиа, скажи
По совѣсти, неужли въ самомъ дѣлѣ
Есть женщины, способныя мужей
Обманывать такъ низко?

ЭМИЛИА.

Безъ сомнѣнья,
Не мало ихъ.

ДЕЗДЕМОНА.

А ты такъ поступить
Рѣшилась бы, когда бъ тебѣ давали
Хоть цѣлый міръ?

ЭМИЛИА.

А вы бы развѣ нѣтъ?

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, никогда, клянусь небеснымъ свѣтомъ!

ЭМИЛИА.

Да вѣдь и я при свѣтѣ - ни за что.
Удобнѣе все это дѣлать ночью.

ДЕЗДЕМОНА.

И сдѣлала бъ ты это, если бъ дали
Тебѣ весь міръ?

ЭМИЛИА.

Охъ! міръ - большая вещь,
И дорого платить такой цѣною
За маленькій проступокъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, оставь!
Не вѣрю я, что говоришь ты правду.

ЭМИЛИА. Клянусь честью, мнѣ кажется, что я рѣшилась бы, а потомъ бы поправила дѣло. Конечно, я бы не сдѣлала этого изъ-за пустого перстенька, изъ-за нѣсколькихъ аршинъ матеріи, изъ-за платьевъ, юбокъ, чепчиковъ или подобныхъ пустяковъ; но за цѣлый міръ? Ну, скажите, кто бы не согласился сдѣлать своего мужа рогоносцемъ, если бы это могло доставить ему, напримѣръ, царскій тронъ? Да я бъ изъ-за этого не побоялась и чистилища.

ДЕЗДЕМОНА. Нѣтъ, я позволила бы проклясть себя, если бы даже изъ-за цѣлаго міра сдѣлала такую низость.

Эмилія. Да вѣдь низость считается низостью только въ мірѣ; а если вы этотъ міръ получите за трудъ свой, такъ эта низость очутится въ вашемъ собственномъ мірѣ, и тогда вамъ сейчасъ же можно будетъ уничтожить ее.

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, не хочу и вѣрить я, что въ свѣтѣ
Есть женщина такая.

Эмилія.

Вѣрьте, есть –

305

И дюжины найдутся. Столько ихъ,
Что землю бы наполнить ими можно.
Убѣждена, однако, я въ одномъ,
Что ежели и согрѣшаютъ жены,
Такъ въ томъ всегда вина однихъ мужей.
Когда они свой долгъ позабываютъ,
И блага тѣ, что намъ принадлежатъ,
Даютъ другимъ; когда, вдругъ разразясь
Безумнѣйшею ревностью, стѣсненіе
Кладутъ на насъ; когда насъ бьютъ порой,
Иль наши всѣ расходы уменьшаютъ –
Такъ вѣдь у насъ есть тоже въ сердцѣ желчь:
Хоть кротки мы, но тоже мстить готовы.
Такъ пусть мужья то знаютъ, что и мы,
Какъ и они, имѣемъ тѣ же чувства:
Что и у жонъ, какъ у господъ мужей,
Есть зрѣніе и вкусъ, и обонянье,
Что и онѣ способны находить
Межъ горечью и сладостью различье.
Скажите, что въ нихъ дѣйствуетъ, когда
Насъ на другихъ они мѣняютъ женщинъ?
Потѣшиться желанье? - Вѣрно, такъ.
Не страсти ли волнуютъ ихъ? - Конечно.
Не слабости ль ихъ вводятъ въ забужденье?
Навѣрно, да. Такъ развѣ и у насъ,
Какъ у мужчинъ, нѣтъ никакихъ страстей
Иль слабостей, иль склонностей къ забавамъ?
Такъ съ нами пусть обходятся мужья,
Какъ слѣдуетъ; иначе пусть узнаютъ,
Что мы, грѣша, примѣры съ нихъ беремъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Прощай, прощай! Пошли мнѣ, Господи, умѣнье
Въ злѣ находить не зло, а средство къ исправленью!

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.

Входятъ Яго и Родриго.

Яго.

Здѣсь - стань сюда за эту вотъ колонну:
Сюда придетъ онъ скоро. Обнажи
Свой добрый мечъ и дѣйствуй имъ, да только
Быстрѣй, быстрѣй. Не бойся ничего:
Я буду здѣсь, какъ можно ближе. Помни -
Тутъ выигрышъ или гибель намъ;
Такъ соберись, какъ только можешь, съ духомъ.

Родриго.

Будь близко здѣсь. Я оплошать могу.

Яго.

Не отойду. Смѣлѣй же, мечъ наружу!

(Отходитъ на небольшое разстояніе.)

Родриго.

Не очень я расположенъ къ убійству,
Но доводы онъ сильные умѣлъ
Представить мнѣ. И то сказать, вѣдь тутъ
Всего однимъ убудетъ человѣкомъ.
Впередъ мой мечъ! Онъ, долженъ умереть!

(Становится за колонну.)

Яго.

Теперь растеръ я ранку молодую
Чуть-чуть не въ кровь; ожесточился онъ.
Что бъ ни было: онъ Кассіо убьетъ ли,
Иль Кассіо его, или другъ друга
Они убьютъ - все въ выигрышъ я.
Останется въ живыхъ Родриго - вѣрно,
Потребуетъ онъ отъ меня назадъ
И деньги всѣ, и эти всѣ брильянты,
Которые стащилъ я у него,

Какъ будто бы въ подарки Дездемонѣ;
А этого никакъ не должно быть.
Останется же Кассіо въ живыхъ -
Такъ каждый день своею свѣтлой жизнью
На жизнь мою онъ будетъ тѣнь кидать,
Да и потомъ ему, пожалуй, выдастъ
Меня самъ мавръ: тогда ужъ плохо мнѣ.
Нѣтъ, умереть онъ долженъ: такъ и будетъ.
Но вотъ и онъ. Его шаги я слышу.

Входитъ Кассіо.

Родриго.

Я узнаю походку: это онъ.

(Бросается на Кассіо.)

Умри, подлецъ!

Кассіо.

Да, умеръ бы, конечно,
Отъ этого удара я, когда бъ
Мой панцырь былъ не лучше, чѣмъ ты думалъ.
Попробую теперь я панцырь твой.

(Ранитъ Родриго.)

Родриго.

О, я убить!

(Яго выскакиваетъ изъ своей засады, ранитъ Кассіо въ ногу и убѣгаетъ.)

Кассіо.

Я раненъ. Помогите!
Огня! огня! Разбойники, убійцы! *(Падаетъ.)*

Входитъ Отелло.

Отелло (въ сторону).

То - голосъ Кассіо. Сдержалъ мой Яго слово!

Родриго.

О, извергъ я!

Отелло.

Такъ, такъ.

КАССИО.

О, помогите!
Огня сюда! хирурга!

ОТЕЛЛО.

Это онъ!
О, Яго мой, правдивый, честный, храбрый,
Такъ хорошо отмстившій за позоръ
Товарища и друга: ты учитель,
Учитель мой! Ну, крошечка, твой милый
Убить, и твой ударить скоро часъ.
Иду къ тебѣ, блудница! Чаръ твоихъ,
Твоихъ очей не знаетъ больше сердце.
Твой одръ, запятнанный преступною любовью,
Покроется сейчасъ твоей преступной кровью!

(Уходитъ.)

Входятъ Лодовико и Граціано.

КАССИО.

Кто-нибудь! Ни дозорныхъ, ни прохожихъ.
Убійцы, убійцы!

ГРАЦИАНО.

Тутъ что-нибудь недоброе; ты слышишь,
Какъ страшень крикъ?

КАССИО.

О, помогите!

ЛОДОВИКО.

Вотъ!

РОДРИГО.

О, негодяй!

ЛОДОВИКО.

Тутъ двое или трое,
Какъ кажется. А ночь-то какъ темна!
Не западня ли это? Безразсудно,
Я думаю, итти на этотъ крикъ,
Покамѣстъ насъ не соберется больше.

РОДРИГО.

Нѣтъ никого! Я кровью истеку!

Входитъ Яго съ факеломъ.

ЛОДОВИКО. Слышите?

ГРАЦИАНО. Кто-то идетъ сюда въ одной рубашкѣ съ факеломъ и оружіемъ.

ЯГО. Кто тутъ? Что за шумъ? Кто кричалъ убійство?

ЛОДОВИКО.

Не знаемъ.

ЯГО.

Крикъ вамъ развѣ не былъ слышенъ?

КАССИО.

Сюда, сюда! на помощь, ради Бога!

ЯГО.

Вы слышите? Кто это тамъ кричить?

ГРАЦИАНО.

Сдается мнѣ, что лейтенантъ Отелло.

ЛОДОВИКО.

И вправду онъ - храбрѣйшій человѣкъ!

ЯГО.

Эй, кто вы тамъ, кричащій такъ ужасно?

КАССИО.

Ты, Яго? О, я раненъ, изувѣченъ
Мерзавцами. Ахъ, помоги скорѣй!

ЯГО.

Вы, лейтенантъ? О, Богъ мой! Да какіе жъ
Бездѣльники?

КАССИО.

Мнѣ кажется, изъ нихъ
Одинъ лежитъ недалеко, и съ мѣста
Онъ тронуться не можетъ.

ЯГО.

О, мерзавцы!
Мошенники! Эй, кто тамъ, эй! сюда,
На помощь мнѣ скорѣй!

РОДРИГО.

О, помогите!

КАССИО.

Вотъ, вотъ одинъ изъ нихъ.

Яго.

А, подлый рабъ!

А, негодяй, разбойникъ!

(Закалываетъ Родриго.)

Родриго.

О, проклятый,

Проклятый Яго, песь безчеловѣчный!

(Умираетъ.)

Яго.

Въ потемкахъ убивать людей! Да гдѣ жъ другіе

Разбойники? А въ городѣ все тихо.

Разбой, разбой! *(Къ Лодовико и Граціано.)*

Кто здѣсь? Вы что за люди?

Злодѣи вы иль добрые?

Лодовико.

Какими

Ты насъ найдешь, такими назови.

Яго.

Синьоръ Лодовико!

Лодовико.

Я, синьоръ.

Яго. Ахъ, извините, пожалуйста. Здѣсь Кассіо раненъ разбойниками.

Граціано.

Кассіо?

Яго.

Куда ты раненъ, братъ?

Кассіо.

Мнѣ на-двое перерубили ногу.

Яго.

Спаси, Господь! Синьоры, поспѣшите.

Перевяжу я раненую ногу

Рубашкою моею.

Входитъ БЪЯНКА.

БЪЯНКА.

Что случилось?
Кто здѣсь кричалъ?

ЯГО.

Кто здѣсь кричалъ?

БЪЯНКА.

Мой Богъ!
О, Кассіо, мой дорогой, мой милый!
О, Кассіо! о, Кассіо ты мой!

ЯГО.

Прочь, блудная! Что, лейтенантъ у васъ
Ни на кого нѣтъ подозрѣнья, кто бы
Могъ сильно такъ васъ изувѣчить?

КАССИО.

Нѣтъ.

ГРАЦІАНО.

Мнѣ очень жаль, что здѣсь васъ нахожу я;
Я васъ искалъ.

ЯГО.

Нельзя ли одолжить
Подвязку мнѣ - вотъ такъ. О если бъ были
Носилки здѣсь, чтобъ отнести его
Покойнѣ.

БЪЯНКА.

Смотрите: онъ слабѣетъ.
О, Кассіо! о, Кассіо!

ЯГО.

Синьоры,
Подозрѣвать имѣю поводъ я,
Что эта тварь - участница въ разбоѣ.

(Къ Кассіо.)

Терпѣніе, мой добрый другъ. Теперь
Позвольте мнѣ вашъ факелъ и посмотримъ,
Знакомо ль намъ лицо другого?

(Подходитъ къ Родриго.)

Боже!
Мой добрый другъ, соотчичъ милый мой!
Родриго - ты ль! Да, точно, онъ. О, Небо!
Родриго!

ГРАЦІАНО.

Какъ, венеціанецъ?

ЯГО.

Да.
Онъ вамъ знакомъ?

ГРАЦІАНО.

Знакомъ ли? Да, и очень.

ЯГО.

Ахъ, это вы, синьоръ? Великодушно
Простите мнѣ. Кровавый этотъ случай
Послужить мнѣ, конечно, къ оправданью
Въ небрежности.

ГРАЦІАНО.

Я радъ васъ видѣть здѣсь.

ЯГО.

Ну, Кассіо, полегче ли? Носилки!
Носилки мнѣ!

ГРАЦІАНО.

Родриго.

ЯГО.

Онъ, онъ самъ!

(Приносятъ носилки.)

А, наконецъ, носилки! Ну, теперь
Вы, люди добрые, его отсюда
Несите осторожнѣе, а я
Пойду позвать, хирурга генерала.
(Бъянкъ.) А что до васъ касается, синьора,
Вы можете оставить попеченье.
Но знаете ли, Кассіо, что тотъ,
Кто здѣсь лежитъ убитымъ, другъ мой лучшій?
Что васъ могло поссорить?

КАССІО.

Ничего

Рѣшительно; я и не зналъ его.

Яго (Бьянкъ).

Ты это что такъ поблѣднѣла вдругъ?
Несите же скорѣй его отсюда.

(Кассіо и Родриго уносятъ.)

Синьоры, я прошу васъ обождать.

(Бьянкъ.)

Такъ отчего жъ блѣдна ты? Замѣчайте,
Какъ у нее глаза блуждаютъ. Ну,
Должно быть, мы не то еще узнаемъ.
Взгляните-ка, прошу васъ, на нее,
Да пристальнѣй, пожалуйста, взгляните!
Что, видите? О, и безъ языка
Заговорить умѣетъ преступленье!

Входитъ Эмилиа.

Эмилиа.

Что тутъ за шумъ? Что здѣсь случилось, Яго?

Яго.

Да въ темнотѣ Родриго и другіе
Бездѣльники, успѣвшіе бѣжать,
На Кассіо напали; тяжело раненъ
Нашъ Кассіо, Родриго же убить.

Эмилиа.

О, Боже мой! о, Кассіо несчастный!

Яго.

Вотъ каковы плоды распутства! Я
Прошу тебя, Эмилиа, сходи
И Кассіо спроси, гдѣ нынче ночью
Онъ ужиналъ. (Бьянкъ.) А, задрожала ты!

Бьянка.

Онъ ужиналъ сегодня у меня;
Но я дрожу совсѣмъ не отъ того.

Яго.

А, у тебя! Такъ слѣдуй же за мною!

Эмилиа.

Проклятая развратница!

Бьянка.

Неправда!
Такая же я честная, какъ ты,
Нанесшая мнѣ это оскорбленье.

Эмилія.

Какъ я! Ахъ ты, мерзавка!

Яго.

Ну, теперь,
Почтенные синьоры, не угодно ль
Пойти взглянуть на перевязку ранъ
У Кассіо несчастнаго? (*Бьянкетъ.*) За нами
И ты ступай; тамъ ты другую сказку
Разскажешь намъ. Эмилія, ты въ крѣпость
Бѣги скорѣй и обо всемъ, что здѣсь
Случилось, увѣдомъ генерала,
Его жену. Идемте же, синьоры. (*Въ сторону.*)
О, эта ночь должна меня сгубить,
Иль цѣль мою вполнѣ осуществить!

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Спальня. Дездемона спитъ на постели. На столѣ горитъ свѣча.

Входитъ Отелло.

Отелло.

Вотъ, вотъ причина - вотъ причина, сердце!
Не назову я вамъ ее, о звѣзды,
Безгрѣшныя свѣтила... Вотъ причина!
Но не хочу пролить я эту кровь;
Я не хочу царапать эту кожу
Бѣлѣ снѣга, глаже изваяній
Альбастровыхъ, но умереть ей должно.

(*Снимаетъ мечъ.*)

Да - умереть. Иначе и другихъ
Она еще обманетъ въ этомъ мірѣ.
Задутъ свѣчу, а тамъ... Задутъ свѣчу?
Когда тебя, мой огненный прислужникъ,
Я загашу, то, если въ томъ раскаюсь,
Могу опять зажечь; но загасивъ

Свѣтильникъ твой, чудесное созданье,
Прекраснѣйшій природы образецъ,
Найду ли гдѣ я пламя Прометея,
Чтобъ вновь зажечь потухшій твой огонь?
Я не могу, сорвавши розу, снова
Ей возвратить растительность! она
Должна увянуть. Такъ упьюсь же ею,
Пока она не сорвана еще. (*Цѣлуетъ ее.*)
О, сладкое дыханье! Правосудье
Само бы мечъ сломало предъ тобой.
Еще, еще. О, будь такой по смерти!
А я тебя убью. Еще, послѣдній разъ!
О, сладкое и страшное лобзанье!
Я плачу! Какъ ужасны эти слезы!
Моя печаль – печаль Небесъ: она
Караетъ все, что любить... А, проснулась!..

ДЕЗДЕМОНА.

Кто здѣсь? Отелло, ты?

ОТЕЛЛО.

Я, Дездемона.

ДЕЗДЕМОНА.

Что жъ не идешь ложиться ты, мой другъ?

ОТЕЛЛО.

Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

ДЕЗДЕМОНА.

Да, милый мой.

ОТЕЛЛО.

Когда ты за собою
Какой-нибудь припомнить можешь грѣхъ,
Котораго не отпустило Небо, -
Молись скорѣй.

ДЕЗДЕМОНА.

Что это значить, милый?

ОТЕЛЛО.

Ну-ну, молись; да только покороче.
Я подожду покамѣстъ. Не хочу я
Тебя убить, пока ты къ смерти духомъ
Не приготовилась - нѣтъ, Боже сохрани!
Твоей души я убивать не стану.

ДЕЗДЕМОНА.

Ты говоришь о смерти?

ОТЕЛЛО.

Да, о смерти.

ДЕЗДЕМОНА.

О, Господи, спаси меня!

ОТЕЛЛО.

Аминь
Отъ всей души.

ДЕЗДЕМОНА.

Аминь ты произносишь -
Такъ ты меня не умертвишь?

ОТЕЛЛО.

Гм! гм!

ДЕЗДЕМОНА.

И все-таки ты страшенъ мнѣ, Отелло!
Ты гибеленъ, когда твои глаза
Такъ бѣгаютъ. Мнѣ нечего бояться:
Я за собой совѣмъ вины не знаю,
И все жъ боюсь - я чувствую - боюсь.

ОТЕЛЛО.

Подумай о грѣхахъ своихъ скорѣе.

ДЕЗДЕМОНА.

Мои грѣхи - любовь моя къ тебѣ.

ОТЕЛЛО.

Вотъ за нее ты и умрешь сегодня.

ДЕЗДЕМОНА.

Смерть за любовь съ природой не согласна.
Какъ страшенъ ты! Зачѣмъ кусаешь губы?
Какое-то кровавое волненье
Приводитъ въ дрожь все существо твое.
То страшные предвѣстники; но все же
Надѣюсь я - надѣюсь, что не мнѣ
Быть жертвой ихъ.

ОТЕЛЛО.

Молчи, ни слова больше!

ДЕЗДЕМОНА.

Я замолчу. Чего жъ, скажи, ты хочешь?

309

ОТЕЛЛО.

Ты Кассіо платокъ тотъ отдала,
Что подарилъ тебѣ я и который
Былъ дорогъ мнѣ?

ДЕЗДЕМОНА.

О, нѣтъ, клянусь душой
И жизнию! За Кассіо пошли,
Спроси его.

ОТЕЛЛО.

О, милая, страшись,
Страшись, клятвопреступничать: вѣдь ты
Лежишь теперь на ложѣ смерти.

ДЕЗДЕМОНА.

Боже!
Но не убьешь же ты меня сейчасъ.

ОТЕЛЛО.

Сейчасъ. Итакъ, покайся добровольно
Въ своихъ грѣхахъ, затѣмъ, что даже клятвой,
Отъ каждаго отрекшись обвиненья,
Ты ни сломить, ни измѣнить не въ силахъ
Упорное рѣшеніе мое,
И для меня - предметъ тяжелыхъ стоновъ.
Такъ - ты умрешь!

ДЕЗДЕМОНА.

Спаси меня, о Боже!

ОТЕЛЛО.

Аминь.

ДЕЗДЕМОНА.

И ты, ты смилуешься также.
Я никогда тебя не оскорбляла -
Я Кассіо любила только тою
Любовію, какую Богъ велитъ

Питать ко всѣмъ на свѣтѣ. Не дарила
Я ничего ему.

ОТЕЛЛО.

Да Богъ свидѣтель,
Что мой платокъ я видѣлъ у него.
О, женщина коварная, ты въ камень
Мнѣ превращаешь сердце, заставляешь
То называть убійствомъ, что намѣренъ
Я совершить и что считалъ я жертвой!
У Кассіо платокъ я видѣлъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ
Нашелъ его - а я не отдавала.
Пошли за нимъ: пусть онъ всю правду скажетъ.

ОТЕЛЛО.

Ужъ онъ сказалъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Но что же?

ОТЕЛЛО.

Что съ тобою
Онъ былъ въ связи.

ДЕЗДЕМОНА.

Какъ? въ незаконной?

ОТЕЛЛО.

Да.

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ этого не повторить.

ОТЕЛЛО.

Конечно,
Затѣмъ, что ротъ ему теперь зажали.
Объ этомъ постарался честный Яго.

ДЕЗДЕМОНА.

Мой ужасъ все мнѣ объяснилъ: онъ умеръ?

ОТЕЛЛО.

Да если бъ каждый волосъ у него
Былъ жизнію, то волосомъ бы каждымъ
Я утолилъ месть страшную мою.

ДЕЗДЕМОНА.

О, горе! онъ обмануть клеветою!
Погибла я!

ОТЕЛЛО.

Ага, прелюбодѣйка!
Въ моихъ глазахъ о немъ ты смѣешь плакать!

ДЕЗДЕМОНА.

Не убивай, а прогони меня!

ОТЕЛЛО.

Смерть, смерть блудницѣ!

ДЕЗДЕМОНА.

О, убей хоть завтра;
Но эту ночь дай мнѣ прожить!

ОТЕЛЛО.

Напрасно!

ДЕЗДЕМОНА.

Хоть полчаса.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ отсрочка?

ДЕЗДЕМОНА.

Дай мнѣ прочесть молитву.

ОТЕЛЛО.

Поздно, поздно!

(Душитъ ее.)

ЭМИЛИЯ *(за сценой)*.

Синьоръ, синьоръ! Скорѣе - отоприте!

ОТЕЛЛО.

Что тамъ за шумъ? Жива - еще жива!
О, я жестокъ, но знаю милосердье:
Я не хочу продлить твоихъ мученій.
Вотъ такъ, вотъ такъ!

ЭМИЛИЯ.

Синьоръ! синьоръ скорѣй!

ОТЕЛЛО.

Кто тамъ?

ЭМИЛІЯ.

Синьоръ, должна сію минуту
Я видѣть васъ!

ОТЕЛЛО.

Сейчасъ. Она мертва!
Эмилія пришла, какъ видно, съ вѣстью
О Кассіо. А крику было много!
Мертва: не шевельнется, какъ могила
Недвижная! Впускать иль не впускать?
Не дурно ли я сдѣлаю? Какъ будто

310

Опять пошевелилась. Нѣтъ, недвижна!
Какъ поступить? Когда она войдетъ,
Заговоритъ сейчасъ съ моей женою...
Моей женой, моей женой! Какой?
Нѣтъ у меня жены. О, тяжело!
О, страшный часъ! о, часъ невыносимый!
Мнѣ кажется, сейчасъ луна и солнце
Затмятся совершенно, и земля
Отъ ужаса подъ нами затрясется...

ЭМИЛІЯ (*за сценой*).

Синьоръ, синьоръ, я умоляю васъ;
Я жду! Скорѣй!

ОТЕЛЛО.

Я и забылъ про эту...
Войди, войди, Эмилія! Постой!
Сейчасъ! Задерну прежде пологъ.

(*Идетъ и открываетъ дверь.*)

Входитъ Эмилія.

ОТЕЛЛО.

Ну, что? зачѣмъ явилась ты сюда?

ЭМИЛІЯ.

О, генералъ мой добрый, тамъ случилось
Гнуснѣйшее убійство.

ОТЕЛЛО.

Какъ? теперъ?

ЭМИЛІЯ.

Да, только что.

ОТЕЛЛО.

Тому виною мѣсяць!
Онъ болѣе обычнаго къ землѣ
Приблизился - и люди всѣ взбѣсились.

ЭМИЛІЯ.

Тамъ Кассіо убилъ венеціанца,
По имени Родриго.

ОТЕЛЛО.

Какъ, убить
Родриго? Ну, и Кассіо убить?

ЭМИЛІЯ.

Нѣтъ, Кассіо остался живъ.

ОТЕЛЛО.

Остался?
О, если такъ, не свершено убійство,
И грозно мечь отрадная растеть!

ДЕЗДЕМОНА.

О, безъ вины убита! безъ вины!

ЭМИЛІЯ.

Чей это стонъ?

ОТЕЛЛО.

Стонъ? гдѣ?

ЭМИЛІЯ.

Помилуй Боже!
Да это стонъ синьоры! О, сюда!
На помощь мнѣ, на помощь! О, синьора,
О, милая синьора, что-нибудь
Скажите мнѣ, скажите, Дездемона!

ДЕЗДЕМОНА.

Невинною я умираю.

ЭМИЛІЯ.

Кто же
Убійца вашъ?

ДЕЗДЕМОНА.

Никто... сама... Прощай!
Мой добрый мужъ... Привѣтъ ему послѣдній
Ты передай! Прости! *(Умираетъ.)*

ОТЕЛЛО.

Кто бъ это могъ
Ее убить?

ЭМИЛИЯ.

Увы! какъ знать?

ОТЕЛЛО.

Однако,
Слыхала ты - она сама сказала,
Что умертвилъ ее не я.

ЭМИЛИЯ.

Да, правда:
Я не могу того не подтвердить.

ОТЕЛЛО.

Такъ лгуньею отправилась она
Въ кромѣшный адъ: я - я ея убійца!

ЭМИЛИЯ.

О, если такъ, тѣмъ болѣе она
Безгрѣшный духъ, а ты - проклятый дьяволъ!

ОТЕЛЛО.

Она съ пути разумнаго сошла
И сдѣлалась развратницей.

ЭМИЛИЯ.

Неправда!
Ты на нее клеветешь - дьяволъ ты!

ОТЕЛЛО.

Она была коварна, какъ вода.

ЭМИЛИЯ.

Ты, какъ огонь, безуменъ, если можешь
Такъ говорить. О, нѣтъ, она, какъ Небо,
Была вѣрна!

ОТЕЛЛО.

Съ ней Кассіо въ связи

Преступной жилъ. Спросить объ этомъ можешь
У мужа ты. О, если бы на крайность
Такую я рѣшился безъ причинъ
Серьезнѣйшихъ, то стоило бъ низвергнуть
Меня на дно глубокихъ адскихъ безднъ.
Про это все твой мужъ отлично знаетъ.

ЭМИЛІЯ.

Мой мужъ?

ОТЕЛЛО.

Твой мужъ.

ЭМИЛІЯ.

Онъ знаетъ, что синьора
Нарушила обѣтъ свой брачный?

ОТЕЛЛО.

Да -
И Кассіо ея сообщникъ. Если бъ

311

Она была вѣрна, то создавай
Мнѣ небо міръ другой изъ хризолита
Чистѣйшаго, безъ примѣси - ее
И за него я никогда бъ не отдалъ.

ЭМИЛІЯ.

Мой мужъ?

ОТЕЛЛО.

Да, онъ сказалъ мнѣ прежде всѣхъ:
Онъ человѣкъ честнѣйшій и питаетъ
Лишь ненависть къ той грязи, что лежитъ
На всѣхъ дѣлахъ безнравственныхъ.

ЭМИЛІЯ.

Мой мужъ?

ОТЕЛЛО.

И для чего всѣ эти повторенья?
Ну да, твой мужъ.

ЭМИЛІЯ.

О, бѣдная синьора,

Какъ надъ твоей любовью посмѣялась
Злость гнусная! И мужъ мой могъ назвать
Измѣнницей ее?

ОТЕЛЛО.

Да, повторяю:
Онъ, онъ, твой мужъ! Да что ты это слово
Какъ будто бы забыла понимать?
Мой другъ, твой мужъ, мой честный, честный Яго.

ЭМИЛИЯ.

О, если онъ сказалъ такую вещь,
Такъ пусть его презрѣнная душа
По полкрупинкѣ въ день сгниваетъ. Подло
Онъ лгалъ! Она ужъ слишкомъ горячо
Любила свой несчастный, скверный выборъ.

ОТЕЛЛО.

А!

ЭМИЛИЯ.

Поступай, какъ только хочешь, гадко,
Поступокъ твой съ женой достоинъ Неба
Настолько же, насколько ты - ея.

ОТЕЛЛО.

Молчи, молчи! тебѣ же будетъ лучше.

ЭМИЛИЯ.

Ты сдѣлать мнѣ не можешь половины
Того, что я перенести могу.
О, негодяй! О, безтолковый, грязный
Глупецъ! Теперь ты дѣло совершилъ:
Не страшенъ мнѣ твой мечъ. Изобличу я
При всѣхъ тебѣ, хотя бы потерять
Для этого пришлось мнѣ двадцать жизней.
О, помогите, помогите, помогите:
Мавръ умертвилъ жену свою! Убійство!

Входятъ: МОНТАНО, ГРАЦІАНО, Яго и другіе.

МОНТАНО.

Что здѣсь за шумъ? Что, генералъ случилось?

ЭМИЛИЯ.

А, Яго, ты? Ну, нечего сказать,
Ты молодецъ, когда другіе могутъ
Тебя въ своихъ убійствахъ обвинять.

ГРАЦІАНО.

Въ чемъ дѣло здѣсь?

ЭМИЛІЯ.

Когда мужчина ты,
Такъ обличи вотъ этого мерзавца:
Онъ говоритъ, что ты ему сказалъ,
Что будто бы жена его преступна.
Я знаю - ты не говорилъ того:
Ты не такой безсовѣстный. Скажи же:
Моя душа ужъ черезчуръ полна.

ЯГО.

Я говорилъ ему то, что я думалъ,
И не сказалъ я болѣе того,
Что онъ и самъ призналъ возможнымъ, вѣрнымъ.

ЭМИЛІЯ.

Но ты ему сказалъ ли, что она
Измѣнницей была?

ЯГО.

Да, я сказалъ.

ЭМИЛІЯ.

И ты солгалъ, солгалъ постыдно, гнусно!
Клянусь душой, ты подло клеветалъ.
Она, она измѣнница супругу
Для Кассіо? Ты Кассіо назвалъ?

ЯГО.

Да, Кассіо. Попридержи, однако,
Языкъ.

ЭМИЛІЯ.

Нѣтъ, я его не придержу:
Я говорить обязана. Синьора,
Убитая, лежитъ въ постели здѣсь.

ВСѢ.

О, Господи, спаси насъ и помилуй!

ЭМИЛІЯ.

И клевета твоя виной убійства.

ОТЕЛЛО.

Что жъ стали вы, синьоры? Это правда!

ГРАЦІАНО.

Ужасная, чудовищная правда!

МОНТАНО.

Чудовищный поступокъ!

ЭМИЛИЯ.

Гнусный, гнусный!

Я думаю о немъ, припоминаю -

И яснымъ онъ становится. О, гнусность!

Я и тогда такъ думала. Отъ горя

Готова я убить себя теперь.

О, гнусность, гнусность!

ЯГО.

Да что съ тобой! ты что-то помѣшалась.

Ступай домой - приказываю я.

312

ЭМИЛИЯ.

О, добрые синьоры! не мѣшайте

Мнѣ все сказать... Хотя я должна ему

Послушной быть, но не теперь... Да, Яго,

Быть-можетъ, я домой ужъ не вернусь...

ОТЕЛЛО (*бросаясь на постель*).

О-о-о-о!

ЭМИЛИЯ.

Да, да, лежи, реви!

Ты погубилъ чистѣйшую невинность,

Какая лишь смотрѣла на людей.

ОТЕЛЛО (*приподымаясь*).

О, нѣтъ, она была полна пороковъ!

(*Къ Граціано.*)

Я знаю васъ немного, дядя...

Племянница родная ваша здѣсь

Лежитъ, и въ ней дыханье прекратили

Дѣйствительно вотъ эти руки. Я

Согласенъ съ тѣмъ, что мой поступокъ звѣрскимъ,

Безстыднѣйшимъ казаться долженъ вамъ.

ГРАЦІАНО.

Несчастливая племянница! Я радъ,
Что твоего отца ужъ нѣтъ на свѣтѣ:
Твой бракъ нанесъ ему ударъ смертельный,
И эта скорбь порвала нить его
Преклонныхъ лѣтъ; будь онъ теперь въ живыхъ,
Онъ предался бѣ отчаянью, съ проклятьемъ
Отвергнулъ бы навѣки отъ себя
Онъ ангела-хранителя и душу
На вѣчную бы гибель осудилъ.

ОТЕЛЛО.

Ужасно это все; но Яго знаетъ,
Что съ Кассіо разъ тысячу она
Была въ связи прелюбодѣйной. Самъ онъ
Сознался въ томъ. Въ награду за любовь
Она дала ему мой первый даръ,
Залогъ любви моей отдать рѣшилась...
Его въ рукахъ у Кассіо я видѣлъ:
То былъ платокъ, который мой отецъ
Далъ матери моей.

ЭМИЛІЯ.

О, силы Неба!
О, Боже мой!

ЯГО.

Эй, замолчи!

ЭМИЛІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Я все скажу! Мнѣ замолчать? Какъ вѣтеръ,
Я говорить здѣсь стану неудержно:
Пусть Небеса, пусть люди, черти - все,
Все на меня возстанетъ грозно - буду
Я говорить...

ЯГО.

Одумайся! ступай
Къ себѣ домой.

ЭМИЛІЯ.

Я не хочу.

(Яго бросается на нее.)

ГРАЦІАНО.

Фи, Яго!
На женщину, съ мечомъ!

Эмилія.

О, глупый мавръ!
Вѣдь, тотъ платокъ, который видѣлъ ты,
Случайно я нашла и послѣ мужу
Дала его затѣмъ, что онъ не разъ
Украсть его просилъ меня съ такою
Настойчивой серьезностью, какой
Не стоила бездѣлка эта, право.

Яго.

Тварь гнусная!

Эмилія.

Чтобъ Кассіо она
Дала платокъ? - Нѣтъ! онъ былъ найденъ мною,
И мужу я - увы! - дала его.

Яго.

Лжешь, мерзкая!

Эмилія.

Не лгу, клянуся Небомъ!
Синьоры, я не лгу! О, безразсудный
Убійца! Что жъ, и то сказать, что было
Съ такой женой прелестнѣйшею дѣлать
Глупцу такому?

Отелло.

Неужели стрѣлы
Лишь для того на небѣ, чтобъ гремѣть!
О, дорогой мерзавецъ!

(Бросается на Яго, который поражаетъ Эмилию и убѣгаетъ.)

Граціано.

Посмотрите -
Шатается и падаетъ она.
Сомнѣнья нѣтъ: жену свою убилъ онъ.

Эмилія.

Да, да... Теперь къ моей синьорѣ
Поближе положите.

Граціано.

Онъ ушелъ,

Но надъ женой совершено убійство.

МОНТАНО.

Гнуснѣйшій плутъ! Возьмите этотъ мечъ,
Который мной у мавра отнять. Станьте
За дверью здѣсь и ни за что его
Отсюда не пускайте, хоть бы даже
Убить его пришлось; а я бѣгу
За этимъ негодяемъ, за проклятымъ
Разбойникомъ.

(Монтано и Граціано уходятъ.)

ОТЕЛЛО.

Какъ обезсилѣлъ я...
Мальчишка мечъ изъ рукъ моихъ исторгнулъ!

313

Да и зачѣмъ честь будетъ дольше жить,
Чѣмъ честность? Все, все для меня погибло!

ЭМИЛИЯ.

Голубушка, такъ вотъ что пѣснь твоя
Пророчила! Послушай, если можешь
Ты слышать: я здѣсь лебедемъ явлюсь
И съ пѣсенкой про *иву, иву, иву*
Умру. Знай, мавръ, она была чиста;
Жестокій мавръ, она тебя любила.
О, если бы душа моя такъ вѣрно
Могла спастись, какъ вѣрно то, что я
Здѣсь говорю... и говорю всю правду...
Я умираю, умираю... *(Умираетъ.)*

ОТЕЛЛО.

Было
Здѣсь у меня еще одно оружье -
Испанскій мечъ, что въ ледяной водѣ
Я закалилъ... А, вотъ и онъ. Эй, дядя,
Пусти меня, я выйду.

ГРАЦИАНО *(за дверью)*.

Если ты
Попробуешь – не дешево заплатишь.
Не забывай, что безоруженъ ты,
И потому терпи безъ прекословья.

ОТЕЛЛО.

Ну, такъ войди сюда, чтобы со мной
Поговорить, а то и безъ оружья
Я на тебя не побоюсь напасть.

Входитъ ГРАЦІАНО.

ГРАЦІАНО.

Ну, что тебѣ?

ОТЕЛЛО.

Смотри: въ рукахъ моихъ
Есть мечъ такой, какой еще ни разу
Не украшалъ солдатскаго бедра.
Была пора - вотъ эта небольшая
Рука моя и этотъ добрый мечъ
Дорогу мнѣ свободно пролагали
Сквозь цѣлый рядъ препятствій, въ двадцать разъ
Сильнѣе тѣхъ, какія ты поставилъ.
Но... для чего напрасно хвастать? Кто
Преодолѣть судьбы велѣнья можетъ?
Моя пора минула. Не страшись,
Хоть предъ тобой съ мечомъ въ рукѣ стою я:
Мой путь свершенъ, и здѣсь его конецъ;
Здѣсь пристань та, гдѣ мой корабль спускаетъ
Всѣ паруса... Не отступай назадъ...
Не бойся такъ - боязнь твоя напрасна.
Тронь тростникомъ Отелло грудь - и онъ
Попытится... Куда пойдетъ Отелло?

(Обращаясь къ трупу Дездемоны.)

Несчастливая, какъ измѣнилась ты!
Блѣдна, какъ ткань твоей сорочки! О,
Когда къ суду мы явимся съ тобою,
Твой взглядъ мою низринетъ душу съ неба
А дьяволы подхватятъ на лету.
Ты холодна, ты холодна, подруга,
Какъ чистота твоя! О, рабъ проклятый!
Ну, демоны, гоните прочь меня
Отъ этого небеснаго созданья!
Крутите въ вихрь бурномъ! жарьте въ сѣрѣ,
Купайте въ глубочайшихъ безднахъ, полныхъ
Текучаго огня! О, Дездемона!
Мертва! О, Дездемона! О! о! о!

*Входятъ: Лодовико, Монтано, Кассіо,
несомый на носилкахъ, и офицеры, между ними Яго, связанный.*

ЛОДОВИКО.

Гдѣ тотъ безумный и несчастнѣйшій человѣкъ?

ОТЕЛЛО.

Что прежде былъ Отелло? Здѣсь.

ЛОДОВИКО.

Гдѣ эта
Змѣя? Пускай мерзавецъ подойдетъ.

ОТЕЛЛО.

Я на ноги смотрю его; но это
Все выдумки; коль ты и вправду чортъ,
Убить тебя мнѣ, вѣрно, не удастся.

(Ранитъ Яго.)

ЛОДОВИКО.

Возьмите мечъ изъ рукъ его!

ЯГО.

Я раненъ,
Но не убить.

ОТЕЛЛО.

Я очень радъ тому.
Желалъ бы я, чтобъ жилъ ты. Умереть,
По моему, блаженство.

ЛОДОВИКО.

О, Отелло!
Какъ мнѣ назвать тебя, который прежде
Героемъ былъ, а нынче жертвой сталъ
Проклятаго мерзавца?

ОТЕЛЛО.

Какъ-нибудь:
Желаете - такъ назовите честнымъ
Убійцею, затѣмъ, что ничего
Я не свершилъ изъ ненависти, все же -
Изъ чести лишь.

ЛОДОВИКО.

Мерзавецъ этотъ намъ
Уже почти сознался въ гнусномъ дѣлѣ.
То правда ли, что согласились съ нимъ
Вы Кассіо убить?

ОТЕЛЛО.

Да, это правда.

314

КАССИО.

Я никогда, мой добрый генералъ,
Вамъ повода не подавалъ.

ОТЕЛЛО.

Я вѣрю
И васъ прошу простить меня. Пускай
Отвѣтитъ вамъ вотъ этотъ полудьяволъ -
Къ чему мой духъ и тѣло страшно такъ
Опуталъ онъ?

ЯГО.

Оставьте всѣ разспросы.
Что знаете - то знайте. Съ этихъ поръ
Ни одного я слова не промолвлю.

ЛОДОВИКО.

Какъ, и затѣмъ, чтобъ помолиться?

ГРАЦІАНО.

Пытка
Твой ротъ раскрыть сумѣетъ.

ОТЕЛЛО.

Да, ты правъ:
Придумалъ ты отличнѣйшее средство.

ЛОДОВИКО.

Теперь, синьоръ, я объясню вамъ то,
Что вамъ еще, конечно, неизвѣстно.
Вотъ здѣсь письмо, которое нашли
Въ карманѣ у убитаго Родриго;
А вотъ еще письмо. Въ одномъ изъ нихъ
О Кассіо убійствѣ говорится,
Которое Родриго долженъ былъ
Взять на себя.

ОТЕЛЛО.

О, негодяй!

КАССИО.

Язычникъ

Одинъ лишь могъ такъ гнусно поступить.

ЛОДОВИКО.

Въ другомъ письмѣ - его нашли мы такъ же,
Какъ первое, въ карманѣ у Родриго -
Онъ сердится; какъ видно, онъ хотѣлъ
Его послать вотъ къ этому мерзавцу
Проклятому, но Яго, вѣрно, самъ
Къ нему пришелъ и успокоилъ...

ОТЕЛЛО.

Страшный,
Опасный плутъ. Но, Кассіо, откуда
Къ тебѣ попалъ платокъ моей жены?

КАССИО.

Его нашелъ я въ комнатѣ своей,
А Яго намъ вотъ только-что сознался,
Что съ умысломъ особеннымъ его
Онъ обронилъ - и замысль удался.

ОТЕЛЛО.

О, я, глупецъ, глупецъ, глупецъ!

КАССИО.

Родриго

Въ своемъ письмѣ упреки Яго шлетъ
Еще за то, что тотъ подбилъ его
Поссориться со мною въ караулѣ,
Изъ-за чего я мѣсто потерялъ;
И, наконецъ, Родриго самъ, который
Казался намъ умершимъ, вдругъ очнулся
И разсказалъ, что Яго подстрекнулъ
Его вступить со мною въ бой сегодня,
И Яго же убилъ его...

ЛОДОВИКО.

Теперь,

Отелло, вы должны отсюда выйти
И слѣдовать за нами. Ваша власть
Снимается, и Кассіо назначенъ
Правителемъ на Кипрѣ вмѣсто васъ.
Что жъ этого касается мерзавца,
То сколько есть ужасныхъ, долгихъ мукъ,
Придуманныхъ умомъ жестокосерднымъ -

Всѣмъ до одной подвергнуть будетъ онъ.
Вы плѣнникомъ останетесь, покуда
Мы донесемъ въ сенатъ венеціанскій
О вашемъ преступленіи. Ведите
Его за мной!

ОТЕЛЛО.

Постойте. Слова два
Хочу сказать вамъ прежде. Я немало
Оказывалъ республикѣ услугъ -
И это ей извѣстно. Не объ этомъ
Здѣсь рѣчь моя. Я васъ прошу, когда
Вы будете объ этихъ всѣхъ несчастяхъ
Писать въ сенатъ, такимъ меня представить,
Каковъ я есть, ни уменьшать вину,
Ни прибавлять къ ней ничего нарочно...
Пишите имъ, что я былъ человѣкъ
Съ любовію безумною, но страстной;
Что ревность я не скоро ощущалъ,
Но, ощутивъ, не зналъ уже предѣловъ;
Что, какъ глупецъ-индіецъ, я отбросилъ
Жемчужину, дороже всѣхъ сокровищъ
Его страны; что изъ моихъ очей,
Къ слезливымъ ощущеньямъ непривычныхъ,
Теперь текутъ струей обильной слезы,
Какъ изъ деревъ Аравіи камедь.
И къ этому всему потомъ прибавьте,
Что разъ одинъ, въ Алеппо, увидавъ,
Какъ турокъ злой, ругаясь надъ сенатомъ,
При этомъ билъ венеціанца - я
За горло взялъ обрѣзанца-собаку
И закололъ его - вотъ точно такъ...

(Закалывается.)

ЛОДОВИКО.

Кровавая развязка!

ОТЕЛЛО (*падая на трупъ Дездемоны*).

Съ поцѣлуемъ
Я убивалъ тебя, и съ поцѣлуемъ
Я смерть свою встрѣчаю близъ тебя!

(Умираетъ.)

КАССИО.

Вотъ этого я опасался, зная

Величіе души его; но мнѣ
Казалось, что онъ обезоруженъ.

ЛОДОВИКО (къ Яго).

Спартанскій песь, ты, болѣе жестокій,
Чѣмъ океанъ, чѣмъ голодъ, чѣмъ чума!
Взгляни сюда, на это бремя, страшно
Упавшее на это ложе - ты
Виной всему! Ахъ, это ложе - ядъ
Для зрѣнія; скорѣй его закройте.
Вы въ домъ здѣсь останьтесь, Граціано,
И такъ какъ вы наслѣдникъ мавра, вамъ
Имущество принять въ порядкѣ надо.

(Къ Кассіо.)

Вамъ, господинъ правитель, предстоитъ
Казнь совершить надъ этимъ адскимъ плутомъ,
Назначить день и мѣсто, пытку выбрать...
О, что-нибудь найдите посильнѣе!
А я на родину - и съ грустнымъ сердцемъ тамъ
Событіе грустное сенату передамъ.

(Уходятъ.)

П. Вейнбергъ.

ПРИМѢЧАНІЯ «КЪ ОТЕЛЛО».

Дѣйствіе I, сцена I.

Яго.

*А вы, чтобы вѣрнѣй его найти,
Брабанціо къ «Стрѣлку» теперь направьте.*

Стрѣлокъ — у Шекспира *Sagittary* — спорный пунктъ между комментаторами: одни утверждаютъ, безъ всякаго положительнаго основанія что это названіе *гостинницы со стрѣлкомъ на вывѣскѣ*; другіе, а между ними и Найтъ (The Standart edit. of the pictor. Schakespeare. Vol. IV, 264) говоритъ, что названіе *Sagitiary* давалось въ арсеналѣ мѣстопробыванію главныхъ начальниковъ флота и арміи, потому что надъ воротами его поставленъ стрѣлокъ съ натянутымъ лукомъ.

«Вѣроятно, Шекспиръ случайно видѣлъ рисунокъ этого скульптурнаго изображенія», добавляетъ Найтъ. Едва ли такія объясненія возможны къ тексту Шекспира, такъ мало заботившагося объ археологической точности въ своихъ пьесахъ.

Дѣйствіе I, сцена III.

ОТЕЛЛО.

..... Скажу, какими
Снадобьями и чарами, какимъ
Шептаніемъ и колдовствомъ всесильнымъ —
Въдь, въ этомъ я предъ вами обвиненъ —
Привлекъ къ себѣ я дочь его.

Въ этихъ словахъ видятъ прямое отношеніе къ современности и, слѣдовательно, еще одно доказательство того, что «Отелло» написанъ Шекспиромъ въ 1602 году, потому что это мѣсто служить почти буквальнымъ повтореніемъ одного изъ первыхъ указовъ Якова I, въ которомъ говорится, что «если кто-либо при помощи *въдовства* (witchcraft), *заговора* (inchantment), *чарованья* (charm), или *волшебства* (sorcery) попытается кого-либо вызвать на незаконную любовь или сожительство и будетъ въ томъ уличенъ передъ закономъ, тотъ, на первый разъ, долженъ подвергнуться заключенію». У Шекспира видимъ не только ту же самую мысль, но и тѣ же слова: *drugs, charms, conjuration, magic*.

Тамъ же.

ОТЕЛЛО.

Говорилъ я
.....
.....
О каннибалахъ, что ѣдятъ другъ друга,
О племени антропофаговъ злыхъ
И о людяхъ, которыхъ плечи выше,
Чѣмъ головы.

Такого рода баснословные рассказы были еще въ большой модѣ въ Шекспирово время. Такъ, напримѣръ, Ралей, въ своемъ путешествіи въ Гвіану, въ 1595, сообщаетъ, между прочимъ, что «близъ Арви (рѣки, впадающей, по его словамъ, въ Ориноко) есть двѣ рѣки, Атоика и Каова; и на послѣдней рѣкѣ живетъ народъ, у котораго головъ не видать надъ плечами; говорятъ, что и глаза у нихъ на плечахъ и ротъ посреди груди, и что густые волосы растутъ у нихъ сзади, между плечами». Голландскій географъ, Хондіусъ, въ 1599 году, издалъ замѣчательнѣйшіе отрывки Ралеева путешествія въ латинскомъ переводѣ и даже приложилъ изображенія антропофаговъ, амазонокъ и безголовыхъ людей.

ДЕЗДЕМОНА. *Это все старые и глупые парадоксы, придуманные для увеселения глупцовъ въ трактирахъ.*

Переводчикъ здѣсь словомъ *трактиръ* замѣнилъ Шекспирово *alehouses*; этимъ онъ перенесъ на общеевропейскую почву такое выраженіе, которое вполнѣ принадлежало — въ устахъ поэта англійской почвѣ, потому что *alehouses* немыслимы нигдѣ, кромѣ Англiи. Но таковъ ужъ обычай Шекспира и всѣхъ его соотечественниковъ: навязывать всѣмъ народностямъ условія современной ему англійской жизни.

Тамъ же:

ЯГО.

*Та, которая настолько здоровымъ смысломъ обладаетъ,
Что башку трески на семги хвостъ никакъ не промѣняетъ.*

То-есть нѣжное и дорогое блюдо — на грубую и дешевую пищу. Найтъ приводитъ по этому поводу любопытное мѣсто изъ прихорасходныхъ книгъ Елисаветы, гдѣ именно говорится: «the master cooks shall have to fee all the salmon's tails».

Дѣйствіе II, сцена III.

ЯГО. *Я выучилъ ее въ Англiи. Вотъ гдѣ умѣютъ пить, какъ слѣдуетъ!*

Весь отрывокъ этотъ, до слѣдующей пѣсни, опять-таки очень странно звучитъ въ устахъ венеціанца: такое сравненіе англичанъ съ другими націями, по отношенію къ тому, кто можетъ больше выпить, явное произведеніе народнаго англійскаго юмора. Предпочтеніе, которое отдаетъ англичанамъ Яго, впрочѣмъ, совершенно согласно съ историческими извѣстіями, изъ которыхъ узнаемъ, что пьянство во времена Елизаветы достигло въ народѣ баснословныхъ размѣровъ и было даже, вслѣдствіе преимущественнаго употребленія спиртныхъ напитковъ и незначительнаго распространенія виноградныхъ — причиною большой смертности.

Тамъ же.

ЯГО.

*Король Стефанъ — вельможа славный былъ
Штаны себѣ всего за крону сшилъ; —*

Здѣсь Шекспиръ заимствуетъ отрывокъ изъ одной народной баллады, занесенной по предположенію англійскихъ критиковъ,

изъ Шотландіи въ Англію. *Перси* (въ своихъ *Reliques of ancient english poetry*, стр. 57) приводитъ ее цѣликомъ. Содержаніе баллады состоитъ въ разговорѣ жены съ мужемъ, который собирается бросить свой старый плащъ и, въ замѣну его, купить себѣ новый; онъ представляетъ свои доводы и заканчиваетъ ихъ припѣвомъ:

«Я хочу, чтобы былъ у меня новый плащъ».

Жена, напротивъ, уговариваетъ его оставить старый плащъ: въ этомъ плащѣ она впервые его увидала; въ этомъ плащѣ онъ, женившись на ней, ходитъ столько лѣтъ, что успѣлъ вырастить всѣхъ своихъ дѣтокъ: и вотъ въ силу этихъ-то воспоминаній, связанныхъ съ плащомъ, жена заканчиваетъ свои доводы припѣвомъ: «Оставь при себѣ свой старый плащъ».

Когда же мужъ продолжаетъ стоять на своемъ, тогда жена рѣшается привести ему въ примѣръ короля Стефана:

«Король Стефанъ — вельможа славный былъ —
Штаны себѣ всего за крону сшилъ».

Этотъ примѣръ совершенно убѣждаетъ мужа, и онъ заканчиваетъ балладу новымъ припѣвомъ:

«Я при себѣ оставляю свой старый плащъ».

Дѣйствіе III, сцена I.

Входитъ Шутъ.

Шутъ (clown), который является еще разъ въ «Отелло» въ томъ же дѣйствіи и въ оба раза говоритъ всего по нѣсколько словъ, при чѣмъ рѣчи его состоятъ изъ остротъ и двусмысленностей. Этого *шута* (clown) — *сценическаго шута*, если можно такъ выразиться — должно отличать отъ *дурака* (fool) или домашнего шута. Последніе бывали въ средніе вѣка почти общеевропейскою принадлежностью всякаго, сколько-нибудь знатнаго, дома и тѣмъ болѣе каждаго двора; что же касается *клоуновъ*, то они составляютъ исключительную принадлежность средневѣковаго англійскаго театра и удержались на англійской сценѣ почти до половины XVII вѣка. Значеніе ихъ на сценѣ совершенно равнялось значенію итальянскаго *паяца*; они точно такъ же не участвовали въ самой пьесѣ, а являлись въ интермедіяхъ, которыя и наполняли цѣлымъ потокомъ самыхъ плоскихъ и грязныхъ шутокъ.

Дѣйствіе III, сцена III.

Яго.

..... она —

*Чудовище съ зелеными глазами,
Съ насмѣшкой ядовитою надъ тѣмъ,
Что пищею ей служитъ...*

Замѣчательно близко подходит это опредѣленіе ревности къ извѣстному афоризму Гёте.

Eifersucht ist eine Leidenschaft,
Die mit Eifer sucht was Leiden schafft.

Тамъ же.

ЯГО.

..... Ни макъ, ни мандрагора
Не возвратятъ тебѣ твой мирный сонъ.

Корень мандрагора, имѣющій одуряющія свойства подобно опиуму, считался въ средніе вѣка однимъ изъ важнѣйшихъ лѣчебныхъ средствъ; его считали важнымъ возбуждающимъ средствомъ и приписывали ему даже такія свойства, какихъ у него никогда не бывало. Во многихъ средневѣковыхъ повѣстяхъ мандрагора играетъ весьма видную роль.

Тамъ же.

ОТЕЛЛО.

Простите вы, пернатая войска

Здѣсь разумѣются всадники, украшенные султанами изъ перьевъ.

Дѣйствіе III, сцена IV.

Вотъ буквальный переводъ этого мѣста.

ДЕЗДЕМОНА. Не знаешь ли, любезный, гдѣ живетъ (where lies) лейтенантъ Кассіо?

ШУТЪ. Я не смѣю сказать, чтобы онъ лгалъ (he lies) гдѣ-либо.

ДЕЗДЕМОНА. Какъ такъ?

ШУТЪ. Да вѣдь, онъ солдатъ; ну, а если сказать о солдатѣ, что онъ лжетъ, то это для меня можетъ быть накладно.

Здѣсь каламбуръ шута основанъ на внѣшнемъ сходствѣ производныхъ формъ отъ глаголовъ *to lay* — *лежать, оставаться на мѣстѣ, проживать* — и *to lie* — *лгать*.

Тамъ же.

ОТЕЛЛО.

*По нынѣшней геральдикѣ, дается
Одна рука — не сердце.*

Много натяжекъ употребляли комментаторы на то, чтобы доказать связь этого мѣста съ указомъ Якова I (1612 г.), которымъ тотъ, учредивъ въ 1611 г. баронетство, давалъ баронетамъ гербъ, и въ немъ, между прочимъ, упоминаются «въ серебряномъ полѣ кровавыя руки». Можно, однакоже, положительно утверждать, что это просто метафорическое выраженіе, не имѣющее никакого отношенія къ указу Якова, тѣмъ болѣе, что «Отелло», какъ мы видимъ, уже существовалъ въ 1602 г. И въ такомъ намекѣ — если бы его допустить — пришлось бы видѣть позднѣйшую вставку.

Тамъ же.

ОТЕЛЛО.

..... Нехорошо!

Имъ мать мою цыганка подарила.

Все описаніе платка — превосходное само по себѣ — принадлежитъ самому Шекспиру. Желаніе запутать Дездемону и, запутавъ, тѣмъ легче выманить отъ нея признаніе въ мнимой виновности — вотъ что заставило Отелло такими яркими чертами описать платокъ и такъ преувеличить его значеніе. Въ самой новеллѣ сказано только, что «этотъ платокъ былъ очень искусно въ мавританскомъ вкусѣ вышитъ, и какъ Дездемонѣ, такъ и мавру очень дорогъ».

Тамъ же.

ОТЕЛЛО.

..... Платокъ тотъ вышитъ былъ

Въ пророческомъ неистовствѣ Сивиллой —

Сивилла — этотъ идеаль древней изступленной предвѣщательницы, вмѣстѣ съ очень немногими другими представителями классической древности, пользовалась по особенному случаю большимъ уваженіемъ въ первые вѣка христіанства, а потому и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Уваженіе это основывалось на апокрифическомъ преданіи, по которому Сивилла будто бы предсказала Августу, что родится младенецъ, котораго царство будетъ обширнѣе его имперіи.

Дѣйствіе IV, сцена III.

ДЕЗДЕМОНА (*поетъ*).

Бѣдняжка сидѣла въ тѣни сикоморы, вздыхая...

Въ вышеприведенномъ сборникѣ старинныхъ англійскихъ пѣсень (Percy Reliques, стр. 52) напечатана и эта пѣсня Дездемоны. Любопытно, что Шекспиръ отнесъ ее къ женщинѣ, между тѣмъ какъ въ текстѣ баллады говорится объ оставленномъ любовникѣ.

319

Дѣйствіе V, сцена II.

ОТЕЛЛО.

Я на ноги смотрю его; но это

Все выдумки, —

Намекъ на извѣстное народное преданіе о томъ, что бѣса всегда можно узнать по ногамъ, которыя, даже если онъ принимаетъ на себя человѣческій образъ, остаются или въ видѣ птичьихъ лапъ, или въ видѣ лошадиныхъ копытъ.

Тамъ же.

ОТЕЛЛО.

*..... какъ глупецъ-индѣецъ, я отбросилъ
Жемчужину...*

Многіе, современные Шекспиру поэты, какъ на примѣръ: Гоббингтонъ, Эдв. Говардъ и другіе употребляютъ то же самое сравненіе, которое, вѣроятно, заимствовано изъ извѣстій, сообщаемыхъ современными путешественниками.